W 515/84

К. Валишевскій.

НАСЛѢДІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Царство женщинъ—правленіе фаворитовъ).

1725—1741 г.г.

ЧАСТЬ I. -2

ЖЕНА и ВНУКЪ.

Переводъ А. Энквистъ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
„НАУКА и ЖИЗНЬ“.
1906.

W 515/84

35.00

M. Михайлов.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
26526-47

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининский кан. 71—6.

Петръ Великій являлся, такъ сказать, выраженіемъ цѣлаго цикла смѣлыхъ идей и замысловъ, суммой коллективныхъ энергій, ума и воли, воплощеніемъ всей той силы и мощи, какія таились, быть можетъ, цѣлые вѣка, въ лучшихъ сынахъ его народа.

Но, найдя себѣ выраженіе въ Петрѣ, эти силы и соки народные не продолжали рости и развиваться съ тою же умопомрачительной быстротой и мощью, истинное значеніе которыхъ только тогда стало ясно и видно всѣмъ, когда не стало самого носителя этихъ народныхъ силъ, этого народнаго развитія и мощи. Петръ, если можно такъ выразиться, поглощалъ собою всѣ эти элементы; его крупная личность и характеръ какъ бы подавляли и стушевывали все кругомъ, но когда его не стало,—тогда все то, что было въ немъ, и то, чѣмъ онъ былъ самъ, стало мучительно, ужасающе ясно, выступило ярко и рѣзко передъ глазами всѣхъ.

Такъ оно и должно было быть!

Съ точки зрѣнія политической и соціальной, съ точки зрѣнія прогрессивнаго движенія, эпоха, о которой мы теперь будемъ говорить, представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ періодовъ застоя или, вѣрнѣе, даже регресса, которые въ эволюціяхъ исторіи русскаго народа являются какъ бы неизбѣжнымъ порядкомъ или закономъ вещей.

Въ такіе періоды жизнь продолжаетъ пульсировать, но въ какомъ-то хаосѣ чувствъ и понятій; она проявляется въ цѣломъ рядѣ непонятныхъ, непослѣдовательныхъ, ничѣмъ не объяснимыхъ, странныхъ и порою даже чудовищныхъ явленій. Могутъ найтись люди, которые скажутъ автору этой книги то, что сказалъ одинъ житель равнины уроженцу Кантона Берна: „вы мнѣ показываете все только горы!“ — Но исторія Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, это даже не швейцарскій пейзажъ, это скорѣе картина космогонической эпохи, т. е. момента, когда міръ

еще только созидался. Вы видите все только одни рѣзкіе контрасты: вулканы, трещины, обрывы, безпорядочныя вершины нагроможденныхъ горъ и утесовъ и бездонныя пропасти и ущелья; и это вполнѣ естественно, вполнѣ понятно!

Именно такую дикую фантасмагорію представляла собою эта эпоха царствованія женщинъ и правленія фаворитовъ. Чуть не каждый моментъ ея послужилъ темой для романа или драмы, и не удивительно, такъ какъ никакая, даже самая разнуданная фантазія писателя не могла бы превзойти эту дѣйствительность.

Почти безпрерывное царствованіе женщинъ въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія неминуемо должно было уже само по себѣ наложить извѣстный отпечатокъ романизма на эту эпоху; здѣсь-же этотъ порядокъ вещей еще усиливается тѣмъ, что въ сущности ни одна изъ этихъ женщинъ не имѣла дѣйствительныхъ правъ на престолъ, установленныхъ какимъ либо закономъ престолонаслѣдія или освященныхъ обычаемъ порядковъ преемственности. Нѣтъ, страна произвольно дарила имъ корону, какъ дарятъ діадему произвольно взятой любовницѣ; страна брала ихъ, какъ берутъ содержанку, по случайному капризу, и потому и относилась къ нимъ, какъ къ таковымъ.

Вырвавшись изъ-подъ деспотической власти того, кто былъ создателемъ народнаго величія, духъ анархіи и авантюризма, составляющій скрытую сторону всякаго общества, находящагося въ періодѣ устроенія, поднялъ голову и подъ различными видами сталъ проявлять себя въ жизни государства. Однимъ изъ этихъ проявленій была гинеократія (господство женщинъ), другимъ— правленіе фаворитовъ.

И то, и другое дало поводъ и основаніе къ множеству сплетенъ, вымысловъ и анекдотовъ, которые, не будучи сами по себѣ истиной, тѣмъ не менѣе могутъ служить къ открытію истины, путемъ сопоставленій и согласованій однихъ слуховъ и сплетенъ, одинъ анекдотовъ съ другими, при чемъ количество подобныхъ вымысловъ или анекдотовъ почти всегда гарантируетъ ихъ качество. Допустимъ, напримѣръ, что вы на удачу остановили двухъ прохожихъ, спѣшившихъ въ одномъ и томъ же направленіи, и спросили у нихъ, куда они бѣгутъ; одинъ изъ нихъ сообщилъ вамъ, что въ городѣ горитъ театръ,—другой, что пожаръ охватилъ городскую думу! Предположимъ, что и то, и дру-

гое не вѣрно. Но если вы изъ этихъ показаній выведете заключеніе, что гдѣ-то въ городѣ пожаръ, то врядъ-ли будете далеки отъ истины. Если о женщинѣ какіе нибудь злые языки говорятъ, что она имѣетъ дюжины возлюбленныхъ, и ея похожденіямъ нѣтъ числа, то пусть это и ложь, тѣмъ не менѣе едва-ли на провѣрку она окажется безупречною въ этомъ отношеніи, потому что „нѣтъ дыма безъ огня“!

Въ исторіи-же даже и не такія несомнѣнныя истины имѣютъ громадное значеніе и цѣну, такъ какъ нерѣдко ключъ къ разгадкѣ цѣлаго ряда непонятныхъ явленій кроется въ какихъ-нибудь малозначущихъ съ перваго взгляда мелочахъ, которыхъ надо доискаться, чтобы дать надлежащее освѣщеніе фактамъ и понять истинный смыслъ и значеніе извѣстныхъ событій.

Для составленія этого тома исторіи авторъ пользовался преимущественно болѣе или менѣе оффиціальными источниками, и лишь извѣстная часть его матеріаловъ остается еще и по сіе время неизданной. Значительную часть своихъ свѣдѣній онъ почерпалъ изъ документовъ Королевскаго Дрезденскаго Архива, но всего болѣе обязанъ въ этомъ отношеніи любезному содѣйствію Имперскаго Канцлера Германіи, Князя Гогенлоэ, который раскрылъ передъ нимъ двери хранилищъ Берлинскихъ Государственныхъ Архивовъ и всѣхъ книгохранилищъ Императорскаго дома. Кромѣ того, въ этомъ трудѣ много ссылокъ на труды русскихъ заслуженныхъ историковъ и на нѣкоторые документы, хранящіеся въ Петербургскихъ и Московскихъ архивахъ.

ЧАСТЬ I.

Жена и внукъ.

Глава I.

Наслѣдники Петра.—Ни завѣщанія, ни династіи, ни закона о престолонаслѣдіи.—Партіи.—28-е Января 1725 г.—Импровизованное Избирательное Собраніе. — Вмѣшательство гвардіи. — Провозглашеніе Екатерины. — Военная диктатура, ея политическія и соціальныя послѣдствія. — Освобожденіе классовъ.—Гинеократія.—Ея историческія причины.—Типъ русской женщины.—Нравственный обликъ новой Государыни.—Ея дворъ и ея приближенные.—Голштинскій домъ.—Герцогиня Курляндская.—Нѣмецкіе и Польскіе Авантюристы.—Лёвенвольде.—Сапѣга.—Безпрерывныя оргіи.—Видимое отсутствіе правительства.—Разгадка тайны.

I.

Легендарный проектъ революціоннаго декрета въ двухъ пунктахъ: I) „*Ничего больше нѣтъ*!“ и II) „*Приведеніе въ исполненіе настоящаго декрета ни на кого не возлагается*“,—какъ это ни странно, нашелъ себѣ буквальное осуществленіе въ тотъ моментъ, когда скончался Петръ. Не стало государя въ государствѣ, гдѣ всякая власть исходила непосредственно отъ государя. И не только его не стало, но и некому было замѣнить его: ни наслѣдника, ни преемника, ни даже закона о престолонаслѣдіи не осталось послѣ него. Закономъ въ данный моментъ были тѣ два слова, которыя Петръ начерталъ уже коченѣвшими перстами, въ послѣднихъ предсмертныхъ мукахъ агоніи: „Отдайте... все...“, но онъ не дописалъ, кому,—и отъ его всесильной воли, отъ этой воли, которая до этого момента бы *все*,—вдругъ не осталось *ничего*.

Въ Московскомъ государствѣ вопросы престолонаслѣдія обыкновенно рѣшались обычаемъ; при этомъ придерживались естественнаго порядка наслѣдованія по прямой нисходящей линіи;

къ концу XVI-го столѣтія этотъ порядокъ какъ будто пріобрѣлъ силу закона, хотя прямого такого закона не было.

Но въ 1598 году, со смертью послѣдняго сына Ивана Грознаго, родъ Рюриковичей прекратился, и этотъ законъ не могъ найти примѣненія, такъ какъ прямого наслѣдника не было.

Первый Романовъ (въ 1613 г.) вступилъ на престолъ уже на правахъ выборнаго отъ народа государя; его избрала вся Земля Русская или, вѣрнѣе, что тогда называлось „всей землей", земельное дворянство. Послѣ того прежній порядокъ престолонаслѣдія былъ какъ будто вновь возстановленъ; такъ, Алексѣй Михаиловичъ унаслѣдовалъ Московскій Престолъ послѣ отца; также и Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ свою очередь, но послѣ его смерти порядокъ этотъ снова былъ нарушенъ. Петръ былъ избранъ царемъ, хотя былъ младшій изъ сыновей покойнаго царя; правда, Петру приходилось раздѣлять престолъ со старшимъ своимъ братомъ Иваномъ, но власть въ государствѣ фактически всецѣло принадлежала въ это время Царевнѣ Софьѣ, и, вопреки всякому закону и порядку, народъ признавалъ за нею эту власть, и никто не оспаривалъ ее у нея, пока царь Петръ самъ силою оружія не отвоевалъ себѣ право властвовать и царствовать фактически.

Въ 1722 г. Петръ первый осмѣлился оформить этотъ столько разъ нарушавшійся и измѣнявшійся законъ или, вѣрнѣе, порядокъ престолонаслѣдія и ввести въ него новый пунктъ, предоставляющій государю право назначать себѣ преемника. Этимъ самымъ уже нарушался, такъ сказать, порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи, такъ какъ государь могъ назначить своимъ преемникомъ брата, дядю, жену, словомъ, кого желалъ. Онъ-же первый и воспользовался этимъ правомъ передъ отъѣздомъ въ походъ въ Персію, оставивъ завѣщаніе, въ которомъ назначалъ преемницей себѣ Екатерину. Но впослѣдствіи, послѣ исторіи съ Монсомъ, Петръ уничтожилъ это завѣщаніе,— и отъ новаго закона или порядка престолонаслѣдія не осталось ничего!

При такихъ-то условіяхъ приходилось рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ смерти Петра. Въ то время въ Петербургѣ образовались три партіи, изъ коихъ каждая надѣялась одержать верхъ. Прежде всего надо сказать, что кромѣ Екатерины и двухъ

ея дочерей, Анны и Елисаветы, послѣ Петра остались еще три его племянницы, дочери старшаго его брата Ивана, Герцогиня Мекленбургская, Герцогиня Курляндская и Прасковія Ивановна, не бывшая въ замужествѣ. Наконецъ, былъ еще маленькій царевичъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, сына Петра отъ его перваго брака съ Евдокіей. Ребенку было въ это время всего 9 лѣтъ, и онъ самостоятельно не могъ бы царствовать, тѣмъ не менѣе у него были сторонники, готовые защищать и отстаивать его права и даже выступить въ открытую борьбу со сторонниками Екатерины. Все старое родовитое дворянство и уцѣлѣвшіе еще боярскіе роды были на сторонѣ маленькаго царевича Петра Алексѣевича, въ которомъ они видѣли средство восторжествовать надъ нововведеніями и реформами Петра и вернуть назадъ доброе старое время. Однако, Петръ успѣлъ расчистить ряды древнихъ боярскихъ родовъ, и теперь ихъ вокругъ престола почти не оставалось, если не считать нѣсколькихъ Голицыныхъ, нѣсколькихъ Долгорукихъ да двухъ-трехъ старыхъ соратниковъ Петра, князя Рѣпнина и Бориса Шереметева, причемъ самый отважный изъ Голицыныхъ, Михаилъ Голицынъ, въ моментъ кончины Петра находился съ войскомъ на Украйнѣ.

Остальные высшіе чины двора представляли собою кучку выскочекъ и пришельцевъ, креатуръ Петра, которымъ съ его смертью грозила опасность вновь превратиться въ „ничто“; единственнымъ спасеніемъ для этихъ людей было продлить, если возможно, царствованіе Петра, и потому ихъ взоры невольно обращались на подругу царя, Екатерину, которая, кромѣ того, имѣла съ ними много общаго, не говоря уже объ общности честолюбія и интересовъ. Вѣдь, и она была такая же креатура Петра, какъ и они: она тоже была чужда народу, какъ они. Кромѣ всего того, Меншиковъ имѣлъ особенно вѣскія причины разсчитывать на благорасположеніе къ нему Екатерины, да и Девіеръ и Ягужинскій почти съ такимъ-же правомъ могли разсчитывать на нее. Третья партія, состоявшая главнымъ образомъ изъ дворянъ и высшихъ представителей духовенства, мечтала только объ ограниченіи абсолютизма, по образцу Шведской Конституціи, и хотя нѣкоторые высказывали, что права дочерей Ивана Алексѣевича, старшаго брата Петра, на Россійскій престолъ мо-

тутъ считаться болѣе законными, чѣмъ права прижитыхъ до брака дочерей Петра, тѣмъ не менѣе эта партія готова была высказаться за любого изъ претендентовъ или кандидатовъ, который съ большею готовностью согласился-бы на ихъ требованія.

Трудно сказать, какая-бы изъ этихъ партій одержала верхъ при иныхъ обстоятельствахъ, т. е. если бы смерть Петра не захватила всѣхъ врасплохъ: ни одна изъ сторонъ не успѣла ничего подготовить, не успѣла собрать своихъ силъ и вооружиться для борьбы. Въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ оказалась Екатерина,—ея партія была вся тутъ на лицо, вся въ сборѣ, не раскиданная по лицу Земли русской въ разныхъ концахъ государства, и во главѣ ея стояли близкіе Петру и ей люди, умные совѣтники, находчивые и ловкіе, за ними-же—многочисленные чужеземцы, опасавшіеся возврата къ прежнимъ московскимъ порядкамъ, чего, повидимому, можно было ожидать, если бы власть перешла къ сыну Царевича Алексѣя. Всѣ коллегіи были переполнены иностранцами, слѣдовательно, горячими сторонниками Екатерины; Синодъ, явившійся плодомъ реформъ Петра, также стоялъ за Екатерину, какъ и наиболѣе энергичные изъ сподвижниковъ Великаго Царя. Даже нѣкоторые изъ представителей старшихъ русскихъ родовъ, какъ, напр., Толстой, бывшій палачемъ царевича Алексѣя и потому не ожидавшій для себя ничего хорошаго отъ его сына, и старикъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, бывшій ближайшимъ другомъ Толстого и Меншикова,—и тѣ примыкали къ партіи Екатерины.

Герцогъ Голштинскій, состоявшій въ это время женихомъ одной изъ дочерей Екатерины, былъ преданъ своей будущей тещѣ и тѣломъ, и душой, и хотя помощь въ данномъ случаѣ была самая слабая, все же лучше было имѣть и его на своей сторонѣ, хотя-бы только потому, что ему были близко знакомы нѣкоторыя тайныя махинаціи и пріемы Екатерины.

Но всего важнѣе было, конечно, то обстоятельство, что въ рѣшительный моментъ ключи отъ государевой казны находились въ рукахъ Екатерины. Слѣдуя разумнымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ своихъ мудрыхъ сторонниковъ, она съ большою пользою для себя черпала оттуда необходимыя для ея видовъ деньги.

Въ теченіе 24 часовъ, предшествовавшихъ окончательной катастрофѣ, т. е. кончинѣ Петра, Екатерина довольно часто отлу-

чалась отъ изголовья умирающаго и запиралась въ своемъ кабинетѣ, гдѣ подъ шумокъ обдѣлывала свои дѣла. Такъ, у нея въ это время перебывали одинъ за другимъ почти всѣ маіоры и капитаны гвардіи; уходя отъ нея, они уносили съ собой самыя заманчивыя для нихъ обѣщанія, въ счетъ которыхъ получали тутъ же полностью все задолженное имъ за 18 мѣсяцевъ жалованье и по 30 руб. наградныхъ на каждаго солдата.

Однимъ изъ подполковниковъ гвардіи былъ Меншиковъ, другимъ—Иванъ Бутурлинъ; послѣдній и по семейнымъ связямъ своимъ, и по убѣжденіямъ принадлежалъ къ противной партіи, но имѣлъ личные счеты съ княземъ Рѣпнинымъ, президентомъ военной коллегіи, и изъ за этой враждебности къ Рѣпнину Бутурлинъ, въ числѣ другихъ офицеровъ гвардіи, явился въ это утро къ Екатеринѣ.

Такимъ образомъ подготовлялся день 28-го Января.

Петръ скончался въ 5 часовъ, а въ 8 ч. весь Сенатъ, Синодъ и весь генералитетъ, а также персоны, принадлежащія къ четыремъ первымъ классамъ (по табели о рангахъ, установленной Петромъ), — собрались во дворецъ. Кто распорядился созвать ихъ?—Никто! Но было въ обычаѣ, чтобы въ моменты великихъ событій или кризисовъ тѣ, кто имѣли основаніе считать себя естественной опорой престола, какъ по мановенію волшебнаго жезла вдругъ являлись во дворецъ. Всѣ вышеупомянутыя лица собрались въ большой залѣ дворца, и тотчасъ-же начались дебаты, по поводу престолонаслѣдія; по началу спорили довольно горячо. Князь Дмитрій Голицынъ предложилъ передать престолъ Царевичу Петру Алексѣевичу и назначить регентство изъ Сената и Императрицы на равныхъ правахъ. Какъ видно, это импровизованное собраніе какъ-то само собой превратилось въ избирательный совѣтъ. Толстой горячо возражалъ: „регентство Царевны Софіи,—говорилъ онъ,—оставило весьма не свѣтлыя воспоминанія; оно вообще только порождаетъ смуту въ странѣ; въ глазахъ народа, правители не пользуются особымъ уваженіемъ, и ихъ не любятъ и не чтутъ, какъ государей; во мнѣніи народа регенты или правители, какъ ты говоришь, не вполнѣ законная власть“...

„А Екатерина Алексѣевна развѣ не отличается рѣдкими душевными качествами и достоинствами? Да, наконецъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Петръ самъ предназначалъ ей престолъ“...

Эта рѣчь была встрѣчена, совершенно неожиданно раздавшимся, довольно громкимъ шепотомъ одобренія, донесшимся до присутствующихъ изъ дальняго угла залы.

Всѣ невольно обернулись въ ту сторону и увидали тамъ группу младшихъ офицеровъ, никѣмъ ранѣе не замѣченныхъ, присутствіе которыхъ, наряду съ высшими сановниками государства, на этомъ избирательномъ собраніи, было болѣе чѣмъ странно и не находило себѣ никакого оправданія.

Рѣпнинъ вскипѣлъ и набросился на офицеровъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ выговаривая имъ за ихъ продерзость. Вмѣсто отвѣта Бутурлинъ подошелъ къ окну, распахнулъ его и сдѣлалъ знакъ рукою; въ тотъ же моментъ мѣрная дробь барабановъ огласила воздухъ. Весь внутренній дворъ дворца и вся площадь передъ дворцомъ были заняты войсками: оба полки гвардіи, Семеновскій и Преображенскій, здѣсь были въ полномъ своемъ составѣ.

— Кто смѣлъ?!. Безъ моего приказанія!..—кричалъ взбѣшенный Рѣпнинъ.

— Я получилъ приказанія отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы! — сдержанно и спокойно отвѣтилъ Бутурлинъ, нимало не смутившись.

Этимъ былъ нанесенъ дальнѣйшему обсужденію вопроса о престолонаслѣдіи рѣшительный ударъ, и если продолжали еще говорить и возражать, то только для формы; точно также для формы и ради соблюденія приличій старикъ Апраксинъ освѣдомился у секретаря Государя, Маркова, не существуетъ ли какого нибудь завѣщанія, и на его отвѣтъ, что о существованіи таковаго ему ничего неизвѣстно, Апраксинъ обратился къ присутствующимъ со словами:

— Идемте принести наши поздравленія нынѣ царствующей Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ!

И всѣ пошли за нимъ. Такъ воцарилась Екатерина.

По какому праву взошла она на Всероссійскій Престолъ? Въ манифестѣ, опубликованномъ въ тотъ же день, упоминалось о Короноваціи въ 1724 году, какъ объ актѣ, указывающемъ въ Екатеринѣ будущую Самодержицу Всероссійскую, согласно волѣ Петра, но въ сущности всѣ прекрасно понимали, что Екатерина была обязана престоломъ волѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, опиравшихся на военную демонстрацію, ловко ими подготовлен-

ную и положившую конецъ дальнѣйшимъ преніямъ и обсужденіямъ важнаго государственнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе Рѣпнинъ, Дмитрій Голицынъ и Долгорукіе настаивали на томъ, чтобы совершившійся такимъ образомъ фактъ былъ по крайней мѣрѣ оформленъ и узаконенъ избирательнымъ Совѣтомъ, въ которомъ приняли-бы участіе всѣ классы населенія. Но офицеры гвардіи и слышать не хотѣли ни о чемъ подобномъ; они громогласно заявляли, что уничтожатъ каждаго, кто посмѣетъ отказаться признать *ихъ Императрицу* *).

Протестовали, впрочемъ, лишь нѣкоторыя отдѣльныя личности, въ томъ числѣ двое раскольниковъ, отказавшіеся присягать Екатеринѣ, говоря, что „коли баба стала царемъ, такъ пусть ей бабы и крестъ цѣлуютъ". Однако, послѣ двухъ побывокъ въ застѣнкѣ, упорство ихъ было сломлено. Вся же народная масса оказалась совершенно пассивною и приняла новую правительницу безъ всякихъ возраженій.

II.

Такимъ образомъ создался новый порядокъ передачи престола которому суждено было еще не разъ повторяться въ Россіи, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Правда, Екатерина I-я оставила завѣщаніе, которымъ назначала своимъ наслѣдникомъ Петра Алексѣевича, но этимъ актомъ она какъ бы снова нарушала законъ 1722 года, возстанавливая прежній порядокъ престолонаслѣдія, по прямой нисходящей линіи. Но послѣ смерти Петра Алексѣевича не было прямого наслѣдника, и Анна Ивановна, Иванъ Антоновичъ, Елисавета и Екатерина II были обязаны престоломъ тѣмъ же военнымъ или дворцовымъ переворотамъ. Послѣ 1762 г. не осталось уже и тѣни какого либо принципа: Орловы шли кратчайшимъ путемъ, которымъ всегда готово воспользоваться войско, когда сила на его сторонѣ **).

Первоначально эта военная диктатура была лишь орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ главарей, но впослѣдствіи та часть на-

---

*) *Вѣстникъ Европы за 1894 г.* I, 125, по докладу резидента Вѣны Hohenholz (Гогенгольцъ). *„Исторія Брикнера"*.

**) *„Исторія Русскаго Права"* 1895 г. стр. 621—626. Дитятинъ.

селенія, которая въ сущности представляла собою эту силу, сознала ее, наконецъ, и пожелала самостоятельно выбирать и рѣшать столь важные государственные вопросы. Эта часть населенія было русское дворянство; въ рядахъ гвардіи, вплоть до рядового солдата, служилъ въ то время цвѣтъ русскаго дворянства; каждый солдатъ сознавалъ себя ни чѣмъ не хуже и даже лучше любого временщика и втайнѣ могъ самъ разсчитывать стать, при счастьѣ, таковымъ. Это обстоятельство имѣло громадное значеніе и породило важныя послѣдствія какъ съ точки зрѣнія политической, такъ и соціальной.

Роль вершителя судебъ престола, незамѣтно присвоенная себѣ извѣстною фракціей дворянскаго сословія, т. е. тою именно частью его, которая составляла гвардію, дала поводъ всему дворянству признать себя руководящимъ и главенствующимъ классомъ страны, что и вызвало неоднократныя попытки къ созданію олигархіи, затѣмъ конституціонныхъ реформъ, на которыя самонадѣянно рѣшалось дворянство, но которымъ суждено было всякій разъ терпѣть неудачу.

Тѣмъ не менѣе, гоняясь за этимъ призракомъ фактически не существовавшей власти, дворянству все же посчастливилось пріобрѣсти себѣ кое что, чѣмъ оно не преминуло воспользоваться. Дѣло въ томъ, что характернѣйшею чертой всей этой эпохи, отъ смерти Петра и до восшествія на престолъ Александра I-го, было постепенное и прогрессивное освобожденіе классовъ отъ всякаго рода повинностей и тяготъ, навязанныхъ имъ частію еще старой Московской организаціей, частію новыми порядками современной Россіи. Первымъ освободилось отъ своихъ повинностей дворянство: Петръ I видѣлъ въ немъ по преимуществу служилое сословіе государства, но благодаря продолжительному миру, во все время царствованій преемниковъ Петра, эта главная роль дворянства, какъ служилыхъ людей, утратила мало-по-малу свое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сила и значеніе, которое успѣли пріобрѣсти за это время дворяне, какъ руководящій судьбами государства классъ, вынуждали теперь правительство поддерживать ихъ матерьяльные интересы. Не утративъ ничего изъ своихъ прежнихъ правъ и привиллегій и даже завоевавъ себѣ новыя, дворянство мало-по-малу совершенно освободилось отъ своей повинности нести военную службу, которая являлась самой важной и тяже-

лой изъ всѣхъ ихъ повинностей. По началу это, конечно, невыгодно отразилось на другихъ классахъ населенія, но затѣмъ путемъ извѣстной послѣдовательности, тѣ въ свою очередь воспользовались пріобрѣтенными уже льготами и послабленіями.

Благодаря новому режиму государственныхъ переворотовъ, гинеократія привилась въ Россіи на долгій періодъ времени, цѣлые 70 лѣтъ. Явленіе это въ сущности было довольно естественнымъ въ славянской землѣ. Въ Россіи, въ Богеміи и даже въ Польшѣ женщина въ древнія времена нерѣдко представляетъ характерныя черты амазонокъ: даже Илья Муромецъ, самый прославленный и непобѣдимый изъ богатырей, и тотъ встрѣчаетъ достойнаго себѣ соперника въ лицѣ дочери Соловья Разбойника. И это превосходство женщины надъ многими легендарными героями и витязями объясняется не однимъ физическимъ превосходствомъ силы и ловкости, нѣтъ! Въ понятіяхъ древнихъ славянъ женщина часто торжествовала и побѣждала умомъ, хитростью, коварствомъ; въ ней охотно видѣли существо на половину сверхестественное, обладающее таинственными чарами, колдовскими средствами. Какъ это ни странно, но великими государями, правителями, законодателями и судьями своего времени въ славянскихъ земляхъ очень часто были женщины: Любуша въ Богеміи, Княгиня Ольга въ Древней Руси и, наконецъ, Екатерина Великая въ современной Россіи.

Эта коренная славянская традиція, отводившая женщинѣ такое почетное и видное мѣсто въ жизни народа и страны, измѣнилась лишь подъ вліяніемъ Византіи и татарскаго ига. Наконецъ, даже въ XVI и XVII вѣкѣ, когда порабощеніе женщины, казалось, достигло своего апогея, исконное отношеніе къ ней все же не могло быть вырвано съ корнемъ изъ души русскаго народа. Вопреки подавляющему вліянію византійскихъ понятій, въ Новгородѣ женщины продолжали принимать участіе въ общественной жизни; Марфа Борецкая играла изъ ряда вонъ выдающуюся роль въ Новгородѣ; великія княгини Евдокія и Софья въ Москвѣ, Евдокія и Анастасія въ Твери, Анна въ Рязани и Елена въ Суздалѣ открыто участвовали въ общественной жизни на равныхъ правахъ съ мужчинами; онѣ принимали пословъ, присутствовали на пирахъ, обсуждали государственные вопросы внѣшней и внутренней политики. Наконецъ, даже въ теремѣ, до уни-

чтоженія его реформами Петра, русская женщина не имѣла чисто восточнаго типа жены рабыни,—безличнаго существа, съ которымъ никто не считается. Нѣтъ, ее держатъ взаперти, это правда, и красота ея цѣнилась на вѣсъ,—женщина, вѣсившая менѣе 5 пудовъ, не могла считаться пригожей и въ большинствѣ случаевъ была обречена на безбрачіе и монастырь, тѣмъ не менѣе, хотя отношенія мужа къ женѣ преимущественно сводились къ чисто чувственнымъ и жена боялась и трепетала, признавая въ мужѣ своего господина и владыку, за то въ домашнемъ обиходѣ русская женщина оставалась царицей, а не рабой. Добрый мужъ и сынъ шли съ нею совѣтоваться; онъ уважалъ ея совѣтъ, но презиралъ ее въ душѣ, какъ истый падишахъ. Домомъ управляетъ жена; ея прислужницы, сѣнныя и теремныя дѣвушки, признавали въ ней свою госпожу; всѣ холопы также подвластны ей; мало того, она на равныхъ правахъ съ мужчиной могла владѣть землями, помѣстьями, рабами и распоряжаться всѣмъ этимъ по своему усмотрѣнію.

Типъ боярыни-хозяйки сказывается и въ тѣхъ женщинахъ, которымъ судьба судила занимать первыя мѣста въ государствѣ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ и кончая кануномъ XIX-го столѣтія. Анна и Елисавета, царствовавшія послѣ Екатерины I-ой, въ сущности ничѣмъ не отличались отъ любой дворянки временъ царя Алексѣя Михаиловича и управлялись съ царствомъ совершенно такъ же, какъ тѣ со своими вотчинами. Образчикомъ тогдашнихъ нравовъ женщинъ высшаго круга можетъ служить, между прочимъ, слѣдующій незначительный и весьма заурядный въ тѣ времена эпизодъ: герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, сестра императрицы Анны Ивановны, присутствовала однажды на представленіи какой-то трагедіи; тутъ же находился одинъ иностранный посолъ, къ которому герцогиня обратилась между двухъ репликъ актеровъ и съ улыбкой пояснила ему, что актеръ, исполняющій роль короля, одинъ изъ ея холоповъ, и что передъ тѣмъ, какъ выйти на сцену, онъ, по ея приказанію, получилъ 200 ударовъ батоговъ.

Въ лицѣ Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, сестры Петра Великаго, мы видимъ другой типъ русской женщины—писательницы, аристократической натуры, богато одаренной и способной, прототипъ будущихъ ученыхъ и высокообразованныхъ женщинъ.

И тотъ поразительно быстрый умственный ростъ и развитіе, какое мы наблюдаемъ въ настоящее время въ русскихъ женщинахъ, во многихъ отношеніяхъ объясняется атавизмомъ, т. е. свойственными славянской женщинѣ способностями къ широкому умственному развитію, хотя и исторія, и традиціи въ сущности скорѣе препятствовали, чѣмъ способствовали развитію и процвѣтанію этихъ природныхъ способностей, умственныхъ и нравственныхъ. Что-же касается Маріенбургской плѣнницы, то секретъ ея возвышенія отнюдь не слѣдуетъ приписывать вышеупомянутымъ качествамъ; ея счастливая судьба объясняется совершенно иначе,— и къ достиженію ея вели совершенно иные пути, какъ это увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

То, что извѣстно о происхожденіи, о прошломъ, о дальнѣйшемъ поведеніи и характерѣ той женщины, которая была призвана продолжать царствованіе великаго реформатора Россіи, едва-ли можетъ оградить ее отъ весьма нелестныхъ нареканій. Нѣкоторые пытались сомнѣваться въ достовѣрности тѣхъ данныхъ и документовъ, которые выставляли ее не въ особенно лестномъ свѣтѣ, но вотъ документъ, противъ котораго врядъ-ли найдетъ что возразить даже самый отъявленный скептикъ и заступникъ Екатерины. Это—оффиціальный документъ, содержащій отрывки изъ переписки русскихъ государей. Въ числѣ этихъ отрывковъ мы находимъ письмо отъ 18-го Іюня 1717 года, писанное Петромъ женѣ изъ Спа, гдѣ онъ лечился. Письмо это Петръ поручилъ отвезти Екатеринѣ своей любовницѣ, которую онъ отсылалъ отъ себя по совѣту пользовавшихъ его врачей, совершенно воспретившихъ ему, на извѣстное время, всякія „*домашнія развлеченія*“. Вотъ дословный отвѣтъ Екатерины на это письмо, отвѣтъ чрезвычайно характерный:

„Ты говоришь, что отослалъ свою любовницу изъ-за предписаннаго тебѣ воздержанія, такъ какъ при водахъ, которыя ты пьешь, тебѣ нельзя увеселяться съ нею. Вѣрно! Но, думается, что ты скорѣе отослалъ ее изъ-за ея болѣзни, отъ которой она изволила лѣчиться въ Гагѣ, и скажу одно, что я бы не желала, чтобы ея любовникъ вернулся къ намъ въ томъ состояніи здоровья, какимъ она могла похвалиться намъ здѣсь“. Въ этихъ строкахъ

звучитъ ѣдкій насмѣшливый тонъ, но безъ малѣйшей примѣси злобы или обиды, такъ какъ далѣе это письмо продолжается такъ: „Вы поздравляете меня съ днемъ ангела *Старика* (такое прозвище носилъ въ семьѣ самъ Петръ) и нашего Шишечки (прозвище маленькаго царевича Петра Петровича, вскорѣ послѣ того скончавшагося, къ великому огорченію своихъ родителей), благодарю; будь *Старикъ* здѣсь, я увѣрена, что къ будущему году у насъ былъ бы ужъ второй Шишечка".

Таково снисходительное и вмѣстѣ циничное отношеніе Екатерины къ ея супругу, и если сопоставить съ этимъ письмомъ ея старую лубочную гравюру того времени, замѣченную Герценомъ [въ одной гостиницѣ и изображающую Петра за столомъ, уставленнымъ различными яствами и напитками, и Меншикова, который подводитъ къ нему дородную дебелую красотку, въ которой не трудно узнать Екатерину, а внизу краснорѣчивая надпись: „Добрый и вѣрный подданный уступаетъ своему возлюбленному Государю то, что у него есть самаго драгоцѣннаго",— если, повторяемъ, сопоставить письмо Екатерины и содержаніе этой старой гравюры, то тонъ письма объясняется до извѣстной степени.

Изображеніе-же это и пояснительная къ нему надпись передаютъ намъ вкратцѣ то, что можно сказать съ достовѣрностью о прошломъ Екатерины, или же почти все.

Въ 1702 г. она зовется Мартой и поступаетъ въ домъ пастора Глюка, а затѣмъ переходитъ въ качествѣ плѣнницы, невольной или добровольной,—въ этомъ пунктѣ мнѣнія расходятся,—въ лагерь завоевателей Ливоніи. Здѣсь она несетъ всѣ обязанности чернорабочей, здоровой, бойкой нѣмки, не брезгая никакой, даже самой послѣдней работой и служа одновременно съ этимъ, по примѣру всѣхъ ей подобныхъ, и для домашней услады своего господина, какъ это всегда было въ обычаѣ въ то время. Къ концу слѣдующаго, т. е. 1703-го года, Петръ поселилъ ее въ Москвѣ, и здѣсь у нея родились внѣ брака одна за другой двѣ дочери, Анна и Елисавета. Вскорѣ послѣ рожденія послѣдней Марта приняла православіе; законоучителемъ ея былъ попъ Василій Антипьевъ, ставшій впослѣдствіи архимандритомъ Варлаамомъ *).

*) Біографія архимандрита Варлаама въ „Русскомъ Архивѣ", за 1874 г.—1, 568.

Имя Екатерины она приняла лишь при переходѣ въ православіе, а до того именовалась своимъ прежнимъ именемъ.

Въ бракъ съ Петромъ она вступила лишь въ 1712 году. По свидѣтельству современниковъ, близко стоявшихъ къ ней, Екатерина, вступая на престолъ, не умѣла ни читать, ни писать, но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ научилась вполнѣ прилично подписывать свое имя подъ государственными бумагами и документами, и вести свою особую секретную книжку расходовъ.

Приводимъ здѣсь выдержки изъ этой книжки расходовъ съ 1722 по 1725 гг. *). Эти выдержки такъ краснорѣчивы, что въ яркихъ чертахъ рисуютъ намъ нравственный обликъ Екатерины. Здѣсь мы находимъ даже денежныя пособія на обученіе; такъ, напр., въ книжкѣ значится: „выдано 5 червонцевъ солдату Преображенскаго полка, отправляющемуся въ Амстердамъ для изученія наукъ, и 20 червонцевъ автору, составившему французскую грамматику“. По части поощренія просвѣщенія это все! Наибольшую щедрость проявляетъ Государыня по отношенію къ псарямъ, къ садовникамъ-огородникамъ, выгонявшимъ къ ея столу рѣдкій салатъ и раннюю зелень, къ фокусникамъ, акробатамъ и жонглерамъ; такъ, напр., одинъ изъ нихъ, умѣвшій ходить внизъ головой, былъ награжденъ 30-ю червонцами, тогда какъ царевна Наталія Алексѣевна получила въ день своего ангела только 8 червонцевъ, въ новомъ шелковомъ кошелькѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1724 года, княгиня Голицына удостоена почти такого же награжденія, какъ жонглеръ, именно, получила 23 червонца, чтобы оплакать смерть своей сестры и, какъ гласитъ расходная книжка, о которой идетъ рѣчь,—Голицына много плакала въ этотъ день.

Впрочемъ, благотворительность вообще была не чужда Екатеринѣ I-й: ея прихожія и пріемныя, когда она стала имѣть таковыя, постоянно были переполнены всякимъ людомъ, солдатами, матросами, рабочими и всякаго рода бѣдняками, являвшимися сюда за пособіемъ или поддержкой или же съ просьбой окрестить ребенка, въ чемъ она никогда никому не отказывала, приказывала записать себя воспріемницей и дарила своему крестнику или крестницѣ нѣсколько червонцевъ. Кромѣ того, она охотно

*) „Русскій Архивъ“ 1874 г. 1, 513 и далѣе.

давала приданое дѣвушкамъ сиротамъ, назначала пенсіи старымъ ветеранамъ Шведской войны и раздавала милостыню нищимъ, убогимъ, калѣкамъ, а также дѣлала пожертвованія и приношенія духовенству, монахамъ, дарила и награждала Христославовъ...

Мало того, въ расходной книжкѣ мы находимъ, что два червонца даны были крестьянину, который не въ состояніи былъ уплатить податей, но на ряду съ нимъ мы видимъ, что другому крестьянину, который, имѣя 84 года отъ роду, могъ взлѣзть на дерево, было пожертвовано за это 10 червонцевъ. Изъ этого сопоставленія видно, что собственно всего больше цѣнилось и награждалось и какую роль играло доброе чувство въ благотворительности Екатерины.

Но особенно любопытно то обстоятельство, что, наряду съ этими сравнительно очень мелкими и незначительными расходами, мы встрѣчаемъ въ расходной книжкѣ Екатерины Алексѣевны лишь одну крупную статью расхода въ сто тридцать два червонца за партію Данцигской водки въ 1724 году. Эта сумма являлась весьма почтенной, такъ какъ цивильный листъ Екатерины I въ то время, унаслѣдованный ею отъ Петра, былъ крайне скромный, и такіе расходы ложились на него большой тяжестью.

На слѣдующей страницѣ той же записной или расходной книжки мы видимъ: 25 сентября 1725 года, когда Петра уже не было въ живыхъ,—было выдано 10 червонцевъ княгинѣ Анастасіи Голициной (княгинѣ-игуменьѣ, непремѣнной участницѣ всѣхъ оргій предыдущаго царствованія) за то, что она осушила за столомъ Ея Величества два ковша англійскаго пива;—далѣе, 12-го октября того-же года значатся въ расходной книжкѣ еще другіе 20 червонцевъ той же княгинѣ Голицыной за то, что она изволила выпить разомъ два ковша краснаго французскаго вина. Спустя недѣлю, княгиня, повидимому, уже достаточно нагрузившаяся предварительными изліяніями, получаетъ въ награду за лишній осушенный ею кубокъ 14 червонцевъ, положенныхъ на дно этого кубка; княгиня выпиваетъ кубокъ и беретъ себѣ деньги, послѣ чего на дно слѣдующаго кубка опускаются еще пять червонцевъ, но на этотъ разъ Голицына отказывается отъ кубка, и деньги получаетъ вмѣсто нея виночерпій.

Невольно рождается вопросъ: да гдѣ же все это происходило.

Отъ этихъ фактовъ несетъ какимъ-то кабацкимъ духомъ, какимъ-то непристойнымъ вертепомъ! А вѣдь это не анекдотъ, не росказни чужеземныхъ дипломатовъ, которые, быть можетъ, и не прочь при случаѣ приврать для краснаго словца, хотя и въ ихъ разсказахъ мы также встрѣчаемъ многочисленныя повторенія аналогичныхъ фактовъ. Такъ, напр., старшій секретарь саксонскаго посольства приводитъ намъ слѣдующія подробности изъ жизни Екатерины: Меншиковъ являлся каждое утро къ своей бывшей служанкѣ и постоянно заставалъ ее въ постели; разговоръ между ними начинался неизбѣжно всегда съ одной и той же фразы: „ну, что же мы будемъ пить?“ затѣмъ приступали къ винопитію; по началу выпивалось нѣсколько стакановъ водки, далѣе чередовались вплоть до вечера различныя вина заморскія съ простою (простой хлѣбной водкой) и иностранные ликеры съ домашними наливками и настойками.

Кампредонъ въ своихъ мемуарахъ отъ 1726 г. живописуетъ намъ слѣдующій характерный фактъ: „Нѣсколько дней тому назадъ, разговоръ, который обыкновенно бываетъ не изъ серьезныхъ послѣ ужина, какимъ-то случаемъ перешелъ на царевну Наталію *), скончавшуюся вскорѣ послѣ смерти Государя. При воспоминаніи о ней Екатерина расплакалась. Ея слезы естественно смутили общее веселое настроеніе; всѣ смолкли, и за столомъ воцарилось тяжелое молчаніе. Такъ какъ это было тотчасъ послѣ ужина, то никто изъ присутствовавшихъ на немъ не успѣлъ еще удалиться; обыкновенно-же всѣ сверхсчетные гости, вскорѣ по окончаніи ужина, откланивались и покидали дворецъ, чтобы не мѣшать остающимся; за столомъ оставались лишь самые близкіе, т. е. своя, тѣсная компанія, проводившая за этимъ столомъ вотъ уже шесть мѣсяцевъ, изо-дня въ день, всѣ ночи вплоть до 9 часовъ утра. Всегда безпечный и веселый Сапѣга не выдержалъ и, поднявъ высоко надъ головой большой кубокъ вина, громко воскликнулъ: „Игра начата! Кто идетъ?“ „Идетъ!—отозвалась Екатерина и, утеревъ слезы, разомъ осушила кубокъ до дна.

Далѣе въ томъ же мемуарѣ говорится о наиболѣе постоянныхъ и замѣтныхъ членахъ этой тѣсной компаніи и о роли ихъ

*) Дочь Петра и Екатерины.

въ то время: „Меншиковъ уже теперь не болѣе, какъ близкій совѣтникъ—пишутъ тамъ.—Но г. Ягужинскій это *все*, конечно, только въ свою очередь, такъ какъ каждый изъ близкихъ людей въ свой чередъ бываетъ на очереди... Впрочемъ, баронъ Левенвольде, повидимому, пользуется наибольшимъ довѣріемъ... хотя и г. Девіеръ все еще принадлежитъ къ числу избранныхъ фаворитовъ. Графъ Сапѣга, конечно, попрежнему занимаетъ свой высокій постъ баловня Екатерины,—это такой красавчикъ, прекрасно сложенный, полный силъ и молодости, и ему часто посылаютъ цвѣты и драгоцѣнности“... „Кромѣ этихъ господъ насчитывался еще цѣлый рядъ второстепенныхъ фаворитовъ,—они не столь замѣтны и имена ихъ извѣстны только мамзель Іоганнѣ, камерюнгферѣ Государыни и хранительницѣ всѣхъ ея любовныхъ секретовъ“.

Этотъ мемуаръ составленъ по предшествовавшей его изданію перепискѣ отъ 1725 г. до 1727 г., изобиловавшей подобнаго рода пикантными подробностями.

Напримѣръ, въ письмѣ, намѣченномъ *14 октября 1725 г.*, мы читаемъ: „Ея Величество продолжаетъ предаваться всякаго рода излишествамъ въ такой мѣрѣ, что это начинаетъ отзываться на ея здоровьѣ“. Въ письмѣ отъ *22-го октября того же года* встрѣчаются слѣдующія строки: „Царица чувствовала себя очень плохо послѣ дебоша въ день празднованія Св. Андрея Первозваннаго... ей пустили кровь, и на этотъ разъ она спасена, но такъ какъ она женщина весьма тучная и ведетъ образъ жизни крайне неправильный и неумѣренный, то врачи опасаются, чтобы съ нею не случилось чего либо такого, что сократитъ дни ея жизни*).

Датскій посолъ Вестфаль высчиталъ количество потребляемаго при дворѣ Венгерскаго (вина) и Данцигской водки; по его разсчету вышло, что за два первые года царствованія Екатерины было израсходовано этихъ напитковъ на сумму около милліона рублей **), что для государства, весь доходъ котораго въ то время не достигалъ 10 милліоновъ рублей, являлось громадною цифрой.

---

*) Акты Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

**) *Корсаковъ*, восшествіе на престолъ Анны I-й 1880 г., Добавленіе, стр. 75.

Допустимъ даже, что это злорѣчивые толки; но если сопоставить кое-какія цифры изъ расходной книжки Екатерины, то невольно придешь къ убѣжденію, что эти толки имѣли извѣстное основаніе.

Во всякомъ случаѣ, Кампредона трудно причислить къ злонамѣреннымъ свидѣтелямъ, такъ какъ онъ въ это время мечталъ о франко-русскомъ альянсѣ и въ отчетѣ своему правительству не скупился на самые лестные отзывы объ умѣ, талантахъ и мужествѣ новой Государыни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ подробное описаніе допроса, учиненнаго manu propria Императрицей одной изъ ея фрейлинъ, провинившейся въ излишней болтливости и заставившей вылѣзть изъ-подъ кровати Императрицы одного камергера, который, притворившись пьянымъ, разсчитывалъ выждать тамъ удобное время. Восхваляя удивительное мужество и присутствіе духа подруги Петра, которой этотъ послѣдній, какъ извѣстно, приписывалъ свое спасеніе во время злополучнаго похода на Прутъ, Кампредонъ разсказываетъ, какъ Императрица присутствовала на ученьяхъ Гвардейцевъ и, не моргнувъ глазомъ, выдерживала не только ружейные залпы, но даже и артиллерійскую пальбу, и какъ случайно-ли или злоумышленно при одномъ залпѣ убитъ былъ наповалъ человѣкъ, стоявшій въ трехъ шагахъ отъ нея, и Екатерина, не дрогнувъ, спокойно замѣтила на это, „бѣднята, эта пуля предназначалась не ему“; затѣмъ она подозвала офицера, командовавшаго стрѣльбой, и гнѣвно вырвала у него шпагу изъ рукъ *).

Вообще-же не только французскому резиденту, но и всѣмъ его собратьямъ или коллегамъ придворная жизнь этого новаго царствованія представлялась сплошнымъ праздникомъ, который, благодаря вкусамъ и склонностямъ Государыни, а отчасти благодаря традиціямъ предыдущаго царствованія, превращался въ сплошную оргію.

Интимный кружокъ приближенныхъ Екатерины уже самъ по себѣ ясно говоритъ, какіе нравы и обычаи царили при ея дворѣ. Наиболѣе близкими къ ней женщинами были три нѣмки: во 1-хъ, Анна Крамеръ, захваченная въ плѣнъ при взятіи Нарвы и затѣмъ отосланная въ Казань. Губернаторъ Казанскій Апраксинъ,

*) 12 февр. 1726 г. Акты Министерства Иностр. Дѣлъ.

предварительно испытавъ и одобривъ достоинства этой дѣвицы, какъ говоритъ князь Долгоруковъ въ своихъ мемуарахъ,—по примѣру Меншикова уступилъ ее своему Государю, который сперва пристроилъ ее къ г-жѣ Гамильтонъ (одной изъ своихъ возлюбленныхъ), затѣмъ опредѣлилъ къ Екатеринѣ въ качествѣ фрейлины; позднѣе Екатерина произвела ее въ штатсдамы и назначила гофмейстериной къ великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. За Анной Крамеръ слѣдовали двѣ другія нѣмки, Юстина Грюнвальдъ и Іоганна Петровна, повѣренная Императрицы по любовнымъ дѣламъ. Кто собственно была эта послѣдняя и каково было ея прошлое, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что ея нѣмецкое имя, прикрытое русскимъ отчествомъ, совершенно сбиваетъ съ толку историка, который пожелалъ-бы разслѣдовать ея прошлое. Таково было это тріо въ 1725 году.

Спустя два года, Анна Крамеръ, въ сообществѣ другой, уже четвертой нѣмки, извѣстной подъ именемъ Каро, бѣжавшая, какъ говорятъ, изъ дома терпимости въ Гамбургѣ, должна была подвергнуться тюремному заключенію за кражу драгоцѣнностей. Когда скончалась великая княжна Наталія, оказалась пропажа многихъ ея драгоцѣнностей, и одно изъ ея колецъ было найдено на пальцѣ домашняго секретаря князя Долгорукова, фаворита Петра II-го, молодого нѣмчика, съ которымъ Крамеръ состояла въ близкихъ отношеніяхъ *).

Таковы были нѣмецкія фрейлины и приближенныя Екатерины.

Изъ рускихъ же были близки къ ней только дѣвица Толстая и Княгиня Голицына, о которой уже было говорено выше.

Нечего сказать, миленькая компанія! Семейка, пожалуй, тоже была не лучше. 21-го Мая 1725 г. состоялся бракъ старшей дочери Императрицы, Анна Петровны, съ герцогомъ Голштинскимъ, Карломъ Фридрихсомъ. Спустя три дня послѣ торжественнаго бракосочетанія, резидентъ Саксонскаго двора писалъ своему королю:

„При дворѣ всѣмъ достовѣрно извѣстно, что герцогъ Голштинскій всѣ эти три ночи не ночевалъ у себя,—по причинѣ от-

---

*) Сборникъ V, 328, Есиповъ *„Одна изъ приближенныхъ Екатерины I“*, Историческій вѣстникъ, 1880 г. Мартъ.

вращенія къ своей новобрачной, или изъ-за московской гризетки, которая въ настоящее время находится здѣсь. Мать въ отчаяніи отъ жертвы, принесенной ея дочерью".

Однако, какъ показали дальнѣйшіе факты, молодая женщина, принесшая себя въ жертву, вовсе не была отъ этого въ отчаяніи, такъ какъ вскорѣ тотъ же резидентъ извѣщаетъ своего патрона, что она отплачиваетъ своему супругу тѣмъ-же, т. е. также проводитъ почти всѣ ночи внѣ дома „то у одного, то у другого", вмѣстѣ со своею кузиною Анной Ивановной, Герцогиней Курляндской, ставшей впослѣдствіи Императрицей Всероссійской *).

Присоединеніе этой Голштинской линіи къ дому Романовыхъ и вплетеніе ея въ исторію русскаго Государства было въ сущности мыслью Петра. Единственный сынъ старшей сестры Карла XII-го, Гедвиги-Софіи, и Фридриха IV Герцога Голштинскаго, молодой супругъ Анны Петровны является, такъ сказать, прямымъ наслѣдникомъ послѣ дядюшки своего Карла XII. Но, увы!—злополучный король Швеціи увлекъ за собою на дно погибели и своего племянника,—который не только долженъ былъ проститься съ надеждой взойти на Шведскій престолъ, но даже и собственное его отцовское наслѣдье было захвачено Даніей, такъ что ему теперь не оставалось ничего болѣе, какъ просить пріюта и убѣжища въ Россіи, гдѣ его ожидало негаданное и по истинѣ ничѣмъ не заслуженное счастье. Болѣзненный, хилый, невзрачный и недалекій по уму, онъ не обладалъ рѣшительно ничѣмъ, чтобы нравиться, тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ понравиться Екатеринѣ на столько, что она пожелала назвать его своимъ зятемъ. Петръ также одобрилъ этотъ выборъ, на что у него были свои основанія: въ качествѣ претендента на Шведскій престолъ и законнаго государя узурпированнаго Даніей герцогства, этотъ невзрачный молодой человѣкъ являлся весьма удобнымъ орудіемъ для дальновидныхъ политическихъ комбинацій Петра; Екатерина-же, не руководствовавшаяся никакими политическими видами, не нашла нужнымъ открыть тайну своихъ симпатій къ нему, но секретъ этотъ подозрѣвали многіе: симпатія порочности и развращенности, говорятъ, является однимъ

*) Мемуары Князя Долгорукова, 1867—71 г., I, 10.

изъ неопровержимыхъ законовъ природы. Анна Петровна одна пробовала противиться этому браку: этотъ неприглядный, тщедушный женихъ былъ ей совсѣмъ не по душѣ. И дѣйствительно она была достойна лучшаго жениха. Даже самые угрюмые и суровые дипломаты того времени, неспособные мстить, утверждали, что Анна Петровна была „положительная красавица", а если судить объ ея умѣ по весьма распространенному въ то время анекдоту о графѣ Апраксинѣ,—то надо полагать, что у нея и въ умѣ не было недостатка. Разсказывали, что этотъ селадонъ, слишкомъ самоувѣренный, явился однажды къ Аннѣ Петровнѣ и, вручая ей шпагу, потребовалъ, чтобы она позволила ему умереть отъ ея руки, если она уже не хочетъ удостоить его иного счастья! На это Анна Петровна, хладнокровно взявъ шпагу, приготовилась исполнить его желаніе, чѣмъ и обратила Апраксина въ бѣгство.

Послѣ брака, который былъ только отсроченъ смертью Петра, молодая женщина стала утѣшаться на сторонѣ; воцареніе Екатерины выдвинуло чуть не на первый планъ ея невзрачнаго супруга, который былъ повѣреннымъ всѣхъ тайнъ и ближайшимъ совѣтникомъ своей тещи, несравненно болѣе близкой ему, чѣмъ его супруга. Вскорѣ этотъ чахлый голштинецъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ регента въ странѣ, совмѣстно со своимъ приближеннымъ и другомъ Бассевицемъ.

Ближайшая товарка и спутница въ ночныхъ похожденіяхъ молодой герцогини Голштинской, Анны Петровны, Анна Ивановна, Герцогиня Курляндская, дочь старшаго брата Петра, Ивана, вдовѣла уже съ 1710 г., т. е. чуть-ли не съ самаго дня брака своего съ герцогомъ Курляндскимъ. Петръ устроилъ этотъ бракъ мимоходомъ, во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ Германію; здѣсь также у него была геніальная задняя мысль: зависѣвшая въ то время отъ Польши на правахъ вассальнаго княжества, Курляндія стала за послѣднее время лакомымъ кускомъ, который могъ легко попасть въ руки любого изъ болѣе сильныхъ сосѣдей, и Петръ рѣшилъ пріобщить ее мирнымъ путемъ къ своему государству, для чего и устроилъ бракъ своей племянницы съ Герцогомъ Курляндскимъ. Герцогъ-же, едва повѣнчавшись, не успѣлъ даже довезти до Митавы свою новобрачную и скончался въ пути, какъ утверждаютъ, опившись на своей свадьбѣ. Тѣмъ

не менѣе Петръ настоялъ, чтобы молодая вдова поселилась въ Митавѣ и приняла на себя роль владѣтельной Герцогини Курляндской. Молодая женщина покорилась волѣ дяди, но страшно скучала въ своей Митавѣ и всѣми силами рвалась на берега Невы, куда и являлась довольно часто гостить, подъ всевозможными предлогами, и гдѣ всегда находила утѣшеніе въ своемъ вдовствѣ. Рейнгольдъ Лёвенвольде былъ однимъ изъ ея главныхъ агентовъ въ Петербургѣ.

Принадлежа къ семьѣ, происходившей изъ г. Люнебурга, но поселившейся уже съ начала XIII-го вѣка въ Ливоніи, Лёвенвольде служилъ въ войскѣ Карла XII, но послѣ Полтавы предпочелъ перейти на сторону побѣдителя. Весьма способный интриганъ, онъ сумѣлъ понравиться герцогинѣ Курляндской и черезъ ея посредство пристроился къ русскому двору. Здѣсь онъ ловко сумѣлъ подобрать весьма пріятную для герцогини и весьма веселую компанію, центромъ и душой которой была княгиня Волконская, рожденная Бестужева, очень живая, подвижная, бойкая и ловкая особа, притомъ же весьма вліятельная. Вдовья пенсія Анны Ивановны, конечно, была не велика и, благодаря своимъ вкусамъ и наклонностямъ, Анна Ивановна постоянно нуждалась въ деньгахъ. Такъ какъ Петръ не соглашался назначать ей добавочнаго содержанія, считая это лишнимъ, то ея друзья въ Петербургѣ ухитрялись все же снабжать ее деньгами, доводя до крайняго минимума содержаніе ея сестеръ *). Благодаря подобнаго рода услугамъ ловкій Лёвенвольде сталъ своимъ человѣкомъ при дворѣ и теперь сталъ пользоваться этимъ для того, чтобы устраивать и свои личныя дѣлишки. Типичнѣйшій представитель тѣхъ нѣмцевъ, которые при Петрѣ были тише воды—ниже травы, а при его преемникахъ такъ нагло проявили свои непомѣрные аппетиты и честолюбіе, этотъ хитрый царедворецъ разошелся теперь во всю. Красивый мужчина, пустой и ничтожный, съ утонченными манерами большого барина, онъ бѣшено сорилъ деньгами въ игрѣ и въ другихъ наслажденіяхъ, выманивая эти деньги у женщинъ, организуя позорныя празднества и увеселенія, переходившія въ дикія оргія и интимныя вечеринки и пикники; благодаря такимъ своимъ талантамъ онъ былъ всегда

*) *Хмыровъ*. „Графиня Головкина и ея время“ 1867 г. стр. 133.

желаннымъ гостемъ того тѣснаго кружка, въ которомъ Екатерина отдыхала теперь отъ тяготы своего прежняго положенія; мало того, онъ такъ понравился ей, что она взяла его себѣ въ фавориты, одновременно съ молодымъ Сапѣгой.

Послѣдній, происходившій изъ одной изъ родовитыхъ фамилій Польши, являлся здѣсь, въ Россіи, представителемъ того типа знатныхъ авантюристовъ, ренегатовъ, которые, предвидя близкую гибель своей родины, старались только о томъ, чтобы спасти свои шкуры и свои капиталы, даже тою цѣной, какой обыкновенно покупаются подобные компромиссы. Предназначавшійся на высшій военный постъ въ Рѣчи Посполитой, отецъ Сапѣги предпочелъ умереть фельдмаршаломъ русскаго войска и тайнымъ агентомъ на жалованіи у своего новаго господина и повелителя. Сынъ же стараго Сапѣги пошелъ еще дальше и взобрался еще выше, но занялъ положеніе еще менѣе почетное, чѣмъ отецъ. Есть данныя, по которымъ Екатерина родилась и выросла крѣпостною Сапѣгъ, такъ какъ мѣсто ея рожденія находилось въ помѣстьѣ этихъ магнатовъ; этимъ объясняется отчасти, почему отецъ и сынъ Сапѣги направили свои стопы въ Россію и прибыли въ Петербургъ, какъ только ихъ бывшая крѣпостная вступила на Россійскій престолъ.

Таковъ былъ дворъ! Таковы были его нравы!

Что удивительнаго, что болѣе серьезные дипломаты совершенно терялись, не видя, гдѣ и въ чемъ искать правительства и чѣмъ руководиться при такомъ дворѣ!

Такъ, одинъ изъ нихъ пишетъ: *14-е Іюня 1725 г.* „Нѣтъ никакой возможности опредѣлить отношенія этого двора; здѣсь день превращенъ въ ночь и ночь—въ день; нѣтъ никакой возможности слѣдить за всѣмъ. Все какъ будто заглохло, дѣла, теченіе жизни... нигдѣ ни въ чемъ ничего не дѣлается, и никто не соглашается принять на себя никакого дѣла, никакой работы... Дворецъ становится совершенно недоступнымъ, тамъ властвуетъ интрига, и полная распущенность“...

25-го Мая 1727 г.—„Я боюсь прослыть наглымъ лжецомъ, если разскажу хоть отчасти то, какъ въ настоящее время здѣсь живетъ дворъ и что здѣсь при дворѣ дѣлается. Это какое-то сплошное безобразное пьянство... О государственныхъ дѣлахъ и рѣчи нѣтъ—все положительно гибнетъ и идетъ прахомъ“.

15-го Марта 1727 г. „Казначейство пусто, звонкой монеты уже нѣтъ болѣе въ обращеніи... никому не платятъ... словомъ, Государь, я не въ состояніи подыскать словъ, чтобы описать вамъ этотъ хаосъ“.

Все это было правда, но только видимая правда; Екатерина дѣйствительно была совершенно неспособна нести бремя государственныхъ заботъ, выпавшихъ на ея долю; въ былое время она была очень хозяйственной, когда стирала бѣлье Меншикова или готовила для своего новаго господина какія-то особенныя блюда по своему вкусу. Правда, она любила присутствовать на ученьяхъ и парадахъ, напоминавшихъ ей былую лагерную жизнь, да и кромѣ того, тутъ представлялся случай увидѣть сразу десятки бравыхъ мужчинъ и сдѣлать изъ нихъ выборъ по своему вкусу. Но объ управленіи государствомъ Екатерина и не думала, тѣмъ не менѣе правительство существовало, затерявшееся въ хаосѣ, невидимое для глазъ, но функціонировавшее, такъ какъ иначе это царствованіе и слѣдующія за нимъ подобныя же царствованія были бы концомъ Русскаго государства.

Гинеократія и здѣсь, какъ вездѣ, нашла себѣ противовѣсъ въ фаворитизмѣ, историческую роль котораго нужно понять. Конечно, Русское государство таило въ себѣ причины живучести и дальнѣйшаго роста и развитія, но наряду съ этимъ нельзя отрицать, что правленіе Меншиковыхъ и Потемкиныхъ сыграло въ судьбѣ Россіи не маловажную и, можно сказать, спасительную роль.

Глава II.

Фаворитизмъ—Меншиковъ.

Историческое происхожденіе фаворитизма.—Борьба Меншикова съ его современниками-соревнователями.—Острый конфликтъ.—Образованіе верховнаго совѣта.—Характеръ и послѣдствія реформы.—Періодическій упадокъ абсолютизма.—Автократія и фаворитизмъ въ опасности.—Наслѣдованіе послѣ Екатерины.—Агитація въ пользу Петра Алексѣевича.—Свадебные проекты.—Вмѣшательство Даніи и Австріи.—Дѣвица Крамеръ.—Торжество временщика.—Смерть Екатерины.—Ея завѣщаніе.—Воцареніе Петра II—Ничто и бездна.—Почему Россія и на этотъ разъ не погибла.—Естественные рессурсы страны. — Элементы силы и причины безсилія.—Реформа безъ реформатора.—Финансовыя затрудненія.—Спасается показная сторона.—Академія Наукъ.—Внѣшній престижъ.—Дипломатія Петра Великаго.—Французскій альянсъ.—Причины его крушенія.—Людовикъ XV и Елизавета.—Угроза войны.—Союзъ съ Австріей.—Присоединеніе Пруссіи.—Первый Тройственный Союзъ.—Виды на будущее.—Развитіе внѣшнее и внутреннее, задержанное, но не прерванное.—Послѣдовательныя эволюціи.

I.

Являясь какъ бы естественнымъ дополненіемъ женскаго правленія, фаворитизмъ въ Россіи представлялъ собою два совершенно обособленныхъ вида. Съ одной стороны, мы видимъ разныхъ Лёвенвольде, Сапѣгъ и т. д., съ другой стороны, Меншиковыхъ и Потемкиныхъ, людей совершенно иного типа; быть можетъ, вслѣдствіе этого на русскомъ языкѣ даже существуютъ для опредѣленія этихъ двухъ различныхъ типовъ фаворитовъ два отдѣльныхъ слова: первые просто—„*фавориты*“, вторые—„*временщики*“; это уже извѣстная политическая и соціальная сила, извѣстный существенный механизмъ въ правительственной машинѣ. Этотъ самый механизмъ уже пытался создать автократическій режимъ, какъ мы это видѣли при Петрѣ, у котораго иногда вдругъ являлась фантазія, а, быть можетъ, и дѣйстви-

тельная надобность облекать частью своей власти то Ромодановскаго, то того-же Меншикова и возлагая на нихъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ правительственныхъ функцій. При полномъ отсутствіи штата солидныхъ и способныхъ государственныхъ сановниковъ, которые могли бы взять на себя хоть часть многосторонних государственныхъ заботъ, ложившихся всею своею тяжестью на государя, стоящая совершенно одиноко, сосредоточенная всецѣло въ самой себѣ верховная власть не могла-бы удержаться на своей высотѣ при такихъ условіяхъ и должна была бы неминуемо рухнуть подъ гнетомъ всей этой непомѣрной тяжести, если бы представителемъ и носителемъ ея не былъ Петръ, такая исключительно могучая личность. Екатерина же и ея ближайшіе преемники даже и не пытались возлагать на себя тяжесть самодержавія и государственныхъ заботъ, которыя такимъ образомъ естественно должны были лечь на чьи-либо другія плечи.

На другой день послѣ смерти Петра Меншикову пришлось лишь дѣлать то, что онъ уже столько разъ дѣлалъ и при жизни своего благодѣтеля, во время отсутствій или временныхъ недомоганій Государя. Сегодня, какъ вчера, привыкшіе къ пассивному повиновенію отдѣльные органы государственной власти, Сенатъ, коллегіи и канцеляріи отличались тѣмъ же полнымъ отсутствіемъ всякой иниціативы, носителемъ которой являлся Меншиковъ; онъ и послѣ смерти Государя продолжалъ править государствомъ и въ сущности былъ полнымъ господиномъ, у котораго долгое время никто даже не думалъ оспаривать власть.

Почему-же и на какомъ основаніи правилъ онъ страною по своему усмотрѣнію? Потому, что никто другой не зналъ по началу, какъ взяться за это дѣло,—и потому, что всякое дѣйствіе прикрывалось волею Государыни: онъ правилъ и распоряжался отъ ея имени, хотя эта воля ея не подтверждалась никакими законными полномочіями. Въ этомъ-то и заключается главнымъ образомъ фаворитизмъ.

Правда, при Екатеринѣ Меншикову было, съ одной стороны, легче управлять государствомъ, такъ какъ онъ воленъ былъ во всемъ творить свою волю, не справляясь даже для формы съ желаніемъ Императрицы, но, съ другой стороны, раньше за его спиной стоялъ Петръ, скрѣплявшій своимъ словомъ и своею во-

лей каждое самовольное дѣйствіе своего „второго я“. Екатерина тоже была готова слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру своего покойнаго супруга, но у нея не было его желѣзной руки, его грозной воли, заставлявшей всѣхъ и вся склоняться передъ ней,—кромѣ того, среди приближенныхъ Екатерины у Меншикова нашлись соревнователи. Герцогъ Голштинскій съ первыхъ же дней сталъ претендовать на ту роль, которая съ давнихъ поръ принадлежала Меншикову и, повидимому, былъ вовсе не расположенъ мириться съ властнымъ и нѣсколько надменнымъ нравомъ бывшаго пирожника. Бассевицъ усиленно старался разжигать честолюбивые виды своего господина, играя на его слабой стрункѣ—самолюбіи; Меншиковъ же не отличался ни достаточной гибкостью, ни тактомъ, необходимыми для того, чтобы сглаживать все болѣе и болѣе обостряющіяся отношенія. Кромѣ этого недоброжелателя, у Меншикова было не мало и другихъ завистниковъ и недоброжелателей; подавленные силою обстоятельствъ, но отнюдь не примирившіеся съ существующимъ порядкомъ, Голицыны, Долгорукіе и др. не разставались съ своей мечтой о конституціонной монархіи, и самая внутренняя жизнь страны какъ-бы способствовала живучести этой идеи.

Въ концѣ 1725 г. произошелъ, наконецъ, довольно серьезный конфликтъ между всесильнымъ временщикомъ и его недоброжелателями. Дѣло было такъ. Инженеръ Мюнихъ, одинъ изъ послѣднихъ чужеземныхъ новобранцевъ Петра, сыгравшій впослѣдствіи столь видную роль въ исторіи Россіи, въ это время скромно работалъ надъ сооруженіемъ Ладожскаго канала; такъ какъ у него постоянно чувствовался недостатокъ рабочихъ рукъ, то ему давали необходимое количество солдатъ для производства работъ. На предстоящій 1726 г. Мюнихъ вдругъ потребовалъ у Сената 15.000 человѣкъ, и Сенатъ былъ уже готовъ исполнить его требованіе, когда Меншиковъ вдругъ наложилъ свое рѣшительное veto, заявивъ, что Сенатъ не можетъ располагать ни однимъ солдатомъ, каково бы ни было его рѣшеніе. Такой безцеремонный способъ рѣшенія государственныхъ вопросовъ былъ, въ сущности, весьма обычнымъ и ничѣмъ не отличался отъ прежнихъ пріемовъ Меншикова, но теперь за его спиной не стоялъ Царь Петръ, который своимъ властнымъ словомъ санкціонировалъ его распоряженія, а потому и дѣйствіе получилось совершенно иное на

этотъ разъ. Сенатъ какъ будто возмутился: нѣкоторые изъ членовъ заявили, что послѣ того они отказываются являться на засѣданія, и по городу распространился слухъ, что вызванное возмущеніе распространилось еще дальше, чѣмъ полагаютъ, что партія, враждебная Меншикову, проектируетъ реформу въ конституціонномъ духѣ, что въ Сенатѣ остатки старой знати, разсѣянной и разрозненной реформами Петра, рѣшились даже войти въ соглашеніе съ такими выскочками, какъ Ягужинскій, чтобы избавиться отъ невыносимаго деспотизма временщика.

Меншиковъ въ виду всѣхъ этихъ слуховъ нѣсколько струсилъ и тутъ же придумалъ весьма ловкій и хитрый компромиссъ, который въ сущности цѣликомъ обрушился на тотъ же Сенатъ. 3-го февраля 1726 г. былъ изданъ указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоящаго изъ 9 членовъ, которому поручалось впредь вѣдать всѣ важнѣйшія государственныя дѣла, внутреннія и внѣшнія. Представители иностранныхъ державъ не сразу могли уяснить себѣ настоящее значеніе этого новаго учрежденія; нѣкоторые полагали, что это была идея того же Меншикова, который, совмѣстно съ Толстымъ, хотѣлъ поддержать сильно подорванный авторитетъ Екатерины, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить и свою власть въ государствѣ; другіе видѣли въ этомъ учрежденіи постепенный переходъ къ государственному режиму Англіи или Швеціи.

Первые были, несомнѣнно, ближе къ истинѣ, чѣмъ послѣдніе; тѣмъ не менѣе здѣсь была и нѣкоторая уступка со стороны Меншикова, только кому? Отнюдь не Сенату. Въ составъ новаго Тайнаго Совѣта вошли, съ одной стороны, представители старой власти, Апраксинъ и Дмитрій Голицынъ, чѣмъ ихъ партія могла считать себя временно удовлетворенной, съ другой—герцогъ Голштинскій, наряду съ Меншиковымъ и Толстымъ. Такимъ образомъ было какъ бы рѣшено подѣлить власть между собою, но при этомъ никто не далъ себѣ труда строго распредѣлить или разграничить предѣлы этой власти, вслѣдствіе чего получилось нѣчто совершенно неожиданное.

Въ сущности здѣсь было измѣнено одно названіе, и одни лица замѣнены другими. Новое учрежденіе, такъ сказать, накладывало руку на три важнѣйшихъ функціи Сената: законодательную, исполнительную и судебную власти. На долю Сената

остались лишь жалкія крохи этихъ функцій. Такимъ образомъ, это новое учрежденіе являлось простымъ замѣщеніемъ Сената, который какъ бы стирался съ лица земли, хотя и продолжалъ существовать для вида. Вѣдь и самый Сенатъ представлялъ собою ничто иное, какъ тотъ же тайный Совѣтъ, отнюдь не Палату. Онъ состоялъ изъ 11 лицъ, но большинство изъ нихъ занимало какія нибудь побочныя должности, вслѣдствіе чего на засѣданіяхъ Сената присутствовало не болѣе 5—6 членовъ. Въ теоріи за Сенатомъ и теперь сохранилось еще право иниціативы въ вопросахъ законодательства, только ему надлежало теперь представлять свои предначертанія на утвержденіе или одобреніе Верховнаго Совѣта, вмѣсто того, чтобы препровождать ихъ, какъ прежде, прямо на утвержденіе Императрицы. Тоже можно было сказать и объ административныхъ мѣрахъ, и о судебно-административныхъ мѣрахъ. Верховный Совѣтъ присвоилъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ только высшую власть, предоставивъ всю черновую работу Сенату. Впрочемъ, все это было рѣшено скорѣе на словахъ, такъ какъ никакой актъ, обезпеченный законною силой, не указывалъ предѣловъ власти Сената или Верховнаго Совѣта, и нѣкоторое время даже лица, прямо заинтересованныя въ этомъ, не допускали возможности этого „diminutio capitis“.

Хотя Сенату предоставлялась по прежнему въ оффиціальныхъ документахъ именоваться „Правительствующимъ Сенатомъ“, тѣмъ не менѣе указъ отъ 7 го іюня 1727 г. лишалъ его рѣшающаго голоса въ дѣлахъ уголовныхъ, а указъ отъ 27 іюня того же года отстранялъ его отъ управленія дѣлами Малороссіи и т. д.

Въ условіяхъ, предшествовавшихъ учрежденію Тайнаго Верховнаго Совѣта, дѣйствительно таился зародышъ серьезнаго государственнаго переворота, почти революціи; —это зародышъ, которому ловкій и хитрый Меншиковъ не далъ доразвиться, являлся продуктомъ того же автократическаго режима, народившагося при господствовавшемъ въ Россіи теоретическомъ самодержавіи, съ одной стороны, и его фактической шаткости и несостоятельности, съ другой. Учрежденіе всѣхъ подобныхъ верховныхъ совѣтовъ почти всегда вызывалось періодическимъ упадкомъ абсолютизма *),—и самодержавію Екатерины въ данномъ случаѣ гро-

*) *Сергѣевичъ.* Исторія Русскаго Права, 1883, стр. 840.

зила полная гибель въ этой исконней, вѣковой борьбѣ абсолютизма съ олигархіей.

Это мы видимъ изъ протоколовъ засѣданій новаго Верховнаго Совѣта, который не разъ проявлялъ свои олигархическія тенденціи съ полной безнаказанностью.

Такъ, напр., мы читаемъ, что 23 декабря 1725 г., послѣ засѣданія, на которомъ императрица отсутствовала, члены Верховнаго Совѣта прослѣдовали въ аппартаменты Ея Величества и имѣли счастіе слушать бой новыхъ курантовъ, только что прибывшихъ изъ Германіи и пріобрѣтенныхъ Государыней. Затѣмъ Ея Величество милостиво соизволила ознакомиться съ содержаніемъ доклада относительно постановленій и рѣшеній, принятыхъ Верховнымъ Совѣтомъ; чтеніе этого доклада заняло полъ-часа времени, послѣ чего Государыня прослѣдовала къ столу, къ которому были приглашены также всѣ члены Верховнаго Совѣта. На этотъ разъ Екатерина удѣлила Государственнымъ дѣламъ все то вниманіе, на какое она была способна. Въ послѣдующемъ же 1727 г. Она уже ни разу не присутствовала на засѣданіяхъ Совѣта, какъ это видно изъ протоколовъ этихъ засѣданій съ 1-го января и по 6-е мая, день ея кончины.

При такомъ отрицательномъ пользованіи своими правами, самодержавіе становилось чѣмъ-то фактически вовсе не существующимъ, какой-то фикціей, которую Верховный Совѣтъ успѣлъ ограничить даже въ тѣхъ, чисто внѣшнихъ аттрибутахъ, которые обыкновенно всего дольше удерживаются въ силу привычки и обычая, а именно, въ извѣстной формѣ обращенія и титулованія: любопытно, что ни въ присягѣ, произносимой членами Верховнаго Совѣта, ни въ указахъ, исходящихъ отъ него, Екатерина никогда не титуловалась „Самодержавной". Мало того, Верховный Совѣтъ присвоилъ себѣ даже право узаконять и скрѣплять свои постановленія *motu proprio*, собственной своею властью. Этотъ послѣдній фактъ оспаривается нѣкоторыми историками, но указъ 4-го августа 1726 г. былъ самовольно измѣненъ Верховнымъ Совѣтомъ уже послѣ того, какъ былъ скрѣпленъ собственноручной подписью Государыни; уже одно это полагаетъ конецъ всякимъ дальнѣйшимъ спорамъ. Надо замѣтить, что это было сдѣлано въ отсутствіи Меншикова и, такъ сказать, направлено главнымъ образомъ противъ него, противъ установленнаго имъ непремѣн-

наго порядка — представлять все на утвержденіе Императрицы, при чемъ право представленія на Высочайшее утвержденіе онъ удержалъ за собой разъ навсегда. Каждое изъ постановленій Совѣта Меншиковъ всегда самъ лично предлагалъ для утвержденія Екатеринѣ, такъ что всякое утвержденіе проходило черезъ его руки. По буквѣ закона всѣ эти указы исходили какъ бы отъ имени Императрицы, которая какъ будто присутствовала неукоснительно на всѣхъ совѣщаніяхъ и предсѣдательствовала на всѣхъ засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта, но въ сущности ни для кого не было секретомъ, что она даже и не являлась на эти засѣданія. Мало-по-малу, такая фактическая узурпація ея правъ какъ будто даже получила извѣстную легальную санкцію въ завѣщаніи Екатерины, въ которомъ она поручала регентство на время несовершеннолѣтія царевича Петра Алексѣевича Верховному Совѣту „съ присвоеніемъ ему всѣхъ правъ и всей власти самодержавнаго государя". И первымъ, въ чемъ Верховный Совѣтъ проявилъ ту власть, было полнѣйшее игнорированіе послѣдней воли распоряженій покойной Императрицы во всемъ, кромѣ этого перваго пункта ея завѣщанія.

II.

Между тѣмъ вся упорная борьба представителей высшаго сословія противъ фаворитизма и самовластія временщиковъ, повидимому, неразрывно связанныхъ съ единоличною властью въ государствѣ, казалось, клонившаяся теперь къ полному уничтоженію того и другого, въ дѣйствительности только подготовила Меншикову блестящій случай посрамить своихъ враговъ и восторжествовать надъ ними, какъ никогда.

Уже съ первыхъ дней воцаренія Екатерины, сторонники ея, помогшіе ей захватить въ свои руки верховную власть, увидѣли, что выборъ ихъ ненадеженъ: Екатеринѣ было тогда уже подъ пятьдесятъ лѣтъ; здоровье ея настолько расшаталось, что требовало величайшей воздержанности и осторожности, о которыхъ она и слышать не хотѣла. Она съ головой окунулась въ самый непозволительный разгулъ и вскорѣ всѣмъ стало ясно, что ея хватитъ не на долго. Тогда тѣ, кто способствовалъ ея воцаренію, начали сознавать всю шаткость своего положенія: кто бы ни унаслѣдовалъ послѣ ея престолъ, для нихъ было оди-

наково опасно, будь то царевичъ Петръ иль одна изъ дочерей Екатерины; Меншиковы и Толстые едва ли могли разсчитывать на какія либо милости съ ихъ стороны къ себѣ. У герцогини Голштинской былъ такой мужъ, отъ котораго всѣмъ бы пришлось солоно; что же касается Елизаветы, то послѣ неудачнаго сватовства съ французскимъ королевскимъ домомъ,—она, наконецъ, нашла себѣ жениха, правда, довольно неказистаго и незавиднаго, въ томъ же Голштинскомъ домѣ, въ лицѣ двоюроднаго брата мужа своей сестры. Но и этотъ женихъ умеръ раньше, чѣмъ успѣлъ стать съ нею подъ вѣнецъ, и такимъ образомъ вопросъ о ея бракѣ по прежнему оставался не разрѣшеннымъ. Тотъ человѣкъ, который не сегодня — завтра могъ стать ея мужемъ, опять-таки могъ оказаться врагомъ. И вотъ вдругъ будущій всесильный временщикъ переполошилъ всѣхъ отъ мала до велика, высказавъ мысль о возможности брака между двумя враждебными линіями дома Петра, именно—между Елизаветой и Петромъ Алексѣевичемъ. Церковь воспротивилась этому браку, но уже одно то, что подобная мысль могла явиться такому умному, хитрому и дальновидному человѣку, какъ Остерманъ, ясно говорило о томъ, что на этотъ разъ трудно будетъ обойти законныя права маленькаго сына царевича Алексѣя, въ которомъ и духовенство, и народъ видѣли прямого и законнаго наслѣдника престола. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Исаія въ Нижнемъ Новгородѣ всенародно поминалъ на эктеніяхъ и молебствіяхъ „Государя нашего Петра Алексѣевича“ и, будучи призванъ къ отвѣту, отвѣчалъ:—„пусть мнѣ голову снимутъ, а иначе я не буду молиться, потому что онъ—нашъ Государь и прямой наслѣдникъ“.—Въ народѣ жило то же убѣжденіе, и не проходило дня, чтобы не привлекались къ отвѣту разныхъ сословій лица, мужчины и женщины, громко высказывавшіе то, что всенародно возглашалъ архимандритъ *).

Предписаніе, сдѣланное по всѣмъ церквамъ, поминать на эктеніяхъ сперва двухъ царевенъ, за ними царевича, равно какъ и предоставленіе высшаго мѣста на придворныхъ выходахъ и церемоніяхъ герцогу Голштинскому, а слѣдомъ за нимъ царевичу, только еще болѣе возмущали сердца подданныхъ, склоняя

*) *Соловьевъ.* Исторія Россіи, XIX, 87.

всѣ симпатіи на сторону юнаго Петра Алексѣевича. Носились слухи, что войска, которыя не сегодня—завтра должны были вернуться изъ Украйны, станутъ на сторону царевича и отстоятъ хотя бы силой оружія его права.

Тотъ сильный ударъ, который Меншиковъ въ 1726 г. осмѣлился нанести Морицу-Саксонскому въ Курляндіи, гдѣ онъ вздумалъ занять мѣсто послѣдняго, — былъ, конечно, вызванъ шаткостью положенія временщика, въ Петербургѣ. Онъ разсчитывалъ такимъ образомъ утвердиться хотя бы въ Курляндіи. Но дѣло это кончилось плохо для обѣихъ сторонъ, хотя Меншиковъ вскорѣ устроился, пожалуй, еще лучше, чѣмъ бы онъ могъ устроиться въ Курляндіи.

Возможность воцаренія, послѣ смерти Екатерины, одной изъ ея дочерей была крайне нежелательной для Даніи, захватившей Голштинію, чего герцогъ Голштинскій, мужъ Анны Петровны, конечно не простилъ ей, и потому датскій Министръ при Русскомъ дворѣ, Вестфаль, не будучи въ состояніи одинъ самъ по себѣ воспрепятствовать восшествію на престолъ одной изъ царевенъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ содѣйствію своего австрійскаго собрата. Царевичъ приходился роднымъ племянникомъ Германской Императрицѣ, а потому положеніе имперскаго посла при русскомъ дворѣ было привилегированное, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, графъ Рабутинъ, принадлежалъ по матери къ голштинскому дому, а потому былъ несравненно вліятельнѣе всѣхъ другихъ представителей иностранныхъ державъ при Петербургскомъ дворѣ. И вотъ графъ Рабутинъ придумалъ еще болѣе смѣлую комбинацію, чѣмъ проектъ хитраго Остермана, комбинацію, путемъ которой онъ рѣшительнымъ ударомъ отстранялъ отъ престола обѣихъ царевенъ — и пріобрѣлъ тѣмъ сочувствіе народа и старой знати, съ одной стороны, и содѣйствіе Меншикова съ другой.

Меншиковъ имѣлъ двухъ дочерей, для которыхъ мечталъ о самой блестящей будущности; такъ, напр., онъ отказалъ въ рукѣ своей младшей дочери владѣтельному герцогу Ангальтъ-Дессау подъ предлогомъ, что мать жениха *слишкомъ низкаго происхожденія*; она, говорятъ, была дочь аптекаря. Старшая дочь Меншикова, Марія Александровна, превосходившая положительно всѣхъ при тогдашнемъ дворѣ и красотою, и нравственностью, уже съ 1721 года была невѣстой молодого Петра Сапѣги. Эта въ

высшей степени скромная, добродѣтельная и привлекательная дѣвушка, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, безумно любила своего жениха, что вовсе не входило въ разсчеты Екатерины, которая настаивала, чтобы этотъ бракъ откладывался все дольше и дольше, наконецъ, вдругъ заявила, чтобы Меншиковъ совершенно отказался для своей дочери отъ Сапѣги, котораго она избрала въ женихи своей племянницѣ Скавронской, такъ какъ послѣдняя обѣщала не особенно дорожить своимъ будущимъ супругомъ. Сапѣга съ полной покорностью подчинился волѣ Императрицы, но Меншиковъ гнѣвался и требовалъ возмѣщенія; это возмѣщеніе графъ Рабутинъ указалъ ему въ лицѣ такого жениха, о которомъ честолюбивый временщикъ, при всей своей самонадѣянности, все же не смѣлъ и думать. Во всякой другой странѣ подобный проектъ показался бы безумнымъ, но тонкій дипломатъ прекрасно зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Извѣстная всѣмъ мамзель Крамеръ—получила 30,000 червонцевъ за содѣйствіе *), и въ мартѣ 1727 г. въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что царевичъ Петръ Алексѣевичъ назначенъ, по завѣщанію Императрицы, наслѣдникомъ престола и вмѣстѣ съ тѣмъ объявленъ женихомъ Маріи Александровны Меншиковой. Отецъ же высоконарѣченной невѣсты, по этому случаю, получилъ отъ Германскаго Императора герцогство Кассель, въ Силезіи, и былъ пожалованъ высокимъ званіемъ князя Священной Римской Имперіи.

Обѣ царевны тщетно кидались въ ноги Императрицѣ, умоляя ее *не поганить крови Романовыхъ* этимъ бракомъ,—но на этотъ *разъ Меншиковъ восторжествовалъ, найдя себѣ явную поддержку* среди представителей старой знати, въ томъ числѣ въ лицѣ Дмитрія Голицына, который не видѣлъ иного способа возвести на престолъ сына царевича Алексѣя. Правда, Толстой—всѣми силами старался воспротивиться этому браку, но у него почти не оказалось союзниковъ, такъ какъ въ рѣшительный моментъ Меншиковъ съумѣлъ удалить Ягужинскаго подъ предлогомъ какой-то политической миссіи въ Польшу, а Бутурлинъ и Девіеръ были люди мало значущіе да и не ладили между собой; Девіеръ **) стоялъ за Анну Петровну, которая, какъ онъ увѣрялъ, походила

*) *Щербатовъ*. Исторія 1898 г. II, 172; *Долгоруковъ*. Мемуары, I, 10.
**) Подлинное имя Девіера было Де Віера, по португальски de Wieira.

на отца, Толстой же предпочиталъ Елизавету, такъ какъ герцогъ Голштинскій, супругъ Анны, смотрѣлъ на русскій престолъ, лишь какъ на переходную ступень къ Шведскому престолу. Кромѣ того, никто не рѣшался лично обратиться къ Екатеринѣ и ходатайствовать объ измѣненіи завѣщанія, откладывая это щекотливое ходатайство до тѣхъ поръ, пока вдругъ 10-го апрѣля 1727 г. Екатерина не заболѣла настолько серьезно, что 8-го марта Лефортъ, Саксонскій уполномоченный, писалъ своему правительству: „Императрица серьезно заболѣла опухолью ногъ, быстро поднимающейся къ верху, что не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Врачи признаютъ это слѣдствіемъ вакхическихъ излишествъ“.

Съ этого момента власть будущаго тестя будущаго императора проявилась во всей силѣ, равно какъ и полное безсиліе всѣхъ государственныхъ учрежденій, какъ только обычный порядокъ теченія нарушался чѣмъ-нибудь. Меншиковъ сталъ полновластно предписывать свою волю не только Сенату, но и Верховному Совѣту. Постановлено было, что Петръ Алексѣевичъ будетъ считаться малолѣтнимъ до 16 лѣтъ, и что его будущій тесть будетъ до того времени управлять фактически страною, хотя права регентства должны были принадлежать Верховному Совѣту. По достиженіи царевичемъ совершеннолѣтія, каждая изъ царевенъ должна была получить по 1800000 руб. и раздѣлить между собою бриллiанты матери.

Толстой, видя, что его дѣло проиграно, молчалъ, но Меншикову были хорошо извѣстны его планы и намѣренія и, воспользовавшись небольшой оплошностью Девьера, который нечаянно проговорился, всесильный временщикъ поспѣшилъ сбросить съ своей дороги всѣхъ участниковъ этого заговора.

Съ Португальцемъ у Меньшикова были давніе счеты; пустяшнаго предлога было достаточно, чтобы арестовать его; что же касается взводимыхъ на него обвиненій, то они настолько любопытны, что мы для примѣра приводимъ ихъ здѣсь. Девьеръ обвинялся въ томъ, что въ присутствіи царевенъ не проявлялъ достаточной и приличествующей случаю печали, по поводу болѣзни Императрицы; что онъ коварнымъ образомъ старался развеселить и разсмѣшить племянницу Ея Величества, плакавшую о ней; что онъ, наконецъ, позволялъ себѣ непристойную фамиль-

ярность или непочтительность къ царевичу, садясь на край его постели, и шептать ему на ухо и даже вышучивать его по поводу его невѣсты, за которой онъ обѣщалъ ухаживать съ цѣлью вызвать ревность царевича, при этомъ въ комнату вошла одна изъ царевенъ, и обвиняемый не только не нашелъ нужнымъ встать, но еще шутя обратился къ ней со словами „Чего ты печалишься? Выпей лучше стаканъ водки"!

Конечно, все это были пустые предлоги, но они нужны были для того, чтобы приступить къ допросу со всѣми его неизбѣжными въ то время слѣдствіями — пыткой, кнутами и т. п. Въ застѣнкѣ Девьеръ, не задумываясь, выдалъ своихъ единомышленниковъ Толстого и Бутурлина, но послѣдній, имѣвшій крупныя связи, отдѣлался ссылкой въ свои помѣстья; двое же остальныхъ, лишенные чиновъ, званія и состоянія, пошли въ Сибирь. Соучастіе обѣихъ царевенъ также выяснилось слѣдствіемъ; и перепуганный этимъ обстоятельствомъ герцогъ Голштинскій, понявшій, что теперь сила не на его сторонѣ, поспѣшилъ вступить въ примирительные переговоры съ временщикомъ черезъ посредство Бассевица. На этотъ разъ Меншиковъ оказался сговорчивымъ, благосклонно выслушалъ Бассевица и согласился теперь же выдать царевнамъ каждой по милліону рублей, затѣмъ имѣть ихъ ввиду при дальнѣйшемъ установленіи порядка престолонаслѣдія, лично же герцогу было даже обѣщано поддержать при случаѣ его претензіи на Шведскій престолъ. Все это должно было быть включено въ завѣщаніе Екатерины, новую редакцію котораго принялъ на себя Бассевицъ. Меншиковъ же взялся заставить Ея Величество подписать его. Кромѣ того, изъ милліона, приходившагося на долю герцогини Голштинской, пронырливый фаворитъ пожелалъ удержать для себя 60,000 рублей, не подозрѣвая, что вскорѣ ему придется дать отвѣтъ въ этой маленькой плутнѣ.

Это происходило въ первыхъ числахъ мая, 6-го числа Екатерина скончалась. Завѣщаніе это было тотчасъ же вскрыто и прочтено въ присутствіи всѣхъ членовъ Императорской фамиліи Верховнаго Совѣта, Сената, Синода и всего Генералитета. Въ завѣщаніи этомъ дѣйствительно упоминалось о правахъ Анны и Елизаветы на престолъ въ случаѣ, если бы Петръ Алексѣевичъ умеръ бездѣтнымъ. Такимъ образомъ явно нарушался съ одной

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

стороны установленный Петромъ I законъ о престолонаслѣдіи, предоставляющій царствующему Государю избирать себѣ по своему желанію наслѣдника, съ другой стороны, нарушался прежній естественный порядокъ престолонаслѣдія, такъ какъ въ завѣщаніи вовсе не упоминалось о законныхъ дочеряхъ Ивана, старшаго брата, вмѣсто которыхъ выдвигались на первый планъ побочныя дочери младшаго брата. Кромѣ того, Сапѣга, который все время не отходилъ отъ изголовья умирающей Государыни, утверждалъ, что она ничего не подписывала *). Какъ бы то ни было, но для громаднаго большинства было достаточно, что права сына царевича Алексѣя, наконецъ, признаны, и потому, не вступая въ обсужденіе завѣщанія, собравшіеся дружно привѣтствовали молодого Императора.

Народъ покорно принялъ и этого Государя, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принялъ Екатерину, не спрашивая, по какому праву и на какомъ основаніи она воцарилась. Секретарь кабинета Ея Величества Макаровъ объявилъ о восшествіи на прародительскій престолъ Императора Петра II старику графу Мусину-Пушкину особымъ письмомъ.

Царствованіе Екатерины продолжалось ровно 2 года и два мѣсяца,—попытаемся подвести приблизительные итоги этого царствованія съ точки зрѣнія его внутренней и внѣшней политики.

III.

Личнаго вліянія Екатерины, какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику было очень мало; въ началѣ ея царствованія дѣятельность Императрицы ограничивалась раздачею наградъ и рядомъ милостей и амнистіи по отношенію къ жертвамъ гнѣва ея предшественника. Такъ, появились на петербургскомъ горизонтѣ одинъ за другимъ, точно выходцы изъ могилъ, Шафировъ, Лестокъ, монахи Суздальскаго монастыря, замѣшанные въ дѣлѣ царицы Евдокіи, равно какъ и друзья, и родственники несчастнаго Глѣбова. Ушакову, палачу Монса и его соучастниковъ, поручено было возвратить изъ Сибири повѣренную любовныхъ сношеній Екатерины, Матрену Балкъ, и ея дѣтей, — секретаря Монса, Столѣтова и шута Балакирева, замѣшаннаго въ

---

*) *Сборникъ*, III, 473.

этой трагической исторіи. Самые же документы, относящіеся къ тому дѣлу, были запечатаны и зданы въ секретное отдѣленіе на храненіе, за исключеніемъ одного письма, которое по настоятельному требованію Екатерины было сожжено *). Только одна царица Евдокія не подошла подъ амнистію; правда, ее выпустили изъ монастыря, гдѣ она находилась въ заточеніи, но замѣнили эту тюрьму еще болѣе тяжкой, въ Шлиссельбургской крѣпости. Правда также, что, по приказанію Екатерины, на ея содержаніе отпускались вполнѣ достаточныя суммы, но это не мѣшало несчастной женщинѣ терпѣть и голодъ, и холодъ, такъ какъ деньги таяли въ рукахъ ея тюремщиковъ и расходились по ихъ карманамъ, а Екатеринѣ нѣкогда было позаботиться о томъ, чтобы деньги эти шли по ихъ прямому назначенію. Она веселилась во всю, наслаждаясь жизнью, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вмѣшивалась въ государственныя дѣла, они мало отъ того выигрывали. Она присутствовала на ученьяхъ и парадахъ гвардейскихъ полковъ, а также на смотрахъ судовъ и на маневрахъ флота, что, впрочемъ, не мѣшало, по словамъ адмирала Апраксина, матросамъ не только не имѣть мундировъ, но даже и рубахъ, а судамъ приходить въ ветхость и негодность. За все царствованіе Екатерины были спущены всего два линейныхъ судна; даже на самыя насущныя нужды флота адмиралу пришлось выдать изъ своего кармана 2,000 рубл., не говоря уже о вооруженіи судовъ, которое было рѣшено, за неимѣніемъ денегъ, отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Въ Екатеринѣ Петръ нашелъ себѣ подругу жизни, соотвѣтствующую его вкусамъ и наклонностямъ, но она была подлѣ него не болѣе, какъ жалкою, блѣдною повиликой, обвившейся вокругъ ствола могучаго дуба, и когда этотъ дубъ палъ, то пали съ нимъ во прахъ и ничтожество и она сама. Но тѣ, кто думали, что Россія должна была пасть вмѣстѣ съ нею, жестоко ошибались. Пылкая энергія великаго Реформатора и его сверхчеловѣческая сила проявили себя въ сильномъ, могучемъ организмѣ, способномъ почерпать силы и ростъ въ самомъ себѣ. Правда, того мощнаго импульса, который заставилъ эту страну однимъ прыжкомъ перескочить всѣ тѣ постепенные шаги прог-

*) *Семевскій*, Екатерина Алексѣевна, 1884, ст. 245.

ресса и цивилизаціи, на которые другимъ странамъ и народамъ потребовались цѣлыя столѣтія,—теперь не было. Главная народная масса, не понимавшая ни смысла, ни значенія реформъ Петра, конечно, не могла продолжать идти впередъ къ конечной цѣли, которой она не видѣла передъ собой; съ другой стороны, естественные преемники Петра, не считая Екатерины, конечно—его сподвижники съ Меншиковымъ во главѣ, не имѣли въ рукахъ ни путеводной нити, ни техническихъ знаній Петра. Петръ приставилъ ихъ къ дѣлу безъ предварительной подготовки, безъ предварительной оцѣнки ихъ способностей къ данному дѣлу, но подъ его руководствомъ всѣ они дѣлали свое дѣло, хотя Петръ и не счелъ нужнымъ ознакомить ихъ съ общимъ планомъ задуманнаго имъ зданія, къ постройкѣ котораго было уже приступлено. Истинный смыслъ и значеніе всѣхъ тѣхъ деталей и отдѣльныхъ частей этого зданія, надъ которымъ всѣ они трудились, былъ скрытъ отъ нихъ; да большинство и не старалось вникать въ ихъ истинное значеніе, такъ какъ все это были, за немногими исключеніями, пришлые авантюристы, видѣвшіе во всемъ этомъ дѣлѣ только средство нажиться или устроить свою судьбу. Поэтому то, предоставленные самимъ себѣ, онѣ всецѣло отдались тому, что для нихъ было всего важнѣе, т. е. жалкой дворцовой политикѣ.

Царствованіе Екатерины I является, безъ сомнѣнія, моментомъ застоя въ начавшейся эволюціи, но, быть можетъ, это было даже ко благу страны. Весьма возможно, что колоссальный геній Петра отчасти скрывалъ за своимъ блескомъ дѣйствительную неспособность вынести въ данный моментъ всю тяжесть этой новой цивилизаціи, подавлявшей ее своею непривычною тяжестью. Кромѣ того, при столь поспѣшной выработкѣ общаго грандіознаго плана легко могли вкрасться кое-какія ошибки и недостатки, незамѣтные по началу и выяснившіеся лишь впослѣдствіи. Какъ уже было сказано выше, русскій народъ таилъ въ себѣ громадные задатки и сокровища; но, къ сожалѣнію, ихъ почти невозможно было утилизировать согласно премудрымъ предписаніямъ западныхъ экономистовъ. Въ Россіи было сколько угодно жизней, отважныхъ сердецъ и безгранично преданныхъ родинѣ и государю душъ, но весьма мало полныхъ кошельковъ,—множество людей готовы были сложить головы за царя, и весьма мало такихъ, ко-

торые были бы способны вложить нѣсколько серебряныхъ рублей въ государеву казну. Твердая вѣра Петра въ возможность быстраго развитія промышленности и торговли, только что основанныхъ имъ, обманула его. Государственные доходы не только не возростали, напротивъ, замѣтно убывали. Въ 1725 г. едва дотянули до 10.000,000 руб., суммы слишкомъ уже ничтожной для государства, столь громаднаго по своему протяженію и ставшаго теперь на линію первостепенной Европейской державы, на которой его необходимо было удержать. Въ слѣдующіе за симъ годы государственный доходъ палъ уже до 8.000.000. Тогда попробовали было прибѣгнуть къ новой реформѣ податной системы, но реформа безъ реформатора не удалась; получилось нѣчто, напоминающее машину, у которой отсутствуетъ двигатель.

При всей своей геніальности Петръ еще, кромѣ того, обладалъ той глубокою вѣрой въ себя и въ задуманное имъ дѣло, которая, какъ сказано, въ писаніи „горы двигаетъ". Но подобныя чудеса никогда не бываютъ продолжительны. Постепенная національзація новыхъ, заимствованныхъ у другихъ народовъ административныхъ учрежденій являлась, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, затаенною мыслью Петра, что весьма вѣроятно, но уже одно это, т. е. осуществленіе этой мысли Реформатора было совершенно не подъ силу его преемникамъ. Въ сущности, они прекрасно поняли то положеніе дѣлъ, какое они унаслѣдовали, и потому была назначена особая комиссія для разсмотрѣнія истиннаго положенія городовъ и деревень. Слишкомъ большое число служащихъ было занято распредѣленіемъ налоговъ, оклады которыхъ тяжелымъ бременемъ ложились на финансы; слишкомъ большая строгость примѣнялась при взысканіи этихъ податей; мѣстныя власти слишкомъ злоупотребляли своими полномочіями и, наконецъ, расквартированіе войскъ по городамъ и селамъ ложилось слишкомъ тяжелымъ бременемъ на обывателей. Всѣ эти условія съ каждымъ годомъ все больше и больше истощали страну. Но послѣ смерти Петра придворныя интриги и борьба партій всецѣло поглощали всѣ думы высшихъ умовъ въ государствѣ. Былъ моментъ, когда правительство для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, готово было вернуться къ системѣ XVII столѣтія, когда воеводы являлись одновременно единственными администраторами, судьями и сборщиками пода-

тей въ своемъ воеводствѣ. Къ старому порядку добавили только висѣлицы для лихоимцевъ и вымогателей и полагали, что этимъ путемъ искоренятъ лихоимство и всякаго рода злоупотребленія.

Но положеніе дѣлъ не улучшалось, и доходы государства все уменьшались; тогда рѣшено было сократить расходы. Не только отказались довести до конца постройку грандіознаго зданія, начатаго геніальнымъ строителемъ, который представлялъ его себѣ во всемъ блескѣ полнаго великолѣпія, но склонялись даже къ тому, чтобы пожертвовать нѣкоторыми уже заложенными и начатыми частями его столь дорогими его сердцу. Не пощадили даже дѣла народнаго образованія, этого краеугольнаго камня всякой цивилизаціи. Лозунгомъ настоящаго времени являлась строжайшая экономія, вездѣ и во всемъ. Такимъ образомъ, указомъ отъ октября 1726 г. объявлялось сліяніе свѣтскихъ училищъ и школъ съ духовными семинаріями, и однимъ почеркомъ пера уничтожалось одно изъ важнѣйшихъ учрежденій реформы.

Оставался неприкосновеннымъ лишь одинъ только фасадъ, показная сторона зданія, воздвигнутаго Петромъ, бьющая главнымъ образомъ въ глаза своею декоративностью. Въ этомъ отношеніи Екатерина пыталась съ честью поддержать свои слова, сказанныя ею при восшествіи на престолъ: „Съ помощью Божіей мы надѣемся докончить все, что было начато нашимъ незабвеннымъ супругомъ“. Она дѣйствительно докончила основаніе Академіи Наукъ, которая была оставлена Великимъ Преобразователемъ еще только въ проектѣ, и въ странѣ, гдѣ девять десятыхъ населенія не умѣло читать, она являлась покровительницей высшихъ наукъ, поддерживая на средства государства экспедицію Беринга. Но Берингъ былъ датчанинъ, а Блументростъ, предсѣдатель академіи, нѣмецъ, и величаясь ихъ заслугами, Россія напоминала ворону, убиравшуюся павлиными перьями и кичившуюся ими. Между тѣмъ деньги, затраченныя на эти затѣи, могли бы найти несравненно болѣе полезное примѣненіе. Впрочемъ, такая эксцентричность является какъ-бы неотъемлемой особенностью законовъ, управляющихъ развитіемъ и судьбами Россіи.

Совершенно выбившаяся изъ силъ и истощенная, повидимому, до послѣдней крайности Россія все же оказалась въ состояніи сохранить въ полной неприкосновенности политическое

наслѣдіе Петра. Его бывшіе соратники, Долгорукій, Матюшкинъ и Левашовъ, отстаивали его завоеванія въ Персіи; Голицынъ стоялъ на стражѣ новыхъ границъ Государства со стороны Украйны, Менгденъ охранялъ границу Австріи; Бухгольцъ—Сибирь. Алексѣй и Иванъ Головкины, Куракинъ, Головинъ, Неплюевъ и Румянцевъ на своихъ постахъ при иностранныхъ дворахъ съ честью поддерживали престижъ только что народившейся русской дипломатіи. Даже въ Китаѣ графъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій удивительно преуспѣвалъ у мандариновъ, благодаря содѣйствію Іезуитовъ, благорасположеніемъ которыхъ онъ, со свойственной Петру дальновидностью, съумѣлъ заручиться, обѣщавъ братству безпрепятственный провозъ ихъ корреспонденціи и миссіонеровъ черезъ Россію.

Такимъ образомъ началъ назрѣвать великій восточный вопросъ. Петръ умирая оставилъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ весьма натянутыя, если не прямо враждебныя, отношенія съ Англіей, фактически даже дипломатическія сношенія между двумя державами были прерваны, и Кампредонъ всѣми силами старался ихъ возобновить. Франко-Русскій альянсъ, казалось, былъ близокъ къ осуществленію, а этотъ союзъ неизбѣжно повлекъ бы за собой и примиреніе съ Англіей. Но, къ сожалѣнію, все это зданіе было построено на пескѣ, такъ какъ послѣ смерти Петра Екатерина поставила главнымъ условіемъ Франко-Русскаго союза бракъ Людовика XV съ Елизаветой.

11-го Апрѣля 1725 г. во время аудіенціи, которую Екатерина давала Кампредону, французскому послу, она заявила, что дружба и расположеніе Франціи для нея дороже дружбы и расположенія всѣхъ другихъ державъ. Разговоръ велся по шведски, такъ какъ французскимъ языкомъ Екатерина не владѣла, а говорить по русски она не хотѣла, не желая быть понятой окружающими. Никакихъ дальнѣйшихъ поясненій своихъ словъ Ея Величество въ этотъ день не пожелала дать, но въ тотъ же вечеръ къ Кампредону явился Меншиковъ и открыто высказалъ, что Императрица желаетъ брака съ Людовикомъ XV и Елизаветой, при чемъ Меншиковъ соглашался на всевозможныя уступки въ родѣ той, что Елизавета приметъ католичество, что она принесетъ съ собой весьма приличное приданое и т. д. Кампредонъ, конечно, могъ только высказать, что чувствуетъ себя

весьма польщеннымъ, но что проситъ позволенія повременить отвѣтомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ предписаній изъ Версаля. Однако, прежде, чѣмъ успѣлъ возвратиться его посланный, въ Петербургѣ разнесся слухъ о предполагаемомъ бракѣ между Людовикомъ и одной Англійской принцессой. Это произвело громадное волненіе при русскомъ дворѣ. Желаніе породниться съ Франціей и слить кровь Ливонской крестьянки и бывшей крѣпостной съ благороднѣйшею кровью Европы было такъ велико, что Кампредону дано было понять, на этотъ разъ черезъ посредство герцога Голштинскаго, что Екатерина готова удовольствоваться для своей дочери и Герцогомъ Орлеанскимъ. Кампредонъ отправляетъ другого гонца, но отвѣтъ, присланный изъ Версаля, былъ таковъ, что прекращалъ разомъ всѣ дальнѣйшіе переговоры по этому вопросу.

Послѣ того, хотя и дѣлали видъ, будто продолжаютъ обсуждать условія Франко-Русскаго союза, тѣмъ не менѣе никто болѣе въ возможность этого союза не вѣрилъ. Только Кампредонъ почему-то упорно продолжалъ играть въ серьезъ эту смѣшную роль посредника между двумя державами до тѣхъ поръ, пока не получилъ 8-го Ноября 1725 г. предписанія прекратить всякіе переговоры по этому поводу, тѣмъ болѣе, что русскіе дипломаты вели переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, и Кампредону это было не безъизвѣстно. За столомъ у Австрійскаго посла Ягужинскій открыто говорилъ, что скоро мы заставимъ дрожать Англію и ея друзей. Въ Январѣ 1726 г. самъ Кампредонъ довелъ до свѣдѣнія своего правительства тревожный слухъ о томъ, что Царица и ея Совѣтъ рѣшили напасть на Данію, которую поддерживала Франція, какъ только сойдетъ ледъ. Въ Версалѣ ни на минуту не задумались, какъ встрѣтить эту грозу. Кампредону было предписано дать понять русскому правительству, что Король ни передъ чѣмъ не остановится, если со стороны Россіи будутъ вызваны враждебныя отношенія. Послѣ этого, конечно, не могло уже быть и рѣчи о бракѣ. Кампредонъ требовалъ аудіенціи, но не могъ не добиться и просилъ свое правительство прислать ему предписаніе покинуть Петербургъ, не отклоняясь Государынѣ. Повидимому, дѣло клонилось къ войнѣ.

Къ счастью, дѣло до этого не дошло. Въ Маѣ 1726 г. англійскій флотъ изъ 23 судовъ и соединенная съ нимъ датская

эскадра появились въ Ревельскихъ водахъ, но эта демонстрація не привела ни къ чему: Екатерина отвѣчала на безмолвный вызовъ непріятелей двумя весьма миролюбивыми манифестами, которыми она разрѣшала Англіи безпрепятственно торговать въ предѣлахъ своего государства. И когда въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Англичане и Датчане, наконецъ, рѣшились поднять якорь и убраться во свояси, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, то побѣда какъ-бы осталась всецѣло на сторонѣ Россіи, и она могла вдоволь посмѣяться себѣ въ бороду надъ незванными гостями.

6-го Августа 1726 г. заключили, наконецъ, союзъ съ Австріей, что безусловно было менѣе разумнымъ политическимъ актомъ, чѣмъ предыдущее поведеніе. Какая надобность была Россіи обязаться предоставить въ распоряженіе Императора 30.0000 человѣкъ войска? Правда, ей было обѣщано ровно столько же на случай войны съ Турціей, но никакого столкновенія съ Турціей не предвидѣлось въ ближайшемъ будущемъ, тогда какъ Германскія поля битвы со дня на день могли потребовать отъ Россіи обѣщанныя русскія силы. Здѣсь, говорятъ, были замѣшаны интересы герцога Голштинскаго; правда, императоръ постарался включить въ условія русско-шведскаго договора 1724 г. пунктъ, обѣщавшій герцогу Голштинскому возвратъ его отцовскаго наслѣдія, и то же самое было включено въ видѣ секретнаго пункта въ русско-австрійскій договоръ. Меншиковъ, конечно, имѣлъ свои причины желать добра Австріи, но все это были лишь побочныя причины. Швеція вскорѣ должна была пристать къ Ганноверскому союзу и отдѣлиться отъ русскаго, при чемъ лично Меншиковъ даже содѣйствовалъ этому. Получивъ 5.000 червонцевъ англійскихъ денегъ, временщикъ не задумался предупредить Швецію о томъ, что верховный Совѣтъ далеко не единодушно стоитъ за интересы Герцога Голштинскаго, что Екатерина очень больна, а самъ онъ, Меншиковъ, готовъ предоставить Швеціи поступать какъ она знаетъ *). Изъ всего хода событій, равно и какъ изъ документовъ того времени ясно видно, что возлюбленный зять Екатерины никогда не пользовался ничьими симпатіями на берегахъ Невы и что какъ Верховный Совѣтъ, такъ и другіе приближенныя и вліятельныя лица скорѣе

*) *Соловьевъ*, *XIX*, 72.

склонялись къ мысли отдѣлаться отъ него хотя бы денежной жертвой.

Такимъ образомъ Швеція и Франція очутились въ одномъ, а Россія и Австрія въ другомъ лагерѣ, но интересы Герцога Голштинскаго здѣсь были въ сущности не причемъ. Кромѣ того, врядъ-ли бы Меншиковъ могъ устроить союзъ съ Австріей, если-бы къ этому не клонились обѣ эти державы путемъ естественныхъ историческихъ эволюцій. Между прочимъ, и этотъ союзъ былъ, такъ сказать, наслѣдіемъ Петра, который страстно желалъ его, чтобы отплатить за свое пораженіе на Прутѣ, и сильно огорчался тѣмъ, что не могъ его добиться, хотя этотъ союзъ, можно сказать, логически вытекалъ изъ отношеній, созданныхъ Петромъ между Россіей и ея сосѣдями.

Оставаясь совершенно безучастной къ браку дочери Меншикова, Пруссія вскорѣ намѣревалась послѣдовать примѣру Австріи, лавируя то вправо, то влѣво. Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій также замѣтно тяготѣлъ къ союзу съ Россіей. Началось это съ того, что послѣ смерти Петра I при прусскомъ дворѣ былъ установленъ трехмѣсячный трауръ по почившемъ Царѣ, тогда какъ при другихъ дворахъ трауръ былъ наложенъ на 6 недѣль. Даже послѣ того, какъ этотъ хитрый Король побывалъ въ Ганноверѣ, онъ все-же съумѣлъ увѣрить Головкина, что это отнюдь не повредитъ интересамъ Россіи, и всячески старался вовлечь Россію въ этотъ союзъ, въ который онъ временно далъ вовлечь себя.

На возраженія Головкина, что препятствіемъ является Шлезвигскій вопросъ, который Россія принимаетъ близко къ сердцу, Король съ удивительной смѣлостью предложилъ ему взамѣнъ Курляндію.

— Но, государь; вѣдь Курляндія вамъ не принадлежитъ!— замѣтилъ русскій уполномоченный.

— Что-жъ изъ того! Лишь бы только вырвать ее у Польши и Саксоніи!

Польскій вопросъ начиналъ уже тогда назрѣвать, и потому, когда въ 1726 г. Россія изгнала изъ Митавы Морица Саксонскаго, Фридрихъ Вильгельмъ поспѣшилъ принести за то свою благодарность, а въ августѣ уже Мардефельдъ, его уполномоченный при дворѣ, подписалъ договоръ относительно Польши; по этому до-

говору державы обязывались поддержать всѣмъ своимъ вліяніемъ избраніе въ Польшѣ, послѣ смерти Августа II, кандидата изъ поляковъ. Этотъ договоръ довершилъ собою австро-прусское соглашеніе,—что все вмѣстѣ клонилось къ тому, чтобы привести къ нарушенію Европейскаго равновѣсія съ одной стороны уничтоженіемъ турецкаго могущества, съ другой стороны—упраздненіемъ польской независимости.

У Россіи было много и своего дѣла, кромѣ заботы поддерживать алчные аппетиты Германскаго правительства по отношенію къ Польшѣ. Но дѣло въ томъ, что Петръ во что бы то ни стало хотѣлъ втянуть Россію во всѣ случайности Европейскихъ дипломатій; онъ хотѣлъ, чтобы Русская дипломатія играла извѣстную болѣе или менѣе замѣтную роль во всѣхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, и вотъ теперь его наслѣдіе давало себя чувствовать, а между тѣмъ преемники его не обладали ни его смѣлостью, ни его высокомѣрной откровенностью, ни его удивительнымъ счастьемъ.

Несмотря, однако, на свою видимую несостоятельность, Россія тѣмъ не менѣе вышла съ честью изъ своего затруднительнаго положенія, благодаря счастливому и благопріятному стеченію обстоятельствъ, которыя дали ей завоевать весьма завидное въ Европѣ положеніе.

Все то, что оставилъ въ зачаткѣ или предначертаніяхъ Петръ, его преемники не всегда и не всюду умѣли использовать въ полной мѣрѣ, но за то они не погубили ничего. А въ отношеніи внѣшней политики они не только удержали повсюду, но во многомъ даже улучшили положеніе, завоеванное Петромъ. Возьмемъ хоть бы эту исторію съ Курляндіей, которую Лефортъ хитроумно прозвалъ „войною веретенъ“ или „бабьей войной“ и которая являлась, такъ сказать, великимъ событіемъ этого царствованія. Въ этой исторіи особенно ярко выступаютъ на видъ тѣ пружины, которыя приводили въ движеніе внѣшнюю политику Екатерины I, и тѣ персонажи, которые являлись главными дѣйствующими лицами въ этихъ событіяхъ.

ГЛАВА III.

Бабья война.—Морицъ Саксонскій.

Правители Курляндіи.—Происхожденіе кандидатуры Морица Саксонскаго.—Брачные проекты.—Морицъ Саксонскій въ Польшѣ.—Его успѣхи у женщинъ.—Августъ II покровительствуетъ ему.—Измѣненіе отношеній.—Отъѣздъ Морица въ Митаву.—Онъ очаровываетъ Анну Ивановну и Курляндцевъ.—Избраніе.—Борьба партій въ Петербургѣ и Кандидатура Меншикова.—Его пріѣздъ въ Митаву.—Свиданіе съ Морицомъ Саксонскимъ.—Морицъ остается хозяиномъ положенія.—Польскій сеймъ протестуетъ противъ его избранія.—Новыя любовныя похожденія и брачные проекты Морица.—Анна Ивановна становится его союзницей.— Двойное вмѣшательство Россіи и Польши.—Бѣгство Морица.—Онъ возобновляетъ переговоры.—Возможность успѣха у Елизаветы.—Окончательное разочарованіе.—Десять лѣтъ спустя.—Новыя иллюзіи.—Коронація Елизаветы.—Милостивый пріемъ, оказанный Морицу.—Неудавшійся романъ.—Судьбы Курляндіи и Россіи.

I.

Герцогство Курляндское было тогда леннымъ владѣніемъ Польши; оно сдѣлалось въ половинѣ XIV-го вѣка наслѣдственнымъ княжествомъ подъ покровительствомъ Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе ходатайства послѣдняго Магистра Тевтонскаго Ордена, Готхарда фонъ Кеттлера. Въ 1698 г. одинъ изъ потомковъ послѣдняго, Фридрихъ-Казиміръ, скончался, оставивъ послѣ себя вдову, прусскую принцессу, и шестилѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма, у котораго былъ опекуномъ родной его дядя Фердинандъ. Въ 1709 г. молодой Фридрихъ-Вильгельмъ, при содѣйствіи Петра Великаго, вступилъ во владѣніе наслѣдіемъ своего отца, но годъ спустя, едва успѣвъ стать супругомъ Анны Ивановны, скончался, и герцогство Курляндское снова перешло въ руки дяди покойнаго, бывшаго его опекуна Фердинанда. Но старикъ, впавшій въ мистическую набожность и вѣчно неладив-

шій, какъ съ Курляндіей, такъ и съ Польшей, остался жить въ Данцигѣ, предоставивъ Митавскій дворецъ вдовствующей Аннѣ, а управленіе дѣлами—кому угодно. Король Польскій, Рѣчь Посполитая, Курляндскій Сеймъ и Россія усиленно оспаривали другъ у друга управленіе дѣлами Курляндіи и, надо признаться, что Россія имѣла въ этомъ отношеніи перевѣсъ надъ остальными, благодаря Бестужеву, котораго Петръ приставилъ къ Аннѣ Ивановнѣ въ качествѣ Гофмаршала ея двора. Анна Ивановна взяла его себѣ въ возлюбленные, въ ожиданіи Бирона, и помогала ему, сколько могла, регентствовать въ странѣ. Что же касается Польши, то она, какъ всегда, гонясь за призраками въ будущемъ, упускала изъ рукъ то, что могла удержать: она мечтала главнымъ образомъ о возможности полнаго присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, послѣ смерти Фердинанда, который уже дышалъ на ладонъ. Но такое разрѣшеніе курляндскаго вопроса не было по нутру ни Россіи, ни Пруссіи, ни даже Польскому королю, который, будучи одновременно и королемъ Саксонскимъ, втайнѣ приберегалъ курляндское герцогство для одного изъ своихъ сыновей. Наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса, повидимому, являлся вторичный бракъ Анны Ивановны, и такъ какъ она была весьма не прочь получить супруга, то на вакансію таковаго явился, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ кандидатовъ.

Въ 1717 г. Петръ даже подписалъ соглашеніе съ Саксонскимъ дворомъ, въ которомъ обѣщалъ руку вдовствующей царевны и не принадлежащее ей наслѣдіе Герцоговъ Курляндскихъ герцогу Іоанну Адольфу Саксенъ-Вейссенфельзскому, когда же этотъ бракъ не состоялся, то изъ Берлина предложили въ женихи принца Карла Прусскаго. Послѣ него былъ на очереди принцъ Карлъ Александръ Вюртембергскій, который еще за два года до этого оффиціальнаго сватовства пытался устроить свой бракъ съ Анной Ивановной черезъ посредство русскаго уполномоченнаго въ Вѣнѣ, Ягужинскаго, которому онъ за эту услугу поднесъ драгоцѣнный перстень. Но Ягужинскій взялъ перстень, а сдѣлать ничего не сдѣлалъ, а въ сущности и не могъ ничего сдѣлать. Постоянно враждуя съ Меншиковымъ и вѣчно затираемый имъ, этотъ жалкій авантюристъ не разъ говаривалъ подъ хмѣлькомъ, что радъ бы развязаться съ Россіей, и мечталъ ос-

ваться въ Польшѣ, для чего усердно обзаводился связями въ Варшавѣ и Дрезденѣ *).

Кромѣ вышепоименованныхъ, было еще нѣсколько кандидатовъ, возможность же кандидатуры Морица Саксонскаго зародилась въ изобрѣтательномъ умѣ Лефорта лишь въ 1725 г., когда со смертью Петра всякимъ интригамъ раскрылось болѣе широкое поле.

Будучи побочнымъ сыномъ короля Августа II и красавицы Авроры Кенигсмаркъ, и имѣя всего 29 лѣтъ отъ роду, Морицъ успѣлъ уже составить себѣ громкую репутацію самаго блестящаго кутилы, игрока и ловеласа. Живя въ Парижѣ, онъ велъ бѣшеную картежную игру и во всѣхъ отношеніяхъ распутную жизнь, что, однако, не мѣшало ему скопить достаточно денегъ, чтобы имѣть возможность содержать на свой счетъ цѣлый полкъ нѣмецкой пѣхоты къ услугамъ французскаго правительства. Въ одинъ изъ частыхъ пріѣздовъ Анны Ивановны въ Петербургъ, одна изъ ея пріятельницъ, подученная Лефортомъ, наразсказала вдовствующей герцогинѣ Курляндской разныхъ чудесъ о молодомъ воякѣ, который являлся главнымъ героемъ всей любовной и скандальной хроники Европы отъ Парижа до Варшавы. На воображеніе Анны Ивановны не трудно было подѣйствовать и менѣе зажигательными разсказами, о чемъ Лефортъ поспѣшилъ извѣстить Морица, который, вырвавшись изъ объятій очаровательной Адріанны Лекувреръ, поспѣшилъ въ Варшаву. Онъ уже былъ однажды женатъ на деньгахъ, къ которымъ взялъ въ придачу Викторію фонъ Лебенъ, но послѣ скандальнаго развода нажилъ себѣ долговъ превыше головы и теперь только и мечталъ о богатой наслѣдницѣ, эксплуатируя пока влюбленныхъ въ него женщинъ и картежныхъ партнеровъ. Въ Варшавѣ его встрѣтила Депутація отъ Курляндскаго дворянства, предложившая ему корону Курляндіи, конечно, по настоянію вдовствующей Герцогини.

Тѣмъ временемъ Лефортъ вдругъ передумалъ: видя, что придворѣ Екатерины подыскиваютъ мужа Елизаветѣ Петровнѣ, онъ вздумалъ предложенную сперва Морицу Саксонскому Анну Ивановну замѣнить хорошенькою дочерью Петра и съ этою цѣлью

*) Исторія Вебера—Morits, Graf fon Sachsen, 1863, стр. 91.

послалъ ему ея портретъ съ самыми лестными отзывами объ ея наружности и внутреннихъ качествахъ, увѣряя, что она „безъ ума отъ него“ и ожидаетъ его съ „зудомъ нетерпѣнія“.

Такимъ образомъ нашъ герой оказался на распутьи между двумя предложеніями, одинаково соблазнительными по разнымъ соображеніямъ, и, при всей своей рѣшительности, на этотъ разъ онъ призадумался: Елизавета, конечно, была привлекательнѣе сама по себѣ, но за то Анна имѣла Митаву. И вотъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что слѣдовало прежде всего прочно обосноваться въ Митавѣ, при содѣйствіи Анны, а затѣмъ ей во всякое время можно было повернуть спину. Кромѣ того, его стратегическій нюхъ подсказалъ ему, что главною базой его дальнѣйшихъ операцій должна быть въ настоящее время Варшава, а не Петербургъ, и по началу оказалось, что чутье не обмануло его.

Въ апрѣлѣ 1726 г. совѣтъ министровъ Саксоніи рѣшилъ, что его слѣдуетъ объявить соправителемъ стараго Герцога Курляндскаго, король-же Августъ II пошелъ даже дальше: онъ издалъ указъ, разрѣшающій созывъ курляндскаго сейма для избранія Морица въ Герцоги Курляндскіе. Что же касается согласія Россіи, то молодой претендентъ на Курляндскую корону ни мало не сомнѣвался въ возможности заручиться имъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, куда онъ разсчитывалъ поѣхать подъ предлогомъ, что его мать желаетъ вступить во владѣніе какимъ то помѣстьемъ въ Эстляндіи, которое яко-бы приходилось ей по наслѣдству послѣ ея брата. По началу все шло хорошо. Приходили вѣсти, что курляндцы настроены весьма дружелюбно къ молодому кандидату, и что Гетманъ Литовскій Посей, находившійся подъ башмакомъ у жены, готовъ былъ помогать всѣми зависящими отъ него средствами. Жена короннаго Маршала Бѣлинскаго, сводная сестра Морица, также проявила съ своей стороны полное усердіе, чтобы поддержать его, въ деньгахъ также не оказалось недостатка у этого баловня судьбы Правда, г-жа Кенигсмаркъ упрашивала короля Августа вынуть три цѣнныхъ жемчужины, заложенныхъ для того, чтобы снабдить сына деньгами, но король, хотя и обѣщалъ, но не сдѣлалъ, за то Адріанна Лекувреръ продала большую часть своихъ бриллiантовъ и цѣнностей и послала свыше 40.000 фунтовъ своему невѣрному

возлюбленному. Жена Литовскаго Гетмана съ своей стороны полными пригоршнями черпала изъ денежной шкатулки мужа для того, чтобы Морицъ Саксонскій могъ располагать нужными ему средствами.

Но именно благодаря содѣйствію этихъ дамъ слухи о кандидатурѣ Морица на Курляндскую корону и о содѣйствіи ему въ этомъ короля Августа проникли въ польское общество и вызвали всеобщее возмущеніе, настолько сильное и явное, что съ нимъ нельзя было не считаться. Мало того, что Августъ вводилъ своихъ побочныхъ дочерей въ самыя родовитыя польскія фамиліи, теперь онъ вздумалъ еще надѣлять герцогскими коронами своихъ сыновей, отрывая для этого отъ Польши ея исконные лены. Ропотъ не умолкалъ, и король поневолѣ струсилъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ саксонскіе министры единогласно совѣтовали королю отказаться отъ этой мысли, а польскій канцлеръ отказался приложить государственную печать къ указу короля о созывѣ курляндскаго сейма. Вслѣдствіе всего этого въ день, назначенный для отъѣзда Морица въ Митаву, къ нему явился графъ Мантейфель и заявилъ о желаніи короля, чтобы онъ не уѣзжалъ изъ Варшавы. Тѣмъ не менѣе Морицъ уѣхалъ въ ту же ночь, не повидавшись даже съ королемъ и едва успѣвъ проститься съ нѣкоторыми дамами. Гетманъ литовскій далъ эскортъ изъ литовскихъ драгунъ; прибывъ въ Митаву, Морицъ саксонскій поселился вблизи лѣтняго мѣстопребыванія Анны Ивановны, и вскорѣ бракъ его со вдовствующей герцогиней и избраніе его курляндскимъ сеймомъ, казалось, были дѣломъ рѣшеннымъ.

Дѣйствительно, Морицъ Саксонскій не терялъ драгоцѣннаго времени; рѣшивъ пока отказаться отъ прелестей Елизаветы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ торопилъ развязкой въ Курляндіи. Онъ спѣшно собралъ милицію, воодушевилъ въ свою пользу все курляндское дворянство и положительно очаровалъ Анну Ивановну, которая, при всей своей дородности, млѣла и падала въ обморокъ при видѣ этого ловкаго красавчика. Такимъ образомъ онъ 1-го Іюля писалъ мужу другой своей сводной сестры, также побочной дочери Августа, графа Кассель: „Я избранъ наслѣдственнымъ герцогомъ курляндскимъ, и управленіе Курляндіей поручено мнѣ, пока король успѣетъ о томъ увѣдомить стараго герцога Фердинанда“.

II.

Легкомысленный молодой человѣкъ полагалъ, что въ Петербургѣ, какъ и въ Варшавѣ, примирятся съ совершившимся фактомъ; между тѣмъ дѣло вовсе не обошлось такъ просто, какъ онъ думалъ. Побуждаемый недовольствомъ шляхты, Августъ II вынужденъ былъ послать вслѣдъ непослушному сыну гонца съ новымъ воспрещеніемъ созывать Курляндскій сеймъ;—курляндцы сдѣлали видъ, что собираются бросить королевскаго гонца въ воду, но этимъ и ограничились ихъ проявленія преданности дѣлу ихъ избранца; они согласны были раскрыть ему свои сердца, но отнюдь не свои кошельки, такъ что когда Морицъ обратился къ нимъ за содѣйствіемъ для образованія еще одного полка гвардіи, то на его призывъ откликнулось всего только 100 человѣкъ. Въ Петербургѣ же его дѣла обстояли еще хуже. Влюбленная въ него, какъ кошка, жирная Анна Ивановна поспѣшила написать Меншикову и Остерману, чтобы ей разрѣшили вступить въ бракъ съ избранникомъ ея сердца *); узнавъ объ этомъ, женскій элементъ Петербургскаго двора возликовалъ отъ радости. „Наши друзья,—писалъ саксонскій уполномоченный,—а особенно самки, спятъ и видятъ лишь нашего героя; если онъ не скоро прибудетъ сюда, то я весьма опасаюсь, чтобы онѣ не побѣжали ему на встрѣчу. Во всякомъ случаѣ я бы не отказался отъ столькихъ тысячъ червонцевъ, сколько онъ одержалъ у насъ побѣдъ надъ женскими сердцами“.

Но уже 16-го мая 1726 г. Верховный Совѣтъ рѣшилъ иначе, избравъ въ кандидаты на Курляндскій престолъ епископа Любекскаго, Карла-Августа Голштинскаго, двоюроднаго брата супруга Анны Петровны, и, сообразно этому, Бестужевъ долженъ былъ протестовать отъ имени Россіи противъ избранія Морица Саксонскаго. Надо замѣтить, что Меншиковъ въ сущности стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ этого дѣла и скорѣе неодобрительно относился къ этому протесту, тѣмъ не менѣе Морицъ Саксонскій не могъ похвалиться тѣмъ, что такое поведеніе временщика было внушено ему симпатіями къ избраннику Анны. Напротивъ, чувствуя свое положеніе шаткимъ, Меншиковъ, при содѣйствіи ге-

*) Переписка русскихъ государей, IV, 141—3.

нерала Роннэ, природнаго Курляндца, подъ шумокъ подбиралъ себѣ партію сторонниковъ въ герцогствѣ и заручился даже сочувствіемъ Екатерины, которая въ іюнѣ мѣсяцѣ вдругъ явилась на засѣданіе Верховнаго Совѣта и заявила, что она измѣнила свой выборъ и теперь рѣшила предложить Курляндскому Собранію въ кандидаты на герцогскую корону Меншикова, котораго она немедленно отправляла въ Митаву въ сопровожденіи Василія Ивановича Долгорукаго, этого опытнаго дипломата Петровской школы, искусно исполнявшаго самыя затруднительныя порученія. Такимъ образомъ при открытіи сейма кандидатура Меншикова была открыто предложена однимъ изъ депутатовъ, который весьма усердно выставлялъ всѣ преимущества и достоинства предлагаемаго имъ кандидата. Тѣмъ не менѣе перевѣсъ остался на сторонѣ Морица Саксонскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургскій горизонтъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе; вдругъ гонцы, одинъ за другимъ прибывшіе въ Митаву, увѣдомили населеніе города о ближайшемъ прибытіи Меншикова въ Митаву и о вступленіи 12.000 русскихъ войскъ въ предѣлы Герцогства Курляндскаго.

8-го іюля прибылъ Долгорукій и заявилъ Сейму о неудовольствіи Императрицы, которая не соглашалась признать выборы незаконно созваннаго сейма, созваннаго вопреки воспрещенію Короля Польскаго, и требовала новаго созыва избирательнаго сейма.—„Но Польскій Король опять таки не разрѣшитъ!—возражали на это. — „А это уже дѣло Императрицы, объ этомъ она позаботится“. Меншиковъ, сидя въ Ригѣ, выжидалъ результата этихъ предварительныхъ переговоровъ; Анна Ивановна отправилась къ нему и со слезами на глазахъ умоляла не переступить дорогу Морицу Саксонскому и снять свою кандидатуру. Но Меншиковъ оставался непоколебимъ: Россіи не угоденъ Морицъ Саксонскій, и царевна не можетъ стать женою ублюдка. 10-го іюля Меншиковъ лично пріѣхалъ въ Митаву, и въ ту же ночь русскія войска заняли городъ, а на другой день состоялось знаменитое свиданіе двухъ соперниковъ, послужившее поводомъ къ всевозможнымъ фантастическимъ разсказамъ. По началу свиданіе это было очень бурное, но впослѣдствіи приняло болѣе мирный оборотъ.

Когда Меншиковъ со свойственной ему надменностью заявилъ, что онъ покажетъ курляндцамъ силою батоговъ, кто здѣсь хозяинъ, тогда догадливый соперникъ его, желая избѣжать,

вѣроятно, главнымъ образомъ для себя такихъ убѣдительныхъ доводовъ, предложилъ Меншикову слѣдующую сдѣлку: дать взаимно другъ другу обязательство въ томъ, что тотъ изъ нихъ, кто станетъ герцогомъ Курляндскимъ, долженъ уплатить другому сумму въ 100.000 руб. Послѣ такого уговора разговоръ сталъ почти дружелюбнымъ, при чемъ Меншиковъ довольно наивно просилъ своего соревнователя на Герцогскую Корону дать ему рекомендацію къ Королю Польскому, его отцу. Копія съ этого письма сохранилась, а Меншиковъ впослѣдствіи даже похвалялся оригиналомъ, какъ актомъ отреченія со стороны Морица Саксонскаго. Дѣйствительно, въ письмѣ графа къ отцу-Королю встрѣчается слѣдующая двухсмысленная фраза: „Онъ (т. е. Меншиковъ), желаетъ, государь, чтобы я поручилъ Вашему вниманію его интересы, и такъ какъ я хотѣлъ бы ему доказать, на сколько я близко принимаю ихъ къ сердцу, то умоляю Ваше Величество отнестись къ нему съ особенной благосклонностью“.

Что касается многочисленныхъ романическихъ разсказовъ о будто-бы геройской оборонѣ Морица Саксонскаго противъ солдатъ Меншикова, объ его бѣгствѣ съ переодѣваніемъ при участіи какой-то влюбленной въ него курляндской крестьяночки и т. п., то это ничто иное, конечно, какъ пустой вымыселъ. О всемъ этомъ онъ, безъ сомнѣнія, сообщилъ бы своимъ друзьямъ, съ которыми состоялъ въ самой оживленной перепискѣ; онъ же только упоминаетъ о томъ, что ожидалъ нападенія въ ночь съ 11-го на 12 іюля, а потому держался на сторожѣ со своими товарищами, проведя эту ночь за картами и виномъ, но ничто не нарушало ихъ веселаго препровожденія времени, а на слѣдующій день Меншиковъ покинулъ Митаву, „съ носомъ“, добавляетъ въ своемъ письмѣ Морицъ Саксонскій.

Дѣло въ томъ, что у Меншикова было въ распоряженіи всего нѣсколько сотъ драгунъ, что, конечно, являлось слишкомъ ничтожными силами, чтобы вступать въ борьбу со столь рѣшительнымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ, какимъ былъ его соперникъ. По отношенію къ курляндцамъ, онъ грозился сослать въ Сибирь предсѣдателя Сейма и съ полдюжины депутатовъ и вернуться въ Митаву съ 20.000 арміей, если черезъ десять дней не будетъ собранъ новый сеймъ, затѣмъ онъ схватилъ за шиворотъ одного изъ секретарей Бестужева и приказалъ немедленно

опечатать всѣ бумаги Анны Ивановны. Наконецъ, уставъ грозить и свирѣпствовать и видя, что Морицъ Саксонскій не собирается уѣзжать во свояси, Меншиковъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, а за нимъ слѣдомъ поѣхала и Анна Ивановна съ жалобами и просьбами. Курляндцы съ своей стороны жаловались на него, Польша протестовала противъ его безцеремонности. Верховный Совѣтъ нашелъ, что Меншиковъ зашелъ слишкомъ далеко, и въ августѣ Бестужева увѣдомили, что Императрица не желаетъ болѣе настаивать на кандидатурѣ фаворита; за то резиденту дано было знать, чтобы онъ настаивалъ на избраніи кого нибудь изъ русскихъ кандидатовъ, а въ случаѣ, если бы король Августъ отказался признать ихъ, то предоставить выбрать курляндцамъ кого они пожелаютъ, за исключеніемъ только Морица Саксонскаго. Тѣмъ не менѣе послѣдній пока оставался хозяиномъ положенія, хотя на него и надвигалась новая гроза, но на этотъ разъ уже со стороны Польши.

III.

Къ концу года шансы Морица Саксонскаго какъ будто нѣсколько увеличились. Не говоря о Лефортѣ, онъ имѣлъ въ Петербургѣ еше другихъ друзей и доброжелателей, въ томъ числѣ французскаго полковника де-Фонтеней, который придумалъ весьма смѣшную комбинацію, могущую удовлетворить большинство причастныхъ къ Курляндскому вопросу лицъ, а именно раздѣлъ Литвы между гетманомъ Посей, Меншиковымъ и графомъ Морицомъ Саксонскимъ, который, получивъ небольшой клочекъ Литвы въ добавокъ къ герцогству Курляндскому, тѣмъ самымъ округлялъ свои владѣнія, остальные же двое также не оказывались обдѣленными. Августъ, не какъ король Польскій, а какъ отецъ, конечно, весьма оцѣнилъ этотъ проектъ и, находя его довольно выгоднымъ для сына, радъ былъ одобрить его и содѣйствовать его осуществленію; тѣмъ болѣе, что онъ, какъ извѣстно, вообще ничего не имѣлъ противъ такого рода комбинацій, которыя грозили цѣлости и неприкосновенности территоріи Польской Республики.

Въ тоже время Лефортъ настаивалъ на своемъ планѣ—замѣнить Анну Ивановну Елизаветой и потому противодѣйствовалъ всѣмъ хлопотамъ и стараніямъ вдовствующей герцогини. Екатерина положительно не знала, кого слушать и на что рѣшиться.

Меншиковъ какъ будто соглашался съ планомъ де Фонтеней, а графъ Саксонскій начиналъ вѣрить, что ему могутъ дать Елизавету, съ Курляндіей въ придачу, по форменному договору между Россіей и Польшей или, вѣрнѣе, между Императрицей и королемъ Польскимъ, при чемъ расплачиваться пришлось бы за это только Польской Республикѣ. Однако, устроить это было не такъ легко; въ октябрѣ 1726 г. саксонскіе министры рѣшили единогласно не поддерживать долѣе претензій графа Морица Саксонскаго, такъ какъ это грозило возстаніемъ цѣлой Польши, и сколько г-жа де Посей не уговаривала Флемминга вступиться еще разъ за Морица, все ея краснорѣчіе ни къ чему не привело, и 9-го ноября того же года, уступая настоятельнымъ требованіямъ польскаго сейма, король одновременно подписалъ строжайшій указъ, повелѣвающій Морицу безотлагательно вернуться въ Варшаву, и манифестъ о присоединеніи Курляндіи къ Республикѣ послѣ смерти стараго Герцога Фердинанда. Въ этомъ же манифестѣ избраніе графа Морица Саксонскаго признавалось недѣйствительнымъ, и самъ онъ изгонялся изъ страны, въ которой образовывалась временная коммиссія для упорядоченія текущихъ дѣлъ.

Но это всетаки не заставило упорнаго претендента покинуть Митаву; не имѣя ни гроша денегъ и проводя большую часть дня, отъ скуки и бездѣйствія, въ постели, графъ Морицъ по цѣлымъ часамъ заставлялъ себѣ читать вслухъ Донъ-Кихота Сервантеса, въ ожиданіи, что судьба вновь улыбнется ему. И онъ отчасти былъ правъ, такъ какъ рѣшеніе Польскаго сейма, задѣвъ интересы Россіи и Пруссіи въ Курляндіи, давало ему нѣкоторые шансы на успѣхъ. Въ концѣ 1726 года Девіеръ былъ командированъ изъ Петербурга въ Митаву, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи тамъ дѣла. Повидавшись съ Морицомъ, онъ извѣстилъ императрицу, что у графа при упоминаніи ея имени не разъ навертывались слезы на глаза и что онъ отзывался о ней съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Это тронуло Екатерину, которая никакъ не могла сладить съ этой „бабьей войной“ и отправила Девьеру предписаніе пока ничего рѣшительнаго не предпринимать и до поры до времени оставить все въ томъ же положеніи. Между тѣмъ Лефортъ придумалъ уже новую комбинацію для улаженія дѣла.

Анна Ивановна была теперь въ ссорѣ съ Меншиковымъ, Елизавета была скомпрометирована въ переговорахъ съ Августомъ II относительно уступки Курляндіи; оставалось просить руки Софіи Скавронской, которая, конечно, охотно промѣняла бы польскаго князя на правящаго герцога. Морицъ Саксонскій могъ быть увѣренъ, что тронетъ сердце Царицы и этимъ путемъ добьется своего завѣтнаго желанія. Однако, на дѣлѣ графъ Саксонскій съ негодованіемъ отвергъ этотъ планъ. Ужъ въ такомъ случаѣ онъ всетаки предпочиталъ „Толстую Nan", какъ онъ и др. современники фамильярно называли Анну Ивановну, но мѣсяцъ спустя онъ самъ испортилъ свои отношенія къ ней, чѣмъ серьезно повредилъ себѣ и вообще при русскомъ дворѣ: Анна Ивановна уступила ему часть своихъ апартаментовъ въ Митавскомъ дворцѣ, гдѣ ему случалось нерѣдко принимать тайно самую хорошенькую изъ фрейленъ герцогини. Въ одну прекрасную ночь, когда эта молодая особа слишкомъ поздно засидѣлась у него, онъ провожалъ ее до ея помѣщенія, и такъ какъ въ эту ночь на дворѣ выпалъ глубокій снѣгъ, то этотъ великодушный дамскій угодникъ понесъ свою хорошенькую гостью на рукахъ черезъ дворъ. Какимъ то случаемъ во дворѣ дворца съ ними повстрѣчалась какая то старушка, несшая въ рукѣ фонарь. Увидавъ на своемъ пути существо, обладавшее одной парой ногъ, но двумя головами, старушка пришла въ неописанный ужасъ отъ такого страшнаго явленія и стала кричать, поставивъ на землю фонарь, Графъ Морицъ хотѣлъ погасить этотъ фонарь, опрокинувъ его ногою, что для него, вѣроятно, было дѣломъ привычнымъ, но поскользнулся и упалъ вмѣстѣ со своей драгоцѣнной ношей на старуху, которая отъ этого принялась кричать еще громче, такъ что разбудила даже давно спавшую Анну Ивановну, и сбѣжавшаяся на крикъ старухи челядь узнала въ чемъ дѣло; на другой же день все это дошло до ушей герцогини Курляндской. Убѣдившись, что ея претендентъ не любилъ исключительно только вестфальскіе окорока, а предпочиталъ по возможности разнообразить свою діету различными лакомствами, Анна Ивановна послала гонца въ Петербургъ съ выраженіемъ своего гнѣва и негодованія по поводу происшедшаго, и вскорѣ до свѣдѣнія графа Морица дошло черезъ Лефорта, что его фонды въ Петербургѣ сильно упали, и дѣла принимали неутѣшительный оборотъ.

Тѣмъ временемъ второй Курляндскій сеймъ въ февралѣ 1727 г. подтвердилъ свой первый выборъ, и Морицъ уже поздравлялъ себя съ побѣдой, тѣмъ болѣе, что барону Медему было поручено его соотечественниками отправиться въ Варшаву и отстаивать тамъ всѣми мѣрами свой выборъ. Однако, Польша также приняла мѣры, и Медемъ былъ захваченъ въ пути. А въ апрѣлѣ 1727 г. графъ Морицъ Саксонскій отправился въ Дрезденъ въ сопровожденіи всего только двухъ слугъ, а оттуда дальше въ Парижъ, гдѣ онъ надѣялся найти и деньги, и поддержку. Онъ пытался было сдѣлать заемъ въ Англіи; но это ему не удалось, и наконецъ, съ большимъ трудомъ онъ раздобылъ 20.000 червонцевъ у одного парижскаго ростовщика. Съ этими деньгами онъ вернулся въ Саксонію, но здѣсь отецъ его рѣшительно отказался даже говорить съ нимъ о Курляндіи, послѣ чего, тайно покинувъ Дрезденъ, Морицъ рѣшился черезъ Польшу вернуться въ Митаву, но въ пути узналъ о смерти Екатерины, съ которой рушились всѣ его надежды.

Теперь Меншиковъ сталъ всесильнымъ, а съ нимъ, при такихъ условіяхъ, тягаться было не легко. Прибывъ въ Митаву, Морицъ Саксонскій столкнулся съ генераломъ Ласси, командовавшимъ 2 полками русской пѣхоты и двумя полками кавалеріи; тотъ предложилъ ему немедленно покинуть Митаву и Курляндію, если онъ не хочетъ попасть въ „страны не столь отдаленныя". Не видя возможности бороться противъ такой силы, графъ Саксонскій удалился на небольшой островокъ среди озера Усмайтэнъ, который и по сіе время еще сохранилъ названіе „Морицгольма", и оттуда сталъ вести переговоры, хотя съ нимъ было всего 300 человѣкъ наемниковъ, преимущественно вывезенныхъ имъ моремъ изъ Нидерландовъ. Но Ласси ничего не хотѣлъ слышать, и 19-го августа, лишенный своего герцогства, герцогъ долженъ былъ убраться по добру по здорову, а его маленькая армія капитулировала. Плѣнные встрѣтили ласковое обхожденіе со стороны русскихъ, а затѣмъ были переправлены въ Польшу, которая приняла ихъ въ ряды своего войска.

Укрывшись въ Данцигѣ, Морицъ Саксонскій все еще не считалъ свое дѣло проиграннымъ; его камердинеръ Бовэ, французъ, успѣлъ спасти во время бѣгства кое какія драгоцѣнности Морица и документъ, гласившій объ его избраніи герцогомъ Курлянд-

скимъ; это уже былъ, какъ ему казалось, извѣстный козырь въ рукахъ, и, основываясь на этомъ убѣжденіи, онъ обратился къ Ласси, требуя отъ него возмѣщенія своихъ убытковъ, которые онъ оцѣнивалъ въ 74.960 червонцевъ. На ряду съ этимъ онъ препровождалъ къ генералу Ласси записку, адресованную Меншикову, гдѣ предлагалъ тому 40.000 червонцевъ за то, если онъ откажется отъ всякихъ видовъ на Курляндію.

Однако, посланіе это прибыло въ Петербургъ въ моментъ той катастрофы, которая окончательно разрушила счастливую судьбу всесильнаго временщика. Послѣ того, какъ Ласси вынудилъ Морица Саксонскаго бѣжать изъ Курляндіи, въ предѣлы герцогства прибыла польская коммиссія съ епископомъ Христофоромъ во главѣ и 1000 человѣкъ Литовскихъ драгунъ. Въ моментъ всеобщаго замѣшательства, наступившаго въ Петербургѣ со смертью Екатерины, Ласси не счелъ возможнымъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ польской коммиссіи, хотя онъ и располагалъ большими важными силами, признавая въ ней представителей въ сущности законнаго права. Коммиссія эта въ декабрѣ 1727 г. созвала новый сеймъ и заставила его признать всѣ постановленія послѣдняго польскаго сейма, состоявшагося въ Гродно.

Тѣмъ не менѣе все это казалось лишь какимъ то временнымъ разрѣшеніемъ курляндскаго вопроса, которое въ сущности оставляло положеніе русскихъ и роль Россіи въ этомъ совершенно неизмѣненными. Анна Ивановна продолжала жить въ Митавѣ, а войска Ласси во всякое время могли заставить заговорить право сильнаго; такимъ образомъ петербургское правительство сохраняло за собой право предписывать въ Курляндіи свои законы и, конечно, не преминуло бы въ ближайшемъ будущемъ воспользоваться этимъ правомъ. Это было ясно для всѣхъ, кромѣ Морица Саксонскаго, упорство и настойчивость котораго могли бы при другихъ условіяхъ сослужить ему хорошую службу.

IV.

Въ ноябрѣ 1728 г. прибылъ въ Петербургъ новый посланнецъ Морица Саксонскаго, нѣкій Баконъ, гдѣ всячески старался убѣдить, что его довѣритель—единственный человѣкъ, который

можетъ помѣшать присоединенію Курляндіи къ Польшѣ, который, управляя страной при поддержкѣ со стороны Россіи, готовъ стать ея вассаломъ, обязуется уплачивать ежегодно дань въ 40.000 руб., и содержать всегда на готовѣ для нее столько войска, сколько она пожелаетъ. Но всему этому въ Петербургѣ внимали равнодушно и въ концѣ предложили ему уѣхать съ тѣмъ съ чѣмъ пріѣхалъ. На это предложеніе настойчиваго Морица смотрѣла неодобрительно не одна Польша, но и Австрія, увѣренная въ томъ, что Морицъ Саксонскій не задумается открыть курляндскіе порты для Англіи. Но въ то время, когда Баконъ такъ безуспѣшно старался на пользу своего патрона, хитрый Лефортъ за его спиной дѣйствовалъ несравненно успѣшнѣе въ томъ же направленіи. Онъ увѣрялъ Морица, что въ Петербургѣ снова возвращаются къ мысли объ избраніи его мужемъ для Елизаветы, которая только желаетъ взглянуть на товаръ прежде, чѣмъ сказать рѣшительное слово. И въ сущности это было вовсе не такъ далеко отъ истины. Преемникъ Екатерины, юный Петръ II, проявлялъ по отношенію къ своей тетушкѣ такія нѣжныя чувства, которыя начинали тревожить очень многихъ, напоминая о проектѣ, предложенномъ хитрымъ Остерманомъ.

Олигархическая партія видѣла въ этомъ угрозу своимъ честолюбивымъ замысламъ и опасалась лишиться возможности опекать юнаго государя. Австрійскій посолъ опасался, что Елизавета, ставъ женой Петра II, помѣшаетъ ему принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ Европы, т. е. иначе говоря, побудитъ его нарушить обязательства Меншикова по отношенію къ Австріи. Словомъ, и тѣ, и другіе, и третьи, т. е. церковь да и народъ, если бы ему о томъ было извѣстно, не желали этого брака и опасались его, а потому являлась необходимость выдать царевну замужъ и выпроводить ее изъ предѣловъ Россіи. И вотъ въ Петербургѣ образовался положительный наплывъ претендентовъ на руку прекрасной царевны; даже старый ханжа, герцогъ Фердинандъ Курляндскій, и тотъ не постѣснялся встать въ ряды соискателей ея руки. Ему посовѣтовали лучше посвататься за „Толстую Nan“, (la grosse Nan), что онъ и сдѣлалъ, но вдовствующая герцогиня отвергла его, а спустя годъ Елизавета уже рѣшительно отказалась отъ всякихъ жениховъ и предалась, быть можетъ, съ горя, что Петръ II оставилъ ее, такому разгулу, что даже самые рѣши-

тельные претенденты спѣшили отказаться отъ нея. Даже Лефортъ, такой ревностный ея сторонникъ, признавался, что поведеніе царевны таково, что лишаетъ друзей графа Саксонскаго возможности желать для него подобнаго брака *).

На этотъ разъ графъ Морицъ Саксонскій какъ будто серьезно махнулъ рукой на Курляндію и Россію и уѣхалъ во Францію, гдѣ его ожидали блестящія побѣды.

V.

Съ тѣхъ поръ прошло 10 лѣтъ. Курляндія побывала во многихъ рукахъ; она видѣла, какъ на россійскій престолъ взошла „Толстая Нанъ", столь мало пригодная, казалось бы, для роли русской Императрицы, и вотъ благодаря ей герцогство курляндское, котораго столь упорно и страстно добивался Морицъ Саксонскій, досталось какому то безызвѣстному выскочкѣ и авантюристу. Казалось бы, что теперь всякій путь къ возвращенію въ Курляндію графу Саксонскому былъ на всегда заказанъ, какъ вдругъ въ 1741 году паденіе Бирона и восшествіе на престолъ Елизаветы перевернуло все, и судьба злополучнаго герцогства снова была поставлена на карту. Морицъ Саксонскій снова ухватился за свою прежнюю мечту. Какъ въ былые дни, онъ вздумалъ проѣхать изъ Парижа въ Москву, черезъ Варшаву. Изъ далекой Москвы доходили слухи; говорили о коронаціи Елизаветы, которая все еще не была замужемъ, и ея ближайшіе повѣренные въ это время, Ла-Шетарди, французскій посолъ, и Лестокъ, смѣлѣйшій изъ интригановъ, состоя въ перепискѣ съ Морицемъ, рисовали ему самыя заманчивыя перспективы. Украшенный славными побѣдами подъ Прагой и Егра, нашъ герой получаетъ отпускъ и, пока французская армія эвакуируетъ изъ столицы Богеміи, онъ вдругъ появляется въ Москвѣ и 11-го іюня является предъ ясныя очи Елизаветы, которая тутъ же избираетъ его себѣ кавалеромъ на танецъ. Два дня спустя Ла-Шетарди даетъ большой обѣдъ въ честь знаменитаго гостя. Императрица является на этотъ обѣдъ заѣздомъ, на возвратномъ пути съ длинной прогулки

---

*) Письмо отъ 7-го февраля 1729 г. — Дрезденскій Архивъ, „графъ Морицъ Саксонскій" 1865 г. стр. 172.

верхомъ, въ мужскомъ костюмѣ, что у нея всегда было признакомъ желанія понравиться и пококетничать. Она по товарищески, съ очаровательной безцеремонностью обращается съ Морицомъ Саксонскимъ, и остается до глубокой ночи въ веселой кампаніи гостей Ла Шетарди. 18-го іюня Елизавета снова встрѣчается у Воронцова на завтракѣ по русски, завтракѣ, который продолжается 9 часовъ. По выходѣ изъ за стола, гости садятся на коней, чтобы сопровождать государыню, которая галопомъ скачетъ по ярко иллюминованнымъ улицамъ Москвы. Внезапно разразившаяся гроза заставляетъ всю веселую кавалькаду искать защиты отъ ливня въ стѣнахъ Кремля, здѣсь Елизавета лично показывала Морицу Саксонскому всѣ коронаціонные предметы и принадлежности. Затѣмъ вся кампанія снова садится на коней, и императрица какъ бы случайно обращается къ Ла Шетарди съ вопросомъ, не предложитъ-ли онъ ей поужинать. Французскій посолъ, знавшій объ этомъ заранѣе, счелъ себя чрезмѣрно счастливымъ принять у себя государыню, и когда ночные гости подъѣхали къ его дворцу въ часъ ночи, помѣщеніе было все роскошно иллюминовано; на площади играли фонтаны изъ бѣлаго и краснаго вина для собравшагося поглазѣть народа, два большихъ стола на 30 персонъ каждый были роскошно сервированы. Елизавета пошла переодѣваться, такъ какъ она вся промокла до нитки. По выраженію саксонскаго посла Петцольда, „затмѣвая своею красотою восходящее солнце, Елизавета, веселая и довольная, удалилась, наконецъ, въ 6 часовъ утра, очаровавъ всѣхъ своей непринужденностью и обходительностью“.

Но этотъ, такъ хорошо начавшійся, романъ былъ осужденъ прерваться на первыхъ главахъ. Морицъ Саксонскій ясно понялъ, что Императрица не прочь удѣлить ему мѣстечко подлѣ себя, но не исключительное, а въ ряду остальныхъ ея любовныхъ развлеченій, и, не долго думая, покинулъ Москву, а вскорѣ за нимъ покинулъ ее и Ла-Шетарди.

Мы привели здѣсь такъ подробно этотъ, повидимому, маловажный эпизодъ потому, что онъ особенно ярко характеризуетъ общій характеръ русской Исторіи во второй четверти XVIII столѣтія. Все представляется какимъ-то безсвязнымъ хаосомъ, бѣшеной борьбой честолюбія и страстей отдѣльныхъ лицъ. Судьба Курляндіи является какъ-бы игралищемъ каприза одержимыхъ

честолюбивыми замыслами Морица Саксонскаго и Меншикова, и „любовнымъ зудомъ“ Петербургскихъ Красавицъ; политическіе интересы Россіи здѣсь какъ будто вовсе не играютъ роли, а въ концѣ концовъ въ этой игрѣ торжествуютъ исключительно эти политическіе интересы страны. Графъ Саксонскій, Меншиковъ и Биронъ сходятъ со сцены одинъ за другимъ, но русская гегемонія на берегахъ Балтійскаго моря крѣпнетъ и растетъ незамѣтно, и русскій протекторатъ все устойчивѣе утверждается въ Митавѣ, такъ что въ извѣстный рѣшительный моментъ Екатеринѣ II остается только протянуть руку, чтобы взять то, что всѣ ея предшественники, сами того не подозрѣвая, подготовили для нея.

Глава IV.

Императоръ забавляется. Петръ II.

Воспитаніе молодого Государя.—Многообѣщающія начинанія.—Образцовый воспитатель.—Остерманъ.—Искусная политика Меншикова.—Сближеніе временщика съ Долгорукими и удаленіе Голштинскаго семейства.—Полное торжество.—Болѣзнь временщика.—Либеральныя мѣры Верховнаго Совѣта.—Освобожденіе Евдокіи.—Новыя вліянія.—Сестра и Тетка.—Наталія и Елизавета.—Соперникъ.—Иванъ Долгорукій.—Петръ начинаетъ входить во вкусъ самостоятельной жизни и кутежей.—Охотничьи и любовныя похожденія.—Марія Меншикова забыта.—Выздоровѣвшій Меншиковъ старается реагировать.—Конфликтъ.—Праздникъ въ Ораніенбаумѣ.—Немилость.—Ссылка Меншикова.—Новыя соперничества.—Борьба Остермана и Наталіи Алексѣевны противъ Долгорукихъ.—Отъѣздъ въ Москву. Надежды Остермана и Евдокіи.—Мать и внукъ.—Разочарованіе.—Торжество Долгорукихъ.—Коронація.—Ссылка Меншикова въ Сибирь.—Березовъ.—Печальная участь этой семьи.—Петръ II продолжаетъ забавляться.—Полное отсутствіе интереса къ Государственнымъ дѣламъ.—Пристрастіе къ охотѣ, кутежамъ и попойкамъ возрастаетъ.—Кочевой образъ жизни.—Новыя склонности.—Немилость Елизаветы.—Смерть Наталіи.—Екатерина Долгорукая.—Романическія происшествія.—Ухищренія кокетства.—Нѣтъ больше Правительства.—Разочарованіе и подозрѣнія.—Пойманы въ капканъ.

I.

Повидимому, тотъ періодъ русской исторіи, о которомъ намъ теперь приходится говорить, не совсѣмъ подходитъ подъ заглавіе этой книги, названной „Царство Женщинъ“, такъ какъ въ это время занималъ тронъ императоръ, а не императрица. Но если взглянуть поближе, то, пожалуй, придется сознаться, что все же и въ это время на Руси продолжалось Царство Женщинъ и Правленіе Фаворитовъ.

Петру Алексѣевичу было всего 3 года отъ роду, когда умерла его мать, несчастная Шарлотта Вольфенбюттельская, и материнскія заботы и уходъ за ребенкомъ былъ порученъ двумъ про-

стымъ бабамъ, вдовѣ портного и вдовѣ кабатчика. Кромѣ того къ нему еще былъ приставленъ нѣмецъ, учитель танцевъ по профессіи, учившій мальчика читать и писать, и такъ какъ этотъ нѣмецъ нѣкоторое время служилъ матросомъ, то онъ взялъ на себя смѣлость преподавать царевичу также и навигацію. Въ 1719 году, когда умеръ отецъ маленькаго Петра Алексѣевича, къ нему были приставлены два болѣе серьезныхъ наставника: Мавринъ, русскій по происхожденію, и венгерецъ Заикинъ *). Но такъ какъ Петръ мало интересовался успѣхами мальчика, то успѣхи эти были не особенно блестящи.

Ретроградная партія старой знати, объединявшая свои интересы съ судьбою и личностью маленькаго царевича, сердечно радовалась этой заброшенности ребенка, которая позволяла имъ надѣяться, что, съ вопареніемъ царевича, жизнь русскаго общества опять войдетъ въ старую колею, вернется къ обычаямъ предковъ и что ни о какихъ школахъ и коллегіяхъ и рѣчи не будетъ. Кромѣ того, при такихъ условіяхъ, можно было мечтать и объ ограниченіи самодержавія, чего, при ограниченномъ, необразованномъ и мало развитомъ государѣ, гораздо легче достигнуть. Итакъ, въ моментъ своего восшествія на престолъ, юный Петръ II былъ, казалось, именно такимъ, какимъ того желало большинство.

Ему шелъ 12 годъ, и по всему было видно, что онъ ни въ чемъ не походилъ на своего дѣда. И наружностью, и характеромъ онъ больше всего напоминалъ свою мать. Ея кроткая душа сказалась въ его глазахъ, добрыхъ и ласковыхъ, широко раскрытыхъ, въ его привѣтливой улыбкѣ и элегантной граціи стройной фигуры мальчика. Иностранные дипломаты всѣ въ одинъ голосъ хвалили его милое обхожденіе; объ его сердечной добротѣ и великодушіи ходило въ обществѣ и въ народѣ много разсказовъ, которые позволяли видѣть въ немъ въ будущемъ идеальнаго Государя. Когда онъ началъ изучать исторію Рима, то особенно увлекался императоромъ Веспасіаномъ и даже писалъ сестрѣ, что далъ себѣ слово подражать ему.

Но, конечно, нравственный обликъ 11-ти лѣтняго мальчика не имѣетъ еще ничего опредѣленнаго. Возможно, что въ немъ

---

*) Настоящее имя Заикина, замѣненное, по тогдашней модѣ для людей низшаго происхожденія, русскимъ именемъ, неизвѣстно.

таились всѣ тѣ прекрасные задатки, которые ему приписывали, но вскорѣ вліяніе Мавриныхъ и Заикиныхъ уступило мѣсто всякимъ дурнымъ примѣрамъ, увлеченіямъ и всей отравѣ, таящейся въ абсолютизмѣ для людей, обладающихъ слабою волею. Правда, по началу мальчикъ послушно вошелъ въ свою роль, онъ привыкъ звать Меншикова „папашей“ и продолжалъ это дѣлать, ставъ императоромъ. Онъ даже безпрепятственно позволилъ себя перевезти изъ дворца въ домъ своего будущаго тестя, который подъ предлогомъ, что тѣло усопшей императрицы должно было стоять болѣе недѣли во дворцѣ и что это могло отозваться на впечатлительномъ царевичѣ, поселилъ его въ своемъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ юный императоръ былъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Затѣмъ Меншиковъ замѣстилъ прежнихъ воспитателей Петра Алексѣевича Остерманомъ, этимъ умнымъ, развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, лучше котораго дѣйствительно трудно было выбрать. Этотъ тонкій и проницательный дипломатъ, выдающіяся способности котораго обратили на себя вниманіе Петра I, выказалъ себя и на этомъ своемъ новомъ поприщѣ педагога человѣкомъ высоко-даровитымъ. Онъ установилъ правильное распредѣленіе занятій, составилъ превосходную программу; придумалъ великолѣпную методу непродолжительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно разнообразныхъ уроковъ, съумѣлъ заинтересовать своего ученика, не переутомляя его вниманія, и велъ съ нимъ оживленныя бесѣды на научныя темы, заставляя своего царственнаго воспитанника вникать въ самую суть предмета, вызывая съ его стороны вопросы и возраженія. Благодаря этой системѣ мальчикъ вначалѣ не только пристрастился къ занятіямъ, но и къ своему преподавателю. Проснувшись по утру, молодой императоръ въ одной рубашкѣ бѣжалъ здороваться къ Остерману, и по началу это только радовало Меншикова.

12 мая состоялся большой торжественный пріемъ во дворцѣ Меншикова на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ теперь жилъ молодой императоръ; весь дворъ собрался привѣтствовать новаго государя, который вышелъ съ торжественнымъ лицомъ и рѣшительнымъ тономъ заявилъ всему собранію, что онъ сегодня хочетъ „уничтожить фельдмаршала“. Произошло всеобщее смущеніе и замѣшательство; но ласковая веселая улыбка на лицѣ юнаго импе-

ратора теперь ясно говорила всѣмъ, что ихъ смущеніе и волненіе напрасны. Торжественно досталъ онъ изъ кармана и передалъ своему будущему тестю бумагу, которою тотъ назначался „генералиссимусомъ". Меншиковъ давно уже тщетно добивался этого званія отъ Екатерины, и маленькій Петръ Алексѣевичъ захотѣлъ порадовать его этимъ исполненіемъ его давнишняго желанія.

Погребеніе покойной императрицы состоялось 16-го мая, а 22-го члены Верховнаго Совѣта собрались къ генералиссимусу, чтобы признать оффиціально и утвердить тотъ пунктъ завѣщанія покойной государыни, которымъ Марія Меншикова назначалась невѣстою Петра II-го. Спустя два дня отпразднована была и помолвка со всею надлежащею пышностью и торжествомъ. Высоконарѣченный женихъ былъ очень веселъ и привѣтливъ, на цѣлованіе руки онъ отвѣчалъ цѣлованіемъ въ уста и всѣхъ гостей обносилъ изъ своихъ рукъ старымъ Венгерскимъ виномъ. Въ этотъ же день высоконареченная невѣста получила титулъ императорскаго высочества, свой особый дворъ и пенсіонъ въ 34,000 руб. ежегодно. Тетка ея Варвара Арсеньева, старая интригантка, была приставлена въ качествѣ гофмейстерины къ будущей императрицѣ. Эта старая баба, злой геній семьи Меншиковыхъ заставляла фрейлинъ и придворныхъ дамъ цѣловать себѣ руку *).

Достигнувъ вершины власти, Меншиковъ выказалъ большой тактъ и ловкость: сознавая всю необходимость опоры въ комъ нибудь, Меншиковъ вздумалъ найти ее въ рядахъ той самой аристократіи, для которой онъ до послѣдняго времени былъ позоромъ и поруганіемъ. Восшествіе на престолъ Петра II, которому отчасти содѣйствовалъ временщикъ, уже нѣсколько примиряло съ нимъ Голицыныхъ, которые ничего такъ страстно не желали, какъ воцаренія сына царевича Алексѣя. Преслѣдуя свою затаенную мысль, Меншиковъ избралъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго на должность гофмейстера при великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестрѣ юнаго императора, и кромѣ того предоставилъ ему еще роль помощника при Остерманѣ, въ качествѣ младшаго наставника государя. Сына же его, князя Ивана Долгорукаго, который былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Девьера и исключенъ изъ гвардіи,

*) *Михневичъ*. „Двѣ невѣсты Петра II-го". (Историческіе наброски 1900 г.).

Меншиковъ вновь вернулъ въ гвардію съ прежнимъ чиномъ и допустилъ его въ число приближенныхъ къ государю лицъ. Михаила Владиміровича Долгорукаго онъ посадилъ въ Сенатъ, а его братъ Василій былъ этимъ до того растроганъ, что писалъ Меншикову, называя его „отцомъ и благодѣтелемъ".

Такимъ образомъ, заручившись благорасположеніемъ всѣхъ этихъ лицъ, Меншикову оставалось уладить дѣло съ недоброжелателями, въ лицѣ представителей Голштинскаго дома. Но уже 19-го мая не стало нареченнаго жениха Елизаветы Петровны, скончавшагося отъ оспы; и воспользовавшись предлогомъ опасности заразы, ловкій временщикъ окружилъ герцога Голштинскаго, супруга Анны Петровны, а съ нимъ и Анну Петровну строжайшимъ карантиномъ, отъ котораго имъ пришлось такъ солоно, что къ концу іюля мѣсяца супруги рѣшили покинуть Россію. Этого только и нужно было Меншикову, который оказался даже весьма сговорчивымъ въ отношеніи политическихъ и денежныхъ дѣлъ супруговъ. Онъ обѣщалъ имъ, впредь до возстановленія наслѣдственныхъ правъ герцога въ Шлезвигѣ, согласно уговору съ Швеціей, выдавать Голштинской герцогской четѣ по 100,000 имперскихъ флориновъ въ годъ, а изъ милліона, обѣщаннаго царевнѣ, т. е. Аннѣ Петровнѣ, ей рѣшено было выдать немедленно 200,000 руб., остальныя же деньги въ теченіе 8 лѣтъ. Но при этомъ Меншиковъ потребовалъ изъ выданныхъ Аннѣ Петровнѣ 200,000—60,000 руб. себѣ, за коммиссію. Обладая громадными богатствами, этотъ человѣкъ былъ одновременно и страшно расточителенъ, и страшно алченъ, щедръ и жаденъ до того, что можно было только удивляться его жадности. Кромѣ этихъ 60,000, онъ потребовалъ еще 20,000 руб. отъ герцога, на что получилъ отъ послѣдняго письменное обязательство, которое подарилъ Бассевицу. Уладивъ такимъ образомъ всѣ эти дѣла, временщикъ имѣлъ удовольствіе присутствовать 25-го іюля 1727 г. при отбытіи Анны Петровны съ мужемъ и Бассевицемъ и всѣмъ своимъ штатомъ въ Киль, гдѣ годъ спустя родился будущій супругъ Екатерины II.

Успокоившись теперь и на этотъ счетъ, Меншиковъ поспѣшилъ избавиться еще отъ нѣсколькихъ, уже второстепенной важности лицъ, напр., Шафирова, котораго онъ отправилъ въ Архангельскъ, и Ягужинскаго, котораго отослалъ на Украйну.

Кабинетъ государя съ Макаровымъ во главѣ, стоявшій ему въ нѣкоторомъ родѣ поперекъ дороги, такъ какъ при Екатеринѣ это учрежденіе пріобрѣло нѣкоторую независимость, — Меншиковъ упразднилъ, какъ совершенно излишнее при малолѣтнемъ государѣ, Макарова же сдѣлалъ предсѣдателемъ или президентомъ коллегіи финансовъ, послѣ чего ловкій временщикъ почувствовалъ въ своихъ рукахъ такую власть, которая не знала ни границъ, ни предѣловъ.

II.

Въ первыхъ числахъ іюля желѣзное до сего времени здоровье Меншикова вдругъ пошатнулось. Онъ началъ харкать кровью, и всѣ думали, что его пѣсня спѣта. Самъ онъ видѣлъ близость конца, но смотрѣлъ неизбѣжному въ глаза съ той непоколебимой рѣшимостью, мужествомъ и гордостью сильной души, которыя и впослѣдствіи не измѣняли ему и при болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Онъ составилъ нѣчто въ родѣ завѣщанія или посмертной записки, на имя высоконареченнаго жениха своей дочери, и обращеніе къ Верховному Совѣту, поручая его заботамъ и попеченію свою семью. Но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль его сильная натура восторжествовала надъ болѣзнью, и онъ снова могъ вступить въ свою обычную роль полновластнаго рулевого у кормила государства. Однако, за эти нѣсколько недѣль и Верховный Совѣтъ, и юный императоръ научились обходиться безъ него. Верховный Совѣтъ, предоставленный самъ себѣ, вздумалъ снискать себѣ популярность цѣлымъ рядомъ либеральныхъ мѣропріятій въ родѣ уничтоженія позорныхъ столбовъ и кольевъ, на которые сажали головы казненныхъ преступниковъ, что являлось какъ бы предвѣстіемъ уничтоженія Преображенскаго приказа, который впослѣдствіи дѣйствительно былъ временно уничтоженъ въ царствованіе Петра II. Правда, извѣстный толчекъ въ этомъ направленіи былъ данъ самимъ Меншиковымъ, который на первомъ засѣданіи Верховнаго Совѣта, гдѣ предсѣдательствовалъ Петръ II, предложилъ государю возстановленіе гетманства въ Малороссіи, чтобы положилъ конецъ цѣлому ряду возмутительныхъ злоупотребленій и насилій, царившихъ въ этой несчастной странѣ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній ея гетманъ Полуботокъ былъ заключенъ Петромъ I въ тюрьму. Но во время болѣзни Меншикова Верховный Совѣтъ

зашелъ еще дальше въ этомъ направленіи: на другой день послѣ того, какъ временщикъ слегъ въ постель, указъ Верховнаго Совѣта освободилъ изъ Шлиссельбургскаго заточенія царицу Евдокію Лопухину, инокиню Елену, какъ ее называли съ 1718 года. Меншиковъ самъ отлично понималъ, что невозможно было содержать въ заточеніи родную бабку царствующаго государя, но боялся встрѣтиться съ нею лицомъ къ лицу и со дня на день откладывалъ эту встрѣчу.

Но въ сущности ужасы столь продолжительнаго заточенія, которому теперь былъ положенъ конецъ, были вовсе не такъ велики, какъ охотно разсказываютъ о томъ. Въ Ладожскомъ монастырѣ, гдѣ содержалась Евдокія, ей было предоставлено удобное помѣщеніе изъ нѣсколькихъ большихъ свѣтлыхъ горницъ; три монахини были приставлены къ ней для услугъ; на содержаніе ей отпускалось нѣсколько сотъ рублей въ годъ, что, по тогдашнимъ временамъ, было вовсе не мало. Позднѣе, уже въ царствованіе Екатерины, когда ее перевели въ Шлиссельбургъ, Меншиковъ посылалъ предписаніе за предписаніемъ офицерамъ и должнымъ лицамъ, на попеченіи которыхъ находилась царица-инокиня, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась, чтобы ее окружали подобающимъ ей почетомъ и уваженіемъ, хотя изъ переписки этой несчастной жертвы человѣческихъ страстей съ Остерманомъ видно, что эти предписанія далеко не всегда исполнялись.

Одновременно съ указомъ объ освобожденіи царицы Евдокіи изъ Шлиссельбургской крѣпости, Верховный Совѣтъ озаботился и объ уничтоженіи всѣхъ слѣдовъ ея печальнаго процесса и слѣдствія относительно ея дѣла съ Глѣбовымъ. Меншиковъ, оправившись отъ болѣзни, конечно, не могъ уже измѣнить эти распоряженія, или, вѣрнѣе, не счелъ возможнымъ это сдѣлать, тѣмъ не менѣе воспротивился пріѣзду Евдокіи въ Петербургъ подъ предлогомъ, что государь для коронованія вскорѣ поѣдетъ въ Москву, а потому вдовствующей царицѣ лучше ѣхать прямо туда и тамъ ожидать свиданія съ внукомъ. Петръ Алексѣевичъ ничего противъ этого не возразилъ, и дѣло оказалось улаженнымъ, но въ остальномъ молодой государь, за время болѣзни своего будущаго тестя, сильно измѣнился. Вырвавшись въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изъ подъ строгой опеки временщика, онъ сперва жался къ Остерману, менѣе рѣзкому и непреклонному, болѣе

хитрому и податливому, что, понятно, болѣе нравилось молодому Государю.

Но кромѣ Остермана явились еще и другія вліянія: конечно, общество Остермана было и поучительно, и пріятно, но общество Наталіи Алексѣевны было еще пріятнѣе, потому что она была весела, остроумна, мила и безпечна, ласкова и добра. Всѣ ея современники, какъ русскіе, такъ и иностранцы восхваляли не красоту, а неподражаемую привлекательность этой молодой дѣвушки, которая очаровывала положительно всѣхъ своимъ умомъ и обхожденіемъ. Она была скорѣе не красива, тѣмъ болѣе, что оспа сильно попортила ей лицо, вдобавокъ она была нѣсколько сутуловата, но будучи всего однимъ годомъ старше брата, она отличалась необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ, душой открытой для самыхъ возвышенныхъ чувствъ, и свѣтлымъ разумомъ, способнымъ воспринять всѣ хорошія и благородныя идеи. Она давала брату добрые совѣты, старалась пристрастить его еще больше къ наукамъ и упрашивая его избѣгать дурного общества, работать надъ своимъ развитіемъ, трудиться на пользу государства и т. п. Сохранилось даже сочиненіе молодого государя, въ которомъ онъ высокопарнымъ слогомъ старался изложить впечатлѣнія, выносимыя имъ изъ бесѣдъ съ сестрой, чувства нѣжной признательности къ ней, желаніе стать просвѣщеннымъ государемъ, истиннымъ благодѣтелемъ своего народа и т. д. Но,—увы! вмѣстѣ съ Наталіей Алексѣевной стала пріѣзжать въ Василеостровскій дворецъ и красавица Елизавета Петровна; она не говорила ни о трудѣ, ни о наукахъ, ни о высокихъ задачахъ и обязанностяхъ молодого государя;—она вся дышала весельемъ, разгуломъ, безшабашной молодостью и зажигательной физической красотой, манящей и вызывающей, сладострастной и разнузданной. Пышная, цвѣтущая, румяная, съ лебединою шеей, крутыми боками и высокой грудью, она такъ и напрашивалась на ласки и любовь. Отважная наѣздница и неутомимая любительница охоты, она съумѣла скоро пристрастить Петра Алексѣевича и къ тому, и къ другому, а о книгахъ и тетрадяхъ молодой государь теперь уже и слышать не хотѣлъ! Остерманъ не мѣшалъ, хотя и видѣлъ, къ чему клонится дѣло:—вѣдь, это была его давнишняя мысль, и вскорѣ его питомецъ оправдалъ всѣ ожиданія дальновиднаго политика. Юноша оказался чрезвы-

чайно скороспѣлымъ въ половомъ отношеніи и во время охотъ, на которыхъ онъ пропадалъ цѣлые дни съ Елизаветой и нѣкоторыми приближенными, менѣе охотился за звѣрями, чѣмъ за своей теткой. Но Остерманъ былъ человѣкъ непривычный въ любовныхъ дѣлахъ; юный же Петръ II въ это время былъ еще слишкомъ не смѣлъ, а Елизавета еще не достаточно опытна, а потому, возвращаясь съ охоты, Петръ вздыхалъ по тетушкѣ, сочинялъ плохіе мадригаллы въ честь ея, а съ наступленіемъ ночи отправлялся тайно, въ обществѣ Ивана Долгорукаго, за болѣе легкими наслажденіями, удовлетворяя тамъ пробуждаемыя въ немъ Елизаветой желанія. Такимъ путемъ этотъ необдуманно приставленный самимъ Меншиковымъ къ государю товарищъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе прочные шансы занять со временемъ мѣсто всесильнаго фаворита, тогда какъ сынъ Меншикова, молодой Александръ Меншиковъ, также приставленный къ Петру въ качествѣ товарища, давалъ поводы къ весьма неблагопріятнымъ слухамъ, а иностранные послы и уполномоченные начали замѣчать, что наряду, съ Андреевской лентой, этотъ молодой человѣкъ надѣвалъ и Екатерининскую, присвоенную исключительно только женщинамъ *).

А Марія Меншикова? Что же дѣлала она, невѣста государя? Она совершенно стояла въ сторонѣ отъ всей этой грязи, отъ этой распущенной, полной разврата жизни. Ея спокойная, строгая, полная благородства и достоинства, ея скромная, не вызывающая манера не нравились государю, опьяненному задорными заигрываніями Елизаветы, и онъ относился къ ней не только съ равнодушіемъ, но даже почти съ пренебреженіемъ. Онъ сравнивалъ ее съ холодной, мраморной статуей, и говорятъ, что Петръ Алексѣевичъ однажды, стоя на колѣняхъ, умолялъ сестру избавить его отъ невѣсты. Столь же гордая, какъ и скромная, Марія Меншикова считала недостойнымъ бороться противъ нерасположенія государя, которое съ такимъ усердіемъ возбуждали въ немъ всѣ его приближенные, какъ женщины, такъ и мужчины, одни изъ зависти и злорадства, другіе изъ иныхъ видовъ.

Когда Меншиковъ оправившись отъ болѣзни, снова появился на дворцовомъ горизонтѣ, то на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе

*) Долгоруковъ, Мемуары, томъ I, 11.

какого-то привидѣнія, нарушавшаго всеобщее веселое настроеніе,—безъ него всѣмъ было лучше, свободнѣе, вольнѣе. Его называли „Голіафомъ“, „Левіаѳаномъ“. Наталія Алексѣевна, обладавшая удивительной способностью подражать и мимировать, презабавно передразнивала въ его отсутствіи его манеры, жесты и движенія, вызывая всеобщій хохотъ. При его появленіи она обыкновенно спасалась черезъ окно. Отъ него вѣяло прежнимъ, старымъ деспотизмомъ, которымъ всѣ давно тяготились, и тогда только свободно вздохнули, когда избавились отъ него.

Меншиковъ думалъ, что слѣдуетъ прибавить строгости, чтобы воздѣйствовать противъ проявившагося вездѣ и повсюду духа своеволія и возмущенія, такъ что въ это время Лефортъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, 5-го Августа 1727 г. „Прежній деспотизмъ это просто малютка въ сравненіи съ тѣмъ, который теперь царитъ у насъ здѣсь“. Это вызвало непріятные конфликты между молодымъ государемъ и его опекуномъ. Общество Массоновъ г. Петербурга поднесло государю въ даръ 9,000 червонцеръ, и Петръ, не спросясь никого, отослалъ эти деньги Елизаветѣ, которая положительно пожирала цѣлые капиталы, тратя на свои прихоти и увеселенія такія деньги, какъ никто. Меншиковъ, встрѣтивъ посланца, отобралъ у него эти деньги, и такъ какъ въ денный моментъ государственная казна была пуста, то эта маленькая сумма оказалась тамъ вовсе не лишней. Узнавъ объ этомъ, Петръ вознегодовалъ и разгорячился—„Погоди, я тебѣ покажу, кто изъ насъ двухъ здѣсь царь!“—воскликнулъ онъ,—и уже это одно должно было послужить предупрежденіемъ старому временщику, но Меньшиковъ не обратилъ на это вниманія, а, быть можетъ, не видѣлъ другого средства упрочить вновь свою власть, какъ только подобными пріемами, къ которымъ онъ издавна привыкъ. Онъ умышленно сталъ всѣми средствами противиться склонности молодого государя къ его теткѣ, и когда государь однажды просилъ у старика 500 червонцевъ, Меншиковъ, строго глядя на него, спросилъ его: „На что тебѣ?“—„Они нужны мнѣ“!—отозвался Петръ Алексѣевичъ. Но Меншиковъ заподозрилъ, что эти деньги нужны были для той-же Елизаветы, и позволилъ себѣ отнять уже у нея эти деньги. Въ другихъ случаяхъ онъ прямо, сухо и рѣзко отказывалъ государю въ деньгахъ. Но то, что прежде давало силу его авторитету, давняя при-

вычка видѣть въ немъ нѣчто такое, безъ чего государство должно погибнуть, того, кѣмъ все держится и существуетъ и безъ кого все должно развалиться и пойти прахомъ, теперь рухнуло. Государство существовало и безъ него, во время его болѣзни все шло своимъ чередомъ, ничего особеннаго не случилось,—и даже всѣмъ дышалось легче и свободнѣе. Такъ почему-же, на какомъ основаніи желалъ онъ занимать въ общей жизни такое громадное мѣсто? Вся зависть, вся затаенная, скрытая злоба противъ всесильнаго временщика, притихшая и притаившаяся на время теперь опять, подняла голову; тѣ же Долгорукіе, которыхъ Меншиковъ возвелъ и приблизилъ къ государю, видѣли теперь въ особомъ фаворѣ одного изъ своихъ зарю новаго блеска для себя и снова начинали точить зубы на своего прежняго недруга. Видя, что надъ его головой собирается туча, Меншиковъ хотѣлъ было опереться на Голицыныхъ, и наскоро устроенный бракъ между его сыномъ и дочерью стараго фельдмаршала Михаила Михаиловича какъ будто нѣсколько успокоилъ его съ этой стороны, но дѣла его теперь уже были на столько плохи, что и это уже не могло помочь ему.

Въ сентябрѣ разразилась гроза. Меншиковъ только что отстроилъ церковь въ своемъ Ораніенбаумскомъ помѣстьѣ и предполагалъ торжественно отпраздновать освященіе этой церкви въ присутствіи государя, разсчитывая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстановить свои прежнія отношенія съ Петромъ Алексѣевичемъ и опровергнуть уже носившіеся и упорно-державшіеся слухи о взаимной холодности между ними. Государь дѣйствительно обѣщалъ быть на освященіи, но узнавъ, что Меншиковъ изъ присущаго ему упорства или по какимъ либо другимъ причинамъ не пригласилъ на освященіе Елизавету, въ послѣдній моментъ прислалъ сказать, что онъ не будетъ.

Торжество было отпраздновано съ полнымъ великолѣпіемъ: весь дворъ и вся знать присутствовали на освященіи, въ томъ числѣ и Голицынъ, и Головкинъ, и Шаховской, и Синявинъ.—Служилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Пушечные салюты гремѣли во все время обѣда; по выходѣ изъ-за стола кое кто поспѣшилъ въ Петергофъ, гдѣ находился въ это время государь, и донесъ, что во время служенія Меншиковъ позволилъ себѣ стоять на мѣстѣ, предназначенномъ для государя. На утро Волковъ совѣтовалъ

Меншикову отправиться къ государю и лично объясниться съ нимъ, что Меншиковъ и сдѣлалъ послѣ нѣкотораго колебанія. Но такъ какъ это былъ день Ангела Елизаветы, то изъ свойственнаго ему упорства онъ постарался прибыть довольно поздно вечеромъ и не могъ уже повидать въ этотъ день государя. Имѣя свое помѣщеніе въ Петергофскомъ дворцѣ, онъ переночевалъ тамъ, но когда по утру явился къ государю, то ему сказали, что Его Величество очень рано уѣхалъ на охоту. Это весьма походило на полный разрывъ. Тогда Меншиковъ отправился къ Наталіи Алексѣевнѣ, которая по своей всегдашней привычкѣ при его появленіи выскочила въ окно. Елизавета согласилась его принять, но онъ не съумѣлъ расположить ее къ себѣ какимъ нибудь ловкимъ придворнымъ пріемомъ, а только жаловался ей на государя и грозился все бросить и уѣхать къ войску на Украйну. Но это ничуть не устрашило Елизавету. Тогда онъ набросился на Остермана: „Ты знаешь, что тебя могутъ колесовать за то, что ты отклоняешь государя отъ правильной вѣры“.

— Колесовать будутъ скорѣе другихъ преступниковъ, напр., фальшивыхъ монетчиковъ!—сказалъ Остерманъ, глядя прямо въ глаза Меншикову.

Эти слова поразили временщика въ самое сердце;—относительно него давно уже носился подобный слухъ, и это очень мало безпокоило его, но чтобы такой осторожный и ловкій человѣкъ, какъ Остерманъ, осмѣливался повторить ему подобную вещь въ глаза, надо было, что его полная немилость у Государя была дѣломъ рѣшеннымъ и безповоротнымъ. Правда, Петръ все еще былъ мальчикъ, и Меншиковъ располагалъ всѣми военными силами страны. Весьма возможно, что какой-нибудь смѣлый шагъ могъ спасти его. Но недавняя болѣзнь лишила его обычной рѣшимости и энергіи, или же долгій опытъ его подсказалъ ему безполезность борьбы противъ такихъ случайностей, только онъ, ничего не предпринявъ, вернулся въ Петербургъ и тамъ ожидалъ своей участи. Въ этотъ день, вернувшись съ охоты, Петръ Алексѣевичъ появился всего на нѣсколько минутъ на балу въ честь Елизаветы Петровны и, вернувшись въ свои аппартаменты съ озабоченнымъ видомъ, приказалъ позвать къ себѣ Салтыкова, начальника дворцовыхъ карауловъ, которому приказалъ вывезти немедленно изъ Василеостровскаго дворца Менши-

кова его экипажи и всѣ лично ему, т. е. государю, принадлежащія вещи. Такимъ образомъ разрывъ становился полнымъ.

Теперь Меншиковъ заметался и сталъ хвататься, какъ утопающій, за соломенки, самъ не вѣря въ возможность удержаться на поверхности. Онъ отлично сознавалъ, что, попавъ въ немилость, потерялъ почву подъ ногами.

Правда, гвардія была вся въ распоряженіи старика, и по одному его слову пошла бы, куда онъ прикажетъ;—но все это было не то, ему нужно было имѣть маленькаго императора на своей сторонѣ, потому что этотъ 13-лѣтній мальчикъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всѣхъ. Но уже на другой день, т. е. 1-го Сентября, Петръ Алексѣевичъ, окончательно поселившись въ лѣтнемъ дворцѣ, предупредилъ гвардію и Верховный Совѣтъ, что отнынѣ они имѣютъ повиноваться только ему одному. Меншиковъ поспѣшилъ къ нему, но не былъ допущенъ, а на слѣдующій день Салтыковъ, явившись, чтобы снять почетный караулъ, стоявшій у дворца генералиссимуса, вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что онъ арестованъ. Съ Меншиковымъ сдѣлался ударъ; ему пустили кровь и только этимъ спасли ему жизнь. Его жена, невѣстка и сынъ подстерегли государя, когда онъ возвращался отъ обѣдни, и кинулись ему въ ноги, но тотъ прошелъ мимо нихъ, не сказавъ имъ ни слова. Тогда обѣ женщины обратились съ мольбой къ сопровождавшимъ государя Наталіи Алексѣевнѣ и Елизаветѣ, но тѣ удостоили ихъ лишь пренебрежительнымъ взглядомъ. Отвергнутая невѣста государя, ни въ чемъ неповинная Марія Меншикова, не участвовала въ этой сценѣ; она была слишкомъ горда и слишкомъ уважала себя, чтобы молить о милости и пощадѣ. Что же касается жены Меншикова, то она вполнѣ заслуживала лучшаго къ себѣ отношенія: это была всѣми уважаемая женщина, умная, сердечная, безупречная во всѣхъ отношеніяхъ, и эта несчастная цѣлый часъ валялась въ ногахъ у Остермана и ничего не добилась отъ него; онъ не соглашался замолвить ни одного слова за Меншикова предъ государемъ, не хотѣлъ ничѣмъ облегчить участь павшаго временщика. Когда Меншиковъ нѣсколько оправился послѣ удара, онъ написалъ государю письмо, въ которомъ говорилъ ему, что хотя онъ не знаетъ за собою никакой вины, но такъ какъ онъ тѣмъ не менѣе имѣлъ несчастье попасть въ немилость у своего государя,

то умоляетъ его о прощеніи и, изъ уваженія къ своимъ прежнимъ заслугамъ, проситъ снять съ него арестъ и позволить ему удалиться съ почетомъ. Кромѣ того, онъ написалъ еще и другое письмо, приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, къ Наталіи Алексѣевнѣ. Но оба эти письма остались безъ отвѣта.

Видно, счастью „Алексашки", какъ его звалъ Петръ, пришелъ конецъ. Грандіозное зданіе его счастья, удивлявшее свѣтъ своими необычайными размѣрами и удивительной прочностью, теперь рушилось, какъ карточный домикъ отъ прикосновенія капризнаго мальчика. 9-го сентября Петръ II подписалъ указъ, составленный Остерманомъ и ссылавшій Меншикова въ его помѣстье (нынче Раненбургъ) въ Рязанской губерніи. При этомъ павшій временщикъ лишался своихъ должностей, чиновъ и орденовъ и долженъ былъ подписать обязательство не поддерживать ни съ кѣмъ переписки. Одновременно съ этимъ было отправлено по церквамъ распоряженіе не поминать больше въ молитвахъ высоконареченной невѣсты государя. На другой день вся семья Меншикова покинула Петербургъ, правда, съ чисто царскимъ поѣздомъ, состоящимъ изъ четырехъ парадныхъ каретъ, запряженныхъ каждая 6-ю лошадьми, 150 берлиновъ, одиннадцати большихъ фурґоновъ и 147 человѣкъ прислуги. При дворѣ стали распространять слухи, что Меншиковъ пытался сдѣлать заемъ въ Пруссіи, желая замѣнить всю дворцовую стражу своими креатурами, что онъ обязался вернуть Пруссіи этотъ заемъ, когда сдѣлается императоромъ, — что онъ увѣрялъ, будто завѣщаніе Екатерины I, назначавшее наслѣдникомъ престола сына царевича Алексѣя, было подложное и что онъ самъ содѣйствовалъ подмѣнѣ этого завѣщанія и можетъ это во всякое время доказать. Но всѣ эти слухи не выходили изъ стѣнъ дворца, и врядъ ли въ нихъ была хоть іота правды.

Съ удаленіемъ Меншикова, казалось-бы, должны были замолкнуть и ненависть, и злоба его враговъ, но на дѣлѣ вышло наоборотъ: именно теперь, когда онъ уже былъ никому не страшенъ, всѣ эти люди дали полную волю своему мстительному чувству. Петръ II не безъ нѣкотораго сомнѣнія и страха рѣшился поднять руку на этого колосса, передъ которымъ онъ столько времени дрожалъ. Но, увидавъ его низвергнутымъ во прахъ, онъ, какъ всѣ мелкія, робкія души, почувствовалъ непреодолимое же-

ланіе доканать его, издѣваться и куражиться надъ нимъ, потому что теперь ему нечего было бояться его. Съ какимъ то неудержимымъ наслажденіемъ принялся онъ мстить старику теперь за всѣ тѣ мелочи, которыхъ было не мало, охотно поддаваясь злобнымъ наущеніямъ Елизаветы и Наталіи, которыя положительно рвали и метали на бывшаго временщика. Одинъ посланный за другимъ нагоняли опальныхъ все съ новыми и новыми предписаніями: въ Вышнемъ Волочкѣ получено было предписаніе разоружить слугъ Меншикова; въ Твери—отправить обратно въ Петербургъ тѣ экипажи и фургоны, которые будутъ признаны лишними для опальныхъ;—въ Клину—предписаніе отобрать у Маріи Меншиковой ея обручальное кольцо и заключить въ монастырь ея гофмейстерину тетку Варвару Арсеньеву. Наконецъ 3-го ноября, будучи принужденъ объѣхать стороною Москву, печальный караванъ прибылъ въ Раненбургъ. Такъ какъ дворецъ Меншикова въ Раненбургѣ находился въ оградѣ крѣпостной стѣны, что при данныхъ обстоятельствахъ превращало этотъ дворецъ въ тюрьму, то сторожа и стража была разставлена у всѣхъ входовъ и выходовъ дворца, Меншикову было воспрещено писать что либо, иначе какъ только въ присутствіи приставленнаго къ нему въ качествѣ тюремщика офицера *).

Меншиковъ героически переносилъ, заранѣе предвидя, все новые и новые удары, которые дѣйствительно рушились одинъ за другимъ на его голову. Остерманъ былъ неумолимъ, упорно настаивая на слѣдствіи надъ своимъ бывшимъ покровителемъ; 9-го ноября 1727 г. указомъ государя была предписана перепись имущества опальнаго. По слухамъ, носившимся въ то время въ Петербургѣ, только въ однихъ петербургскихъ дворцахъ Меншикова нашли свыше, чѣмъ на 200,000 руб. столоваго серебра. 8 милліоновъ червонцевъ чистой золотой монетой, 30 милліоновъ серебряной монетой, на 3 милліона брилліантовъ и другихъ драгоцѣнностей. Но Лефортъ, который передаетъ объ этомъ своему правительству, говоритъ, что считаетъ эти цифры мало вѣроятными. Благодаря перехваченному письму отыскали еще въ одномъ тайникѣ 70 пудовъ серебряной посуды, и все это было занесено въ обвинительные документы Меншикова **).

*) *Есиповъ*. Опала князя Меншикова. „Отеч. Зап." 1861 г.
**) *Лефортъ*. Депеша отъ 20 дек. 1727 г.—(Дрезденскій Архивъ).

17 ноября того же года, Верховный Совѣтъ получилъ отъ графа Николая Головина доказательства того, что Меншиковъ доставлялъ шведскому правительству свѣдѣнія, вредныя для интересовъ Россіи, и вотъ тогда то на голову Меншикова посыпались всѣ бѣды и напасти. Не было конца-края сыпавшимся на нее со всѣхъ сторонъ обвиненіямъ и доносамъ,—не было такихъ злоупотребленій, въ которыхъ бы его не обвиняли разные люди. Наконецъ, судебныя власти арестовали трехъ его секретарей, а ему самому послали допросъ, состоявшій изъ 120 пунктовъ, на каждый изъ которыхъ онъ долженъ былъ дать подробный письменный отвѣтъ.

Теперь у Меншикова оставалась еще послѣдняя надежда — воспользоваться той рознью, которая теперь уже стала проявляться среди его враговъ, обѣщая въ недалекомъ будущемъ разгорѣться въ непримиримую ненависть и вражду.

III.

Упрочивая съ каждымъ днемъ свое вліяніе на своего царственнаго воспитанника, Остерманъ въ свою очередь начиналъ возбуждать зависть и недоброжелательство къ себѣ; такъ какъ онъ имѣлъ на своей сторонѣ Наталію Алексѣевну, то Голицыны принялись заискивать у Елисаветы, не безъ основанія полагая, что въ концѣ концовъ побѣда должна остаться на ея сторонѣ. И дѣйствительно, освободившись отъ бдительнаго надзора Меншикова, молодой императоръ сталъ съ каждымъ днемъ все больше и больше уклоняться отъ прямого и разумнаго пути познаній и добродѣтели, на которомъ сестра его и Остерманъ всѣми силами старались теперь его удержать. Но это умѣлъ дѣлать „Голіафъ“, имъ же эти задачи оказались не подъ силу: разъ выпустивъ, поводья изъ рукъ, Остерманъ уже не могъ подобрать ихъ. Молодой государь подъ предлогомъ, что все его время поглощено государственными заботами, которыя теперь всею своею тяжестью якобы ложились на него, совершенно отказывался заниматься науками. Но Верховный Совѣтъ, въ которомъ онъ рѣшилъ всегда предсѣдательствовать лично, такъ ни разу и не видѣлъ его на своихъ засѣданіяхъ.

Въ декабрѣ 1727 года Лефортъ рисуетъ намъ времяпрепро-

вожденіе юнаго монарха въ слѣдующихъ словахъ: „У государя нѣтъ другихъ занятій и другого дѣла, какъ только бѣгать день и ночь по улицамъ съ царевной Елизаветой и сестрой, посѣщать Ивана Долгорукаго, разныхъ пажей, поваровъ и Богъ вѣсть еще кого... Кто-бы могъ подумать, что это Долгорукіе будутъ содѣйствовать развращенію молодого государя, внушая ему такія чувства, какихъ постыдился бы послѣдній русскій. Я, напримѣръ, знаю одно помѣщеніе позади билльярдной залы, гдѣ младшій воспитатель государя (т. е. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій) каждый вечеръ приготовляетъ молодому государю лакомыя новинки. Въ настоящее время онъ обихоживаетъ ту маленькую красотку, которая была у молодого Меншикова... Онъ предлагалъ за нее 50,000 рублей... раньше 7 утра эта компанія почти никогда не ложится... *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый характеръ Петра II начиналъ обрисовываться каждый день съ все менѣе и менѣе привлекательной стороны: онъ становился раздражительнымъ, капризнымъ, самовольнымъ, не принималъ никакихъ доводовъ и никакихъ резоновъ, ни въ чемъ не терпѣлъ себѣ противорѣчія и не желалъ стѣснять себя рѣшительно ничѣмъ. Въ день бракосочетанія Сапѣги съ Софіей Скавронской онъ вдругъ всталъ и вышелъ изъ-за стола во время свадебнаго ужина безъ всякой видимой къ тому причины. На сестру свою онъ дулся по цѣлымъ днямъ за малѣйшее неодобрительное замѣчаніе, которая она позволяла себѣ по его адресу. Кромѣ всего того, онъ начиналъ сильно пить. Совершенно безсильный сдѣлать что либо противъ всего этого, хитрый Остерманъ прибѣгнулъ къ своему, впослѣдствіи ставшему у него обычнымъ, средству притвориться больнымъ; у него оставалась теперь еще одна послѣдняя надежда на свиданіе своего царственнаго воспитанника съ его бабкой царицей Евдокіей, которая, конечно, постарается его образумить и наставить на добрый путь.

На другой день послѣ ареста Меншикова Петръ II подписалъ манифестъ о коронаціи, и всѣ приготовленія къ этому торжеству производились съ величайшей поспѣшностью, такъ что въ скоромъ времени предстояло свиданіе бабки и внука, и о вліяніи

*) Письмо отъ 20-го декабря 1727 г. (Дрезденскій Архивъ).

какое могла имѣть на государя старая царица, уже сейчасъ много говорилось среди приближенныхъ. Остерманъ писалъ ей письмо за письмомъ, умоляя повліять на государя; Долгорукіе всячески заискивали передъ ней и льстили, стараясь задобрить ее и заручиться ея благорасположеніемъ. Но и то, и другое было напрасно; посвятивъ себя всецѣло молитвамъ и постамъ, Инокиня Елена была далека отъ жизни и политики; она теперь жила ожиданіемъ той минуты, когда ей можно будетъ вновь испытать всю прелесть семейнаго счастья.

Въ моментъ отъѣзда государя въ Москву вліяніе Долгорукихъ какъ бы утратило свое значеніе. Дѣло въ томъ, что Елизаветѣ удалось приблизить къ Петру зятя Михаила Голицына, Александра Борисовича Бутурлина, ставшаго впослѣдствіи явнымъ возлюбленнымъ Елизаветы и, вѣроятно, уже въ это время бывшаго имъ тайно. Одновременно съ этимъ Елизавета старалась сблизиться съ Остерманомъ, который со свойственнымъ ему упорствомъ все еще не отказывался отъ мысли брака между племянникомъ и теткой. Долгорукіе же къ этому времени возымѣли на государя уже другіе виды и всячески старались теперь спихнуть Елизавету замужъ; съ этою цѣлью они снова стали подавать надежды Морицу Саксонскому; кромѣ того, по ихъ просьбѣ, испанскій посолъ старался устроить бракъ царевны съ инфантомъ Донъ-Карлосомъ.

9-го (20) января 1728 г. Петръ II со всѣмъ своимъ дворомъ отправился въ путь. Это было нѣчто въ родѣ великаго переселенія народовъ: люди всѣхъ чиновъ и званій слѣдовали за царскимъ поѣздомъ; все, что было знати или сколько нибудь состоятельнаго люда въ Петербургѣ, переселялось теперь въ Москву на время коронаціонныхъ празднествъ, такъ что распространился даже слухъ, будто государь навсегда покинулъ молодую столицу и Петербургъ положительно опустѣлъ. Въ Твери Петръ заболѣлъ краснухой и въ теченіе двухъ недѣль долженъ былъ пролежать въ постели. Царица Евдокія страшно тревожилась и положительно не могла дождаться минуты свиданія съ внукомъ „Я не знала даже, когда вы родились“, — писала она внучкѣ, Наталіи Алексѣевнѣ,—и вотъ теперь я снова боюсь, что никогда не увижу васъ“. А Остерману она писала такъ: „Злые люди не позволяли мнѣ взглянуть на него (Петра Алексѣевича) въ тече-

ніе столькихъ лѣтъ. Неужели Богъ, за грѣхи мои, откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи и теперь?“ Она просила разрѣшить ей поѣхать на встрѣчу внуку, и когда какая то задержка въ приготовленіяхъ къ въѣзду государя въ Москву заставила его задержаться еще на двѣ недѣли почти подъ самой Москвой, она стала еще больше настаивать на своемъ желаніи. Но нравственная испорченность и распущенность, какъ извѣстно, всегда убиваютъ лучшія нѣжныя чувства души, — и молодой Петръ II въ данномъ случаѣ проявилъ такую черствость, такое безсердечіе, что даже самые ревностные его защитники не могли найти ему оправданія. Онъ положительно отказался понять, что собственно отъ него хочетъ старуха.

Торжественный въѣздъ Государя въ Москву состоялся 4 февраля. Народъ встрѣтилъ его съ большимъ энтузіазмомъ, что не удивительно, такъ какъ Москва слишкомъ ненавидѣла Петра I-го, чтобы сынъ царевича Алексѣя не пользовался здѣсь популярностью. За то столь страстно желанная старой царицей встрѣча съ внуками обманула не только всѣ ея надежды, но и всѣ надежды Остермана. Внукъ и внучка ухитрились испортить всю радость свиданія, устроивъ его въ присутствіи Елизаветы, совершенно посторонней и даже непріятной для Евдокіи личности. Старой царицѣ было извѣстно, что Наталія Алексѣевна сторонница западныхъ идей и всякихъ новшествъ, ненавистныхъ ей, и потому молодая дѣвушка желала избѣжать этихъ вопросовъ. Петръ же Алексѣевичъ имѣлъ другія причины не желать свиданія съ бабкой глазъ на глазъ. Тѣмъ не менѣе дѣло не обошлось безъ нѣсколькихъ упрековъ и неодобрительныхъ замѣчаній по поводу его безпутной жизни и совѣта поскорѣе жениться хотя-бы на иностранкѣ. Петръ Алексѣевичъ ничего на это не отвѣтилъ и поспѣшилъ удалиться, а свой долгъ по отношенію къ бабкѣ счелъ исполненнымъ, окруживъ ее совершенно ненужными для бѣдной затворницы почестями, давъ ей цѣлый дворъ: гофмейстеровъ, камергеровъ и шталмейстеровъ, въ ряды которыхъ поспѣшили записаться представители высшей аристократіи и знати, напр., князья Лобановы, Лопухины, Хилковы и др.

Остерманъ увидѣлъ себя теперь болѣе, чѣмъ когда либо безсильнымъ; въ этой совершенно чуждой для него московской атмосферѣ Долгорукіе чувствовали себя совершенно дома, для нихъ

все здѣсь было родное, привычное, близкое; они были здѣсь, какъ рыбы въ водѣ, а Остерманъ какъ рыба на сушѣ. Ихъ вліяніе на юнаго императора возрастало и крѣпло здѣсь съ каждымъ днемъ. Свое особое благоволеніе къ Долгорукимъ Петръ проявилъ прежде всего тѣмъ, что назначилъ двоихъ изъ нихъ, Алексѣя Григорьевича и Василія Лукича, въ члены Верховнаго Совѣта, въ то же время Иванъ Долгорукій занялъ мѣсто Александра Александровича Меншикова, оберъ-камергера при особѣ его императорскаго величества, и этому-то родственному тріумвирату, казалось, суждено было теперь управлять государемъ. Они держали его въ своихъ рукахъ, потакая и даже умышленно развивая и поддерживая въ немъ всѣ его порочныя и позорныя склонности, цинично развращая его вкусы и стараясь смотрѣть на него, какъ на взрослаго и полноправнаго человѣка, тогда какъ Голицыны, сестра и даже сама Елизавета, не говоря уже объ Остерманѣ, обращались съ нимъ — какъ съ ребенкомъ, какъ съ мальчикомъ, что болѣзненно задѣвало самолюбіе государя. И это торжество Долгорукихъ повело только къ ухудшенію участи опальной семьи бывшаго всесильнаго временщика.

Коронація императора Петра II состоялась 24 февраля (5 марта) 1728 г., а нѣсколько дней спустя у Спасскихъ воротъ, въ Кремлѣ, было поднято подметное письмо безъ всякой подписи, содержащее горячее и искреннее слово въ защиту Меншикова и обвинявшее во многомъ Долгорукихъ и ихъ недостойное поведеніе. Это письмо по слухамъ сначала приписывали Голицынымъ, а впослѣдствіи, кажется, было доказано, что оно было написано однимъ изъ приближенныхъ, чуть-ли не духовникомъ царицы Евдокіи, подкупленнымъ будто-бы сестрою жены Меншикова, Ксеніей Колычевой, проживавшей въ Москвѣ. Такъ-ли этакъ-ли, но Долгорукіе обвинялись, и эта семья употребила все свое вліяніе, чтобы отомстить за это самыми жестокими мѣрами. Новый указъ Верховнаго Совѣта предписалъ конфискацію всего имущества бывшаго временщика, ссылку его въ Березовъ, въ Сибирь, съ женой и дѣтьми, и полное постриженіе Варвары Арсеньевой въ одномъ изъ дальнихъ монастырей. Дворцы и дома, безчисленныя земли и угодья Меншикова, его дворцы и дачи въ Ораніенбаумѣ, Ямбургѣ, Нарвѣ, Копорьѣ, его имѣнья въ 36-ти губерніяхъ въ Россіи и кромѣ того въ Эстляндіи и Малороссіи, все его драго-

цѣнное имущество и капиталы, — все было забрано и подѣлено между казной и торжествующими нынѣ новыми фаворитами.

16-го апрѣля 1728 г. два пристава явились объявить этотъ новый приказъ несчастной семьѣ и, посадивъ Меншикова и его семью въ простыя кибитки, увезли ихъ изъ Раненбурга. По дорогѣ ихъ нагналъ отрядъ солдатъ, которые подъ предлогомъ обыска отняли у несчастныхъ послѣдніе крохи имущества, которыя имъ удалось захватить съ собой. Меншикову оставили только то платье, какое было на немъ, отобраны были и перстни и часы, которые онъ обыкновенно носилъ на себѣ. Княгиня Дарья, жена Меншикова, была больна, когда пришелъ приказъ о ссылкѣ въ Сибирь; не смотря на то, и больную посадили въ кибитку и повезли. Солдаты отобрали также все, что могли, и у княгини и у ея дочерей. 10-го мая въ Услонѣ княгиня Дарья скончалась; ее наскоро похоронили, не позволивъ даже мужу оплакать ея могилу, на другой же день раннимъ утромъ Меншикова его двухъ дочерей и сына посадили на ветхую баржу и по Камѣ повезли въ Березовъ.

Какъ извѣстно, этотъ маленькій городишко, который въ то время едва ли заслуживалъ даже названія поселка, расположенъ на высокомъ крутомъ берегу Сосьвы, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она вливается въ Обь, въ 1,066 верстахъ отъ Тобольска. Меншиковъ съ семьей прибылъ сюда въ августѣ мѣсяцѣ 1728 г. и первое время содержался съ сыномъ и обѣими дочерьми въ мѣстной тюрьмѣ, но потомъ, по его просьбѣ, ему было разрѣшено построить себѣ избу. Онъ своими руками рубилъ лѣсъ, строгалъ и пилилъ доски и построилъ подлѣ избы еще маленькую церковку, которую изукрасилъ на счетъ сбереженій изъ отпускаемаго ему ежедневнаго пайка на продовольствіе, 10 р. въ сутки. Во всей этой невзгодѣ онъ никогда не жаловался, не роптал, былъ бодръ и силенъ духомъ, не выказывалъ ни только сожалѣнія или негодованія на свою судьбу или на несправедливость людскую, а даже казался какъ будто довольнымъ своею участью. На баржѣ, которая привезла его въ Березовъ, онъ спокойно занимался тѣмъ, что жарилъ на вертелѣ рыбу и мясо на ужинъ и обѣдъ своей семьѣ. Въ Тобольскѣ, когда враждебно настроенная къ нему, какъ къ опальному и ссыльному вельможѣ, толпа стала кидать въ него и его семью каменья, онъ смѣло высту-

пилъ впередъ и, заграждая своей богатырской фигурой дочерей, крикнулъ толпѣ совершенно спокойнымъ голосомъ: „кидайте только въ меня! пощадите женщинъ; онѣ ни въ чемъ не повинны“!

Онъ сожалѣлъ только о судьбѣ своихъ близкихъ, скорбѣлъ за нихъ душой, и горько упрекалъ себя въ томъ, что сдѣлалъ ихъ несчастными. Жертвы французской революціи умѣли умирать, а эта жертва русской автократіи умѣла пасть, что, быть можетъ, еще труднѣе. Съ такимъ достоинствомъ держать себя, съ такимъ гордымъ спокойствіемъ и стоицизмомъ переносить всѣ безпощадные удары судьбы, стать лучшимъ человѣкомъ среди этихъ невзгодъ, какъ мы это видимъ на Меншиковѣ,—рѣдко кто можетъ. Этотъ лихоимецъ, этотъ зазнавшійся надменный временщикъ и, быть можетъ, даже фальшивый монетчикъ—становится великъ и благороденъ въ своемъ паденіи. Говорятъ даже, что въ ссылкѣ Меншиковъ пополнѣлъ, поздоровѣлъ; изнѣженный и зябкій, постоянно кутавшійся въ соболя въ Петербургѣ, онъ здѣсь прекрасно свыкся съ морозами, цѣлые дни работалъ неутомимо на свѣжемъ воздухѣ, а по вечерамъ читалъ вслухъ своей семьѣ книги священнаго писанія и бесѣдовалъ съ своими дѣтьми. Но апоплексія подстерегала его, и когда съ нимъ случился второй ударъ, то въ Березовѣ не нашлось никого, кто бы во время могъ пустить ему кровь, и старикъ скончался на 57-момъ году своей жизни. Мѣсяцъ спустя за нимъ послѣдовала въ могилу и его любимѣйшая изъ всѣхъ дѣтей дочь, красавица Марія Александровна, бывшая невѣста государя. Горе его—видѣть, какъ эта его любимица чахла съ каждымъ днемъ на его глазахъ, въ этой новой тяжелой обстановкѣ, какъ говорятъ, преждевременно свело его въ могилу. Онъ никогда не могъ простить себѣ того, что по его винѣ она была такъ несчастна.

Есть преданіе, будто несчастная невѣста царя вступила здѣсь въ Березовѣ въ бракъ съ молодымъ княземъ Ѳеодоромъ Долгорукимъ, который, испросивъ позволеніе поѣхать въ чужіе края для изученія наукъ, будто-бы тайно послѣдовалъ за изгнанниками въ Сибирь, побуждаемый къ тому безпредѣльной любовью къ дочери павшаго временщика. Это преданіе подтвердилось тѣмъ, что въ 1825 г. въ Березовѣ отыскана была могила, которую сочли могилою Меншикова, и въ ней, кромѣ двухъ боль-

шихъ гробовъ, оказались еще два маленькихъ дѣтскихъ гробика. Полагали, что молодая княгиня Долгорукая скончалась въ родахъ, разрѣшившись двойней мертво-рожденныхъ младенцевъ, которыхъ и погребли вмѣстѣ съ нею *). Найдены были также матерьяльныя доказательства этого предполагаемаго брака Маріи Меншиковой съ Ѳеодоромъ Долгорукимъ: въ семьѣ одного мѣстнаго священника оказалась драгоцѣнная соболья шуба, крытая дорогимъ французскимъ бархатомъ, которую старикъ священникъ, совершавшій будто-бы этотъ бракъ, получилъ въ даръ отъ молодого супруга Маріи Александровны, кромѣ того, золотой медальонъ съ прядью волосъ молодой княгини, пожертвованный княземъ къ образу въ мѣстную церковь, послѣ смерти его супруги.

Все это, конечно, возможно, хотя никакихъ болѣе серьезныхъ доказательствъ этого преданія нѣтъ, а въ генеалогическихъ таблицахъ Долгорукихъ вовсе не упоминается о князѣ Ѳеодорѣ.

Остальные двое дѣтей Меншикова, сынъ и дочь, были впослѣдствіи возвращены изъ ссылки Бирономъ, но не изъ чувства справедливости или человѣколюбія, а потому только, что Лондонскій и Амстердамскій банки, въ которыхъ у Меншикова хранились довольно солидные капиталы, всего около 9 милліоновъ рублей,—отказывались выдать эти деньги кому-либо, кромѣ прямыхъ наслѣдниковъ ихъ довѣрителя, и это побудило Бирона заставить брата своего Густава жениться на дочери покойнаго Меншикова; сына его также вернули въ станицу, вернули ему чинъ поручика Преображенскаго полка; изъ суммъ, выданныхъ банками и принадлежавшихъ нѣкогда его отцу, 2 милліона руб. получила жена Густава Бирона, а остальные были подѣлены поровну: половина отобрана въ казну, другая возвращена сыну временщика вмѣстѣ съ титуломъ князя, котораго онъ былъ лишенъ при ссылкѣ. Густавъ Биронъ сдѣлалъ свою жену глубоко-несчастной, и въ 1737 г. она скончалась, не оставивъ дѣтей **).

---

*) *Шубинскій.* Наброски, 1895 г. стр. 129 и слѣдующія.

**) *Долгоруковъ,* Мемуары, 1, 287.

IV.

Тѣмъ временемъ Петръ II продолжалъ веселиться. Въ апрѣлѣ 1728 г. по случаю рожденія у герцогини Голштинской въ Кіевѣ сына, былъ данъ въ Москвѣ блестящій балъ, на которомъ Наталія Алексѣевна отсутствовала. Она объявила себя не совсѣмъ здоровой, но многимъ было извѣстно, что она провела этотъ вечеръ у герцогини Курляндской, которая дѣйствительно была нездорова, и это отсутствіе великой княжны подало поводъ къ разнымъ толкамъ. Увѣряли, что она ревновала брата къ Елизаветѣ, негодуя на послѣднюю за то, что та увлекала ея брата къ распутной жизни и растлѣвала его душу кровосмѣсными сношеніями, которыя ни для кого уже не были тайной и позорили молодого государя въ глазахъ представителей иностранныхъ державъ и своихъ подданныхъ. Елизавета же положительно превратилась въ вакханку. Петръ Алексѣевичъ довольно долго ожидалъ сестру и, наконецъ, открылъ балъ съ Елизаветой, но тотчасъ-же, видимо, недовольный и раздосадованный, удалился въ смежную съ большой залой гостиную, гдѣ сталъ пить со своими обычными собутыльниками. Елизавета осталась танцовать въ залѣ, и вдругъ государь замѣтилъ, что Ивана Долгорукова нѣтъ подлѣ него. Онъ всталъ изъ-за стола, и быстро вышелъ въ залъ, и лицо его замѣтно передернулось: Елизавета танцовала съ Иваномъ Долгорукимъ; вся красная, разгорѣвшаяся, опьяненная танцами и удовольствіемъ, съ затуманившимся взглядомъ и высоко вздымающеюся обнаженною грудью, царевна, казалось, забыла цѣлый міръ, предаваясь блаженству данной минуты. Говорили, что Остерманъ не препятствовалъ Елизаветѣ возбуждать ревность государя съ Иваномъ Долгорукимъ, потому что это вдвойнѣ входило въ его планы: съ одной стороны, онъ этимъ могъ повредить Долгорукимъ, возбудивъ противъ нихъ неудовольствіе и гнѣвъ государя, съ другой-же, это могло разжечь страсть послѣдняго къ Елизаветѣ и побудить его скорѣе рѣшиться на задуманный Остерманомъ бракъ съ нею.

Послѣ Пасхи государь отправился съ Елизаветой на охоту; Наталіи Алексѣевны не было съ ними, серьезно больная, со всѣми признаками быстро развивающейся чахотки, она уже не могла далѣе хоромъ сопровождать ихъ, сраженная горемъ отъ

сознанія, что братъ ея безповоротно гибнетъ и что она не въ силахъ спасти его изъ этого омута разврата и растлѣнія.

Верховному Совѣту и Генералитету предписано было сопровождать государя во всѣхъ его передвиженіяхъ, которыя должны были продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ. И вотъ караванъ въ 500 экипажей, не считая повозокъ и фургоновъ съ багажами, двигался изъ одного помѣстья въ другое, то ночуя въ лѣсу, то въ голой степи. Охотились на волковъ, на зайцевъ и на лисицъ съ англійскими гончими, на птицу съ соколами и ястребами. Брали и медвѣдей, но въ послѣднемъ случаѣ государь постоянно держался въ сторонѣ, а на звѣря шли его сильные рослые псари въ зеленыхъ кафтанахъ, малиновыхъ рубахахъ, подпоясанные золотыми поясами, въ плисовыхъ красныхъ шароварахъ и такого-же цвѣта шапочкахъ, лихо заломленныхъ на бекрень; они шли на звѣря съ ружьями или рогатинами, смотря по обстоятельствамъ; за охотами слѣдовали безконечные банкеты въ старомосковскомъ духѣ. Купцы и продавцы всякаго товара толпами слѣдовали за царскимъ поѣздомъ, располагаясь базаромъ по близости отъ царской стоянки,—и здѣсь снова оживали картины азіатскаго Востока, по желанію Долгорукихъ, которые надѣялись такимъ образомъ совершенно отбить у молодого государя охоту вернуться въ Петербургъ къ болѣе серьезной, дѣловитой и культурной жизни.

Дѣйствительно, Петру съ каждымъ днемъ все больше и больше нравилась эта кочевая жизнь, которая, повидимому, и Елизаветѣ пришлось по вкусу, тогда какъ Иванъ Долгорукій, болѣе изнѣженный, предпочитавшій болѣе утонченныя удовольствія, вскорѣ сталъ довольно часто отлучаться въ Москву, куда его тянули все новыя и новыя любовныя интрижки и приключенія. Такимъ образомъ тетушка и племянникъ предавались теперь совершенно безпрепятственно удовольствіямъ охоты, сельскимъ увеселеніямъ, бражничанью, безъ того уже опьяненные сладострастіемъ своей порочной связи. Въ концѣ мая,—смерть Анны Петровны даже не прервала этого безпрерывнаго праздника. Тѣло ея было привезено въ Петербургъ, но Петръ и не подумалъ поѣхать на похороны, а день именинъ императора, какъ всегда, былъ отпразднованъ великолѣпнымъ баломъ.

Въ іюлѣ набѣгъ татаръ на Малороссію потребовалъ отправки

туда цѣлаго корпуса войскъ, одновременно съ этимъ намъ грозила коалиція между Турціей и Швеціей, обращая вниманіе русскаго общества на плачевное состояніе нашего флота. Теперь уже не только Остерманъ, но и послы Императора Германскаго и Испанскаго короля стали упрашивать Петра II вернуться въ Петербургъ и заняться дѣлами государственными и общественными. Но Петръ ничего и слышать не хотѣлъ. Его страсть къ охотѣ съ наступленіемъ осени усиливалась, чему отчасти способствовала и новая сердечная склонность, хитро и ловко подготовленная Долгорукими. Въ „Горенкѣ", помѣстьѣ Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, куда какъ-бы случайно пришлось заѣхать во время своихъ кочевокъ и охотъ Петру, Елизавету ждала опасная соперница въ лицѣ старшей дочери хозяина дома, которая имѣла передъ Елизаветой преимущество новизны, почти не уступала ей по красотѣ, но отличалась большей утонченностью и мягкостью манеръ, болѣе почтительнымъ отношеніемъ къ государю и не столь явно безстыднымъ поведеніемъ. Едва только Иванъ Долгорукій пересталъ возбуждать ревность государя, какъ на его смѣну явился Бутурлинъ; царевна поминутно исчезала съ нимъ подъ всевозможными предлогами: то ей нужно было вернуться въ Москву навѣстить старую царевну, которая будто-бы заболѣла, то она дала обѣтъ сходить туда или сюда на богомолье и должна исполнить этотъ обѣтъ; и такихъ обѣтовъ было дано ею много; царевна ходила по монастырямъ, дѣлая по 30, 40 верстъ пѣшкомъ, вдвоемъ со своимъ новымъ возлюбленнымъ, въ сопровожденіи всего одной только прислужницы. Когда она, по возвращеніи съ такихъ богомолій, возвращалась къ своему племяннику, тотъ находилъ ее утомленной, вялой, вѣчно жалующейся на недостатокъ денегъ, въ чемъ, какъ говорятъ, Бутурлинъ былъ далеко не непричастенъ. Такъ же, какъ и у покойной ея родительницы, у царевны выпивалось неимовѣрное количество вина, и нерѣдко сама она являлась къ государю сильно навеселѣ, чтобы не сказать болѣе.

Изъ дочерей-же Долгорукаго ни одна не отталкивала государя подобнымъ поведеніемъ, а старшая изъ нихъ, тонкая и ловкая кокетка, ловко давала поводъ къ запретной близости, втайнѣ мечтая о царскомъ вѣнцѣ.

Въ ноябрѣ 1728 г. болѣзнь Наталіи Алексѣевны ухудшилась

до того, что на ея выздоровленіе не открывалось уже никакой надежды, и Петръ съ большой неохотой отправился отъ усладъ „Горенокъ“, чтобы присутствовать при ея кончинѣ. Съ нею исчезала послѣдняя надежда Остермана вернуть государя въ Петербургъ и заставить его заняться дѣлами. Старикъ Остерманъ даже заговорилъ объ отставкѣ, но ничего не дѣйствовало на молодого государя: ни прощанія его воспитателя, ни предсмертная просьба сестры, ни наставленія и урезониванія бабки. Едва похоронивъ сестру, онъ вернулся въ „Горенки“, гдѣ провелъ часть зимы по конецъ февраля, а въ мартѣ предпринялъ новый рядъ кочевокъ, подъ предлогомъ охоты, въ сопровожденіи Алексѣя Долгорукаго, его жены, сыновей и дочерей. Елизавета на этотъ разъ уже не была приглашена сопутствовать государю и осталась въ Москвѣ, гдѣ громко и явно начинали поговаривать о бракѣ государя съ Екатериной Долгорукой.

V.

У Алексѣя Долгорукаго было три дочери; старшей изъ нихъ Екатеринѣ было уже 18 лѣтъ. Высокая, стройная брюнетка, съ горделивой величественной осанкой, бойкимъ, рѣшительнымъ взглядомъ, нѣсколько надменнымъ подбородкомъ и губами, съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица и цѣлымъ лѣсомъ черныхъ, какъ смоль, волосъ, эта красотка, воспитанная въ Варшавѣ, въ домѣ своего дѣда, стараго князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, съ честью занимавшаго въ Варшавѣ высшій дипломатическій постъ, получила лучшее образованіе, чѣмъ младшія ея сестры, и, обладая большимъ природнымъ умомъ, она весьма ловко вела дѣла; роль очаровательницы по отношенію къ государю удавалась ей какъ нельзя лучше. Вездѣ и всюду Екатерина Долгорукая была подлѣ государя; она не пропускала ни одного случая позволить ему похитить у себя поцѣлуй, вслѣдствіе проиграннаго ею пари à discrétion, или же устроить незамѣтно подготовленную тайную встрѣчу наединѣ, гдѣ нибудь въ полумракѣ аллеи парка или рощи, гдѣ ихъ никто не могъ видѣть.

Въ маѣ мѣсяцѣ Остерманъ попробовалъ устроить подъ Москвой маневры, надѣясь привязать государя къ игрѣ въ солдатики, но Петръ рѣшительно заявилъ, что будетъ продолжать

охотиться и не вернется въ Москву раньше іюня, т. е. ко дню своихъ именинъ. Члены Верховнаго Совѣта, по примѣру государя, испросили также разрѣшеніе разъѣхаться по своимъ помѣстьямъ, и самъ Остерманъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Такимъ образомъ въ Россіи не оказалось въ это время никакого правительства. Царь вернулся въ Москву лишь 21-го іюня, и всѣ видѣли, что онъ всецѣло въ рукахъ Долгорукихъ, что подтвердилось еще и тѣмъ, что съ наступленіемъ осени государь собрался опять на охоты на неопредѣленное время. 200 штукъ борзыхъ, свыше 400 гончихъ сопровождали теперь государя; свита его все разросталась съ каждымъ годомъ. Въ короткое время было убито 4,000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ, 3 медвѣдя, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнчивый и капризный нравъ молодого государя сказался въ замѣтной пресыщенности удовольствіями охоты, временами даже полнаго равнодушія и разочарованія. Одинъ изъ иностранныхъ пословъ, поздравившихъ его съ удачною охотой, услышалъ, напримѣръ, отъ государя такой отвѣтъ: „Что, это шуточки— уложить трехъ медвѣдей; я-же постоянно вожу за собой 4 двуногихъ медвѣдей“! — при этомъ губы государя скривились въ злобную усмѣшку. Всѣ поняли, что онъ говорилъ объ Алексѣѣ Долгорукомъ и его дочеряхъ. Въ тотъ же вечеръ играли въ фанты, и когда выигравшему предоставлялось право поцѣловать прелестную Екатерину Долгорукую, и этимъ выигрывающимъ по ходу игры долженъ былъ стать Петръ, то онъ вдругъ всталъ и вышелъ изъ залы. Быть можетъ, онъ понялъ вдругъ всю хитрую игру Долгорукихъ, которымъ онъ пожертвовалъ Меншиковымъ, но при этомъ самъ ровно ничего не выигралъ, такъ какъ промѣнялъ одну опеку на другую, повидимому, даже худшую. Или же эти постоянные авансы со стороны молодой дѣвушки тревожили его, видимо, далеко не безосновательныя подозрѣнія, такъ какъ за послѣднее время кокетка положительно дѣлалась вызывающей въ своихъ ухаживаніяхъ за государемъ.

Дѣло къ томъ, что въ то время, когда еще ничего не позволяло предвидѣть блестящей будущности, которая теперь, казалось, была ей суждена, Екатерина Долгорукая позволила себѣ увлечься молодымъ графомъ Миллесимо, состоящемъ при Имперскомъ посольствѣ и находившимся въ довольно близкомъ родствѣ съ самимъ посланникомъ. Родители, повидимому, ничего не

имѣли противъ этой партіи, тѣмъ не менѣе отношенія молодыхъ людей приняли не совсѣмъ корректный характеръ: они устраивали тайныя свиданія у Голландскаго резидента, который покровительствовалъ ихъ роману, и, какъ говорятъ, ихъ шуры-муры зашли довольно далеко, если вѣрить Лефорту. По другимъ источникамъ, дѣло у нихъ даже дошло до обрученія, но когда виды семьи на дѣвушку стали несравненно выше, то молодого секретаря посольства живо отвадили, а дѣвушку выдали за жертву по легкомыслію. Но судя по всему тому, что извѣстно о характерѣ и пріемахъ Екатерины Долгорукой, скорѣе думается, что жертвою она стала весьма охотно и вполнѣ добровольно. Однако, въ Москвѣ объ этомъ ходили толки, и Петръ Алексѣевичъ узналъ объ этомъ романѣ, какъ и о причинахъ, вызвавшихъ разрывъ между молодыми людьми.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправляясь на дачу графа Вратислава, Миллесимо имѣлъ неосторожность дать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ по близости отъ дворца государя, вопреки строжайшему воспрещенію, изданному объ этомъ. На молодого человѣка накинулся патруль, его схватили и повели къ Алексѣю Долгорукому, при чемъ одинъ гренадеръ шагалъ впереди его, другой позади, подгоняя его кнутомъ. Принужденный сдѣлать такимъ образомъ болѣе 4-хъ верстъ пѣшкомъ по избитой, грязной и пыльной дорогѣ, изрытой глубокими колеями, да еще при такой оскорбительной обстановкѣ, несчастный молодой человѣкъ предсталъ не въ совсѣмъ авантажномъ видѣ передъ обергофмаршаломъ Высочайшаго Двора, въ каково должности состоялъ въ настоящее время Алексѣй Долгорукій.

Послѣдній сдѣлалъ видъ, будто не узналъ, кого ему привелъ патруль, и, не удостоивъ его даже взглядомъ, приказалъ увести, обѣщая испросить у государя его дальнѣйшихъ распряженій. Когда Миллесино настаивалъ, чтобы ему было дано удовлетвореніе за подобное съ нимъ обращеніе, оберъ-гофмаршалъ дерзко повернулъ ему спину и приказалъ солдатамъ увести его. Это происшествіе надѣлало очень много шума: весь дипломатическій корпусъ вступился за пострадавшаго, и Остерману съ большимъ трудомъ удалось уладить это дѣло, но Петръ все же узналъ о немъ какимъ-то образомъ.

Такимъ образомъ, когда Петръ вдругъ замѣтно охладѣлъ къ

той, которую уже громко называли будущей императрицей, то причину этого охлажденія не трудно было угадать. Но семья Долгорукихъ зашла слишкомъ далеко, чтобы теперь отступить назадъ. И вотъ, чтобы спасти себя во что бы то ни стало, ловко было подстроено свиданіе государя съ Екатериной съ глаза на глазъ,—и въ результатѣ Петръ вынужденъ былъ подтвердить то обѣщаніе, которое сорвалось у него въ моментъ любовнаго опьяненія въ чаду страсти. Когда онъ пришелъ, наконецъ въ себя, то понялъ, что его изловили, но было уже поздно, сдѣланнаго нельзя было воротить, и 22-го октября 1729 г., въ день его рожденія, которое праздновалось въ Тулѣ, Екатерина Долгорукая присутствовала на балу уже въ качествѣ невѣсты государя, а 19 ноября, собравъ въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, Верховный Совѣтъ и генералитетъ, Петръ оффиціально объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ съ дочерью Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, послѣ чего тотчасъ же было приступлено къ приготовленіямъ къ предстоящему бракосочетанію.

Но въ то время, какъ Долгорукіе разставляли свои западни, а Петръ II, забывъ свой санъ и долгъ, давался въ обманъ и шелъ на приманку, что дѣлалось за это время съ наслѣдіемъ Петра? Какъ уже было сказано выше, былъ моментъ, когда никакого правительства не существовало. Какъ же Россія обходилась тогда безъ правительства? Вотъ что мы постараемся разъяснить въ слѣдущей главѣ.

Глава V.

Олигархія и Анархія.—Верховники.

Наслѣдіе Меншикова.—Олигархическая партія.—Голицыны и Долгорукіе.—Раздѣлъ власти.—Поглощеніе Верховнымъ Совѣтомъ функцій остальныхъ государственныхъ учрежденій.—Верховный Совѣтъ и Сенатъ.—Отстраненіе Петра II. —Результаты.—Уничтоженіе Преображенскаго указа.—Пожаръ и Грабежъ.—Безплодныя попытки узаконенія.—Прекрасныя экономическія мѣры, предпринятыя по иниціативѣ Остермана.—Онъ одинъ представляетъ собою правительство.—Упадокъ арміи и флота.—Застой въ умственномъ и нравственномъ развитіи.—Религіозныя смуты.—Выжидательная политика.—Внѣшность спасена.—Договоръ съ Китаемъ.—Экспедиція Беринга.—Общій застой и ретроградныя тенденціи.—Взгляды современныхъ наблюдателей.— Противорѣчивыя мнѣнія.—Какимъ образомъ правленіе Петра II было популярно.—Олигархія, приведенная къ Анархіи или граничащая съ нею.—Временныя блага этого режима.—Причины, помогшія Россіи перенести все это.— Перспективы будущаго.

I.

Паденіе Меншикова было дѣломъ каприза государя и поддержавшей его придворной интриги; но ни Петръ II, ни его приближенные не были въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ политическаго наслѣдія „Голіафа“, или „Левіаѳана“, и оно досталось олигархической партіи, давно уже подстерегавшей добычу.

Повидимому, Голицыны занимали въ ней самое видное мѣсто. Князь Дмитрій Голицынъ однимъ изъ первыхъ вошелъ въ Верховный совѣтъ. Родившись въ 1663 г. (старшимъ сыномъ изъ четырехъ сыновей боярина Михаила Андреевича Голицына), онъ нѣсколько напоминалъ князя Василія Васильевича Голицына, возлюбленнаго правительницы Софіи, приходившагося ему двоюроднымъ братомъ, и подобно ему, могъ служить образцомъ того, чѣмъ могла бы стать русская цивилизація, помимо поспѣшной

реформы царя Петра. Это былъ типичный русскій аристократъ, родовитый бояринъ стараго типа. Уже не въ молодыхъ лѣтахъ застали его реформы Великаго Петра и, какъ человѣкъ, страстно приверженый къ старымъ семейнымъ традиціямъ, завѣтамъ предковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и обычаямъ своего народа, онъ не могъ сочувствовать прогрессивному движенію, которымъ увлекался государь. Несмотря на то, что онъ не соглашался разстаться съ древне-русскимъ боярскимъ костюмомъ, что онъ не позволялъ младшимъ своимъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ былъ фельдмаршалъ, а другой сенаторъ, садиться въ своемъ присутствіи безъ приглашенія, онъ имѣлъ въ своей подмосковной, „Архангельскомъ", библіотеку въ 6.000 томовъ съ сочиненіями Макіавели, Локка и Пуффендорфа, въ превосходномъ русскомъ переводѣ.

Но за исключеніемъ этой цѣнной библіотеки, во всемъ остальномъ его домъ въ „Архангельскомъ" былъ типичнымъ боярскимъ жилищемъ: просторныя деревянныя хоромы стояли въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ такого-же деревяннаго, изукрашеннаго рѣзьбою храма; хоромы состояли изъ трехъ просторныхъ свѣтлыхъ горницъ, или свѣтлицъ, и нѣсколькихъ свѣтелокъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Въ красномъ углу висѣли иконы въ золоченыхъ окладахъ; вдоль стѣнъ тянулись дубовыя скамьи, тамъ и сямъ у стѣны стояли поставцы съ драгоцѣнной домашней утварью; на сосноваго дерева, деревянныхъ кроватяхъ вздымались горы подушекъ въ кумачевыхъ или холстинныхъ наволочкахъ и такія же перины и пуховики; тутъ же въ пристройкѣ помѣщалась баня, а во дворѣ тянулись дворовыя строенія: кухни, людскія ледники, погреба, амбары, кладовушки и кладовки. Вездѣ и во всемъ царила большая простота. Въ громаднѣйшемъ паркѣ, прилегавшемъ къ дому, виднѣлись великолѣпнѣйшія оранжереи, неуступавшія по величинѣ самому дому, и въ нихъ сотни самыхъ рѣдкихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ растеній *).

Невзирая на то, что онъ не одобрялъ удаленія Евдокіи, процесса царевича Алексѣя и брата Петра съ Екатериной, и выражался объ этой послѣдней съ величайшимъ пренебреженіемъ, Дмитрій Михаиловичъ не только не подвергался ни заключенію

*) *Забѣлинъ.* Русская Старина. 1873 г. стр. 331.

ни опалѣ во время царствованія Петра Великаго, но всегда пользовался даже извѣстнымъ почетомъ и уваженіемъ со стороны государя. Царь нерѣдко заѣзжалъ къ нему побесѣдовать и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ, и терпѣливо дожидался, пока „Старикъ“ не кончитъ молиться, если ему случалось заставать его за молитвой, какъ это бывало не разъ. Убѣжденный аристократъ, Дмитрій Михаиловичъ видѣлъ идеалъ государственнаго строя въ шведской конституціи. Этотъ человѣкъ повидалъ не мало странъ; въ 1697 г. 35-и лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ Италію изучать науки; въ 1701 г. былъ посланникомъ въ Константинополѣ, затѣмъ въ 1708 управлялъ цѣлою Малороссіей, гдѣ особенно старался сгруппировать вокругъ себя лучшіе умы страны, лучшія силы страны и впослѣдствіи, вернувшись въ Петербургъ, продолжалъ поддерживать съ ними постоянныя сношенія. Онъ свободно владѣлъ нѣсколькими языками и тѣмъ не менѣе ненавидѣлъ всѣхъ нѣмцевъ. Очень властолюбивый и нетерпящій возраженій, онъ весьма походилъ на Ивана III и его грознаго внука по уму и характеру. Несомнѣнный другъ и сторонникъ прогресса, онъ тѣмъ не менѣе былъ заклятой врагъ всякихъ поспѣшныхъ „новшествъ“ и нововведеній и потому постоянно возмущался противъ той скороспѣлой революціи, какую Петръ хотѣлъ произвести насильственно въ нравахъ и обычаяхъ своего народа.

Нравы самого государя вовсе не внушали ему особаго уваженія.—„Такъ вотъ, чѣмъ онъ хочетъ замѣнить обычаи дѣдовъ“ говаривалъ старикъ,—ну, нечего сказать... есть за что похвалить!

Михаилъ, второй братъ Дмитрія Михайловича, побѣдитель Левенгаупта при Лѣснѣ, пользовался превосходнѣйшей репутаціей даже среди иностранцевъ: о немъ выражались, что во всякой странѣ, менѣе дикой, этотъ человѣкъ долженъ былъ-бы стать великимъ человѣкомъ.

Несмотря, однако, на то, что оба брата отличались дѣйствительно очень крупными достоинствами во многихъ отношеніяхъ, имъ обоимъ не хватало нѣкоторыхъ качествъ, необходимыхъ для государственныхъ людей,—а именно: мѣткости взгляда, извѣстной дальновидности, извѣстнаго рода опыта, энергіи, рѣшимости, а главное, имъ не доставало тѣхъ мелкихъ качествъ, которыя дѣлаютъ изъ человѣка „придворнаго“.

Въ послѣднемъ отношеніи Долгорукіе имѣли много очковъ впередъ. Василій Лукичъ, любезнѣйшій и пріятнѣйшій изъ русскихъ, какъ о немъ выражался Бассевицъ, началъ свою дипломатическую карьеру при дворѣ Людовика XIV-го, и пребываніе его въ теченіи 13 лѣтъ среди утонченнаго двора „Короля Солнца", конечно, не пропало для него даромъ. Въ это время почти на его глазахъ совершилась англійская революція 1688 г. и крайній деспотизмъ, къ которому привело царствованіе Людовика XIV, также оставилъ на немъ глубокое впечатлѣніе.

Съ этого же времени, т. е. со времени его пребыванія въ Парижѣ, завязались у него сношенія съ іезуитами, которыя онъ поддерживалъ и по возвращеніи въ Россію. Въ Варшавѣ онъ съумѣлъ захватить роль повѣреннаго Меншикова по курляндскимъ дѣламъ, а въ Митавѣ успѣлъ заручиться благорасположеніемъ „Толстой Нанъ" которая весьма цѣнила тонкость его обращенія и изящество его манеръ. Изъ всего этого видно, что онъ не лишенъ былъ извѣстной гибкости, столь необходимой для настоящаго придворнаго.

Его двоюродные братья, Алексѣй, Сергѣй и Иванъ Григорьевичъ, почти не получили никаго образованія и хотя отъ природы не были лишены ума, все же были сильно привязаны къ старинѣ и по своему образу мыслей были закоренѣлыми ретроградами, при чемъ первое мѣсто среди своихъ заботъ и стремленій они отводили интересамъ своей семьи, своего рода, заключавшимся главнымъ образомъ въ стараніи „войти въ милость у государя". Еще одинъ Долгорукій, Михаилъ Владиміровичъ, держался особо со своимъ братомъ Василіемъ Владиміровичемъ, который будучи бравымъ воякой, хорошо обдѣлалъ свои дѣлишки на берегахъ Каспійскаго моря и отличался грубою откровенностью, которою онъ, видимо, щеголялъ.

Такимъ образомъ родъ Долгорукихъ, повидимому, дѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей, тѣмъ не менѣе въ особо важныхъ случаяхъ всѣ они соединялись въ интересахъ своего рода.

А когда того требовали обстоятельства, они сходились также и съ Голицыными, чтобы раздѣлить съ ними власть Верховнаго Совѣта, по отношенію внутренней политики страны; внѣшняя же политика, повидимому, должна была сосредоточиться въ рукахъ Василія Лукича, но тотъ вскорѣ принужденъ былъ сознаться,

что совершенно не въ состояніи разобраться въ этой массѣ разнообразныхъ и весьма сложныхъ взаимныхъ отношеній и тонкихъ дипломатическихъ комбинацій, такъ что эта забота какъ бы само собой перешла къ единственному способному справиться съ этою задачей человѣку—Остерману, который уже въ февралѣ 1728 г. былъ зачисленъ въ число Верховниковъ, какъ обыкновенно называли для краткости членовъ Верховнаго Совѣта.

Начавшееся уже при Екатеринѣ I-ой постепенное поглощеніе Верховнымъ Совѣтомъ нѣкоторыхъ административныхъ функцій отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій, между которыми теперь только номинально распредѣлялась власть, теперь пошло еще быстрѣе. Верховный Совѣтъ постепенно стиралъ съ лица земли то Канцелярію Земельныхъ Имуществъ, то Преображенскій Приказъ, Военную Коллегію и Адмиралтейство, конечно, не посмѣли уничтожить, но и ихъ, еще при жизни императрицы стоявшихъ совершенно независимо, подчинили теперь Верховному Совѣту тотчасъ же по удаленіи Меншикова. Даже въ законодательномъ отношеніи Сенатъ былъ лишенъ почти всякихъ правъ, что видно уже изъ того, что даже вопросъ о Гетманѣ Малороссіи былъ рѣшенъ помимо Сената.

Но обездоленный Сенатъ вскорѣ пріобрѣлъ вновь часть своего утраченнаго значенія, хотя не благодаря какой либо новой государственной реформѣ, а случайно, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ. По мѣрѣ того, какъ онъ пересталъ возбуждать зависть Верховнаго Совѣта, а этотъ послѣдній начиналъ входить во вкусъ управленія дѣлами высшей политики, многое стало казаться ему слишкомъ ничтожнымъ, не стоющимъ ихъ вниманія,—и вотъ тогда-то, при уничтоженіи Преображенскаго Указа, всѣ дѣла административно-полицейской власти, перешли въ руки Сената.

Между тѣмъ номинальный двигатель всей этой машины стоялъ въ сторонѣ, совершенно не причастный къ тому, что дѣлалось. Появившись всего разъ или два на засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта и проявивъ свою власть только противъ Меншикова, Петръ II совершенно стушевался, исчезъ, такъ сказать, въ вихрѣ развлеченій и увлеченій и вскорѣ, какъ правитель и глава государства, какъ бы совершенно пересталъ су-

ществовать. Первоначально Остерманъ и Алексѣй Долгорукій должны были служить посредниками между государемъ и Верховниками, но вскорѣ эти передаточныя нити оказались ненужными: Остерманъ всецѣло ушелъ въ свои внѣшнія дѣла, въ которыхъ государь ничего не понималъ, да и не старался понимать, а члены Верховнаго Совѣта, слишкомъ поглощенные своими личными дѣлами, вовсе не интересовались внѣшней политикой, на которую они давно уже махнули рукой. Долгорукіе отдались тѣломъ и душой интересамъ своего рода и окунулись съ головою въ придворныя интриги, изъ-за которыхъ они ничего не видѣли. Благодаря такимъ обстоятельствамъ ни Остерманъ, ни Долгорукій не показывались на засѣданіяхъ Совѣта, который вслѣдствіе ихъ отсутствія чувствовалъ себя какъ-бы выбитымъ изъ колеи.

II.

Уничтоженіе Преображенскаго Указа вызвало по началу большую радость, но вскорѣ всѣмъ стало ясно, что въ сущности уничтожено только одно ненавистное названіе; тюрьмы по прежнему переполнялись, доносчики дѣйствовали по прежнему, напр., въ 1728 г. 18 человѣкъ жителей г. Смоленска были обвинены въ томъ, что приняли католичество; ихъ вернули въ лоно православной церкви такими средствами, отъ которыхъ не отреклись-бы и самые кровожадные заплечные мастера Преображенскаго Указа: кнутъ и топоръ дѣйствовали такъ же исправно, какъ раньше. Настоящей же власти въ государствѣ, можно сказать, вовсе не существовало; это видно изъ того, что когда въ апрѣлѣ 1729 г. въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ случился пожаръ, прислали гвардейцевъ тушить его. И что же они дѣлали?— Обрушивались на дома, рушили ихъ безъ надобности и безъ толку и грабили какъ послѣдніе разбойники: ворвавшись въ дома, которые вовсе не горѣли, они взламывали шкафы, сундуки, лари и похищали все, что находили, если же владѣльцы вступались за свое добро, то солдаты грозились уложить ихъ на мѣстѣ тѣми же топорами, которыми они взломали у нихъ двери и окна. Офицеры и начальство, видѣвшее все это, не имѣли смѣлости призвать солдатъ къ порядку. Только, когда Петръ Алексѣевичъ прибылъ на пожарище, удалось кое какъ водворить по-

рядокъ, но Иванъ Долгорукій, какъ капитанъ гвардейцевъ, воспротивился тому, чтобы кто изъ разбойниковъ былъ наказанъ, хотя сгорѣло 120 домовъ, а всѣ остальные были разграблены.

Вооруженный грабежъ принималъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры на всемъ пространствѣ имперіи; разбойники нападали даже на усадьбы и жгли цѣлыя деревни, и все это проходило безнаказаннымъ, потому что власти бездѣйствовали. Не будучи въ силахъ заставить уважать существующіе законы, Верховный Совѣтъ вздумалъ тѣмъ не менѣе издавать новые законы. Такъ какъ русскій сводъ законовъ ничѣмъ не обогатился въ царствованіи Екатерины, то кому-то вдругъ взбрело на умъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ созванъ земскій соборъ для выработки новыхъ законовъ, и это возвращеніе къ стародавнимъ обычаямъ пришлось по вкусу Верховникамъ. Но попытка ихъ вышла очень жалкая, всѣ лучшіе люди были уже на службѣ, а тѣ отбросы, которыхъ могли прислать въ Москву, были совершенно неспособны ни къ какой серьезной работѣ, такъ что изъ изъ всей этой затѣи не вышло ровно ничего.

Коммиссія по пересмотру торговыхъ законовъ дала несравненно лучшіе результаты; осуществленъ былъ рядъ разумныхъ мѣръ, значительно увеличившихъ доходы казны, и сдѣланы многія другія полезныя реформы въ этой области. Но Верховный Совѣтъ былъ здѣсь рѣшительно не при чемъ, такъ какъ съ 1728 года все правительство заключалось въ одномъ Остерманѣ, который постепенно вынужденъ былъ замѣнять собою всѣ департаменты, всѣ коллегіи и всѣхъ своихъ сотоварищей по Верховному Совѣту. Несмотря на то, что онъ хотѣлъ ни во что вмѣшиваться, кромѣ внѣшней политики, ему волей не волей навязывали и все остальное, такъ какъ никто не хотѣлъ и неумѣлъ ничего дѣлать. И если онъ отказывался, то вся государственная машина должна была стать; даже когда онъ отлучался хотя бы на короткое время, всѣ дѣла пріостанавливались, и всѣ правительственные органы переставали дѣйствовать.

Долгое время онъ упорно отказывался принять на себя заботу объ арміи и флотѣ,—и въ результатѣ и армія, и флотъ пришли въ полный упадокъ. Военная Коллегія, оставшись безъ президента, послѣ удаленія Меншикова, осталась, такъ сказать,

безъ рукъ и безъ головы, такъ какъ ея президентъ былъ здѣсь все. Стали поговаривать о новой коммиссіи для того, чтобы помочь горю и воспрепятствовать полной дезорганизаціи въ войска, которая уже теперь начинала повсюду замѣчаться, но не нашлось никого, кто бы собралъ эту коммиссію. Флотъ буквально таялъ съ каждымъ днемъ; суммы, ассигнованныя на постройку судовъ, расходовались на придворныя охоты и другія увеселенія, верфи пустовали или вмѣсто судовъ строили какія-то баржи или галеры.

Что касается умственнаго развитія страны, то легко можно себѣ представить, какіе громадные успѣхи могло дѣлать это развитіе, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась въ это время Россія. Кто-то продолжалъ начатое Петромъ Великимъ картографическое дѣло, но и оно двигалось медленно и вяло, потому что никто не интересовался имъ. Академія Наукъ потому только не погибла совершенно, что не погнушалась смѣшной роли; въ ней слагались вирши въ честь государя и устраивались торжественныя засѣданія во дни его тезоименитства. Единственная въ столицѣ типографія обслуживала одновременно и Академію Наукъ, и Синодъ. Впрочемъ, Академія не заваливала станки работой и отчасти была права, такъ такъ всѣ издаваемые труды цензуровались святѣйшимъ Синодомъ, а Петра I не было уже въ живыхъ, для того чтобы умѣрять непомѣрное усердіе святыхъ отцовъ.

Впрочемъ, въ это время въ самомъ духовенствѣ, представитель новыхъ вѣяній и новыхъ идей, Феофанъ Прокоповичъ принужденъ былъ бороться противъ Григорія Дашкова, епископа Ростовскаго, мечтавшаго о возстановленіи патріаршей властью, причемъ, вѣроятно, онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы патріарха избрали въ его епископіи. Еще въ царствованіи Екатерины I Феофана Прокоповича явно обзывали еретикомъ, обвиняя въ томъ, что онъ проповѣдуетъ ученіе Арія, мало того, по доносу какого то монаха, ему даже пришлось имѣть дѣло съ Преображенскимъ приказомъ. Теперь онъ находилъ себѣ поддержку въ Остерманѣ, который, какъ человѣкъ умный, не могъ не оцѣнить великаго, выдающагося ума этого человѣка, но торжество аристократической партіи съ ретроградными тенденціями создало ему множество враговъ. Энергичный и не глупый

Дашковъ поднялъ противъ него цѣлый рядъ обвиненій; въ 1727 г. по приказу Верховнаго Совѣта былъ изданъ „Камень Вѣры", въ которомъ Яворскій изложилъ всѣ основы своего безпощаднаго православія и всю свою злобу и личное недоброжелательство къ передовому епископу, т. е. къ Феофану Прокоповичу. Въ то же самое время аббатъ Жюбе, вывезенный княгиней Ириной Долгорукой, рожденой Голицыной, избравшей его воспитателемъ своихъ дѣтей, устроилъ цѣлую пропаганду католицизма въ самыхъ нѣдрахъ Москвы. Сама княгиня Долгорукая подъ его вліяніемъ приняла католичество, въ бытность свою заграницей, и вообще въ семьѣ Голицыныхъ сохранялась постоянная склонность къ католицизму. Находясь подъ ея покровительствомъ, аббатъ Жюбе встрѣчался въ подмосковной князя Голицына съ епископомъ Тверскимъ Лопатинскимъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о сліяніи двухъ церквей восточной и западной. *)

Такимъ образомъ и въ средѣ духовенства были смуты и раздѣленіе, ненависть, вражда и интриги

Внѣшнія дѣла также обстояли не вполнѣ благополучно. Миръ, подписанный Турціей съ персидскимъ узурпаторомъ Эшрефомъ грозилъ большой бѣдой Россіи со стороны ея прикаспійскихъ владѣній, и хотя Порта предложила свои услуги въ дѣлѣ примиренія съ Эшрефомъ, тѣмъ не менѣе изъ этого ничего не вышло, и вскорѣ Неплюевъ изъ Константинополя далъ знать русскому правительству, что Турція собирается напасть на наши недавнія пріобрѣтенія въ Персіи. Резидентъ Императора Германскаго предложилъ было свое посредничество, но Порта наотрѣзъ заявила, что приметъ только посредничество Франціи, а Неплюевъ увѣрялъ, что въ такомъ случаѣ лучше предпочесть войну. Русское правительство не возражало: онъ не получилъ на это свое донесеніе рѣшительно никакого отвѣта. При всемъ своемъ умѣ и ловкости, Остерману въ данное время не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только стараться протянуть время, стараясь такимъ манеромъ спасти фасадъ зданія. Не имѣя ни флота, ни войска, Россія же должна была сохранить за собой роль и положеніе первостепенной Европейской Державы, а

*) *Толстой*. Католицизмъ въ Россіи, въ 1863 г. I, 165 и *Филаретъ*. Церковная исторія 1848 г. стр. 77.

ето было не такъ то легко, да еще при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась эта страна.

Не имѣя возможности чѣмъ либо заявить о себѣ въ Европѣ, Россія съумѣла вознаградить себя за то на другомъ концѣ огромнаго пространства политической сферы, раскрытой ей Петромъ Великимъ и позволявшей широко развернуться предпріимчивости, честолюбію и дѣятельности его преемниковъ. 20-го Августа русскій посолъ въ Китаѣ заключилъ съ Небесной Имперіей вѣчный договоръ о неприкосновенности и безпрепятственности и торговыхъ сношеній между этими двумя государствами; дальнѣйшій же прогрессъ и развитіе этого договора мы продолжали видѣть вплоть до послѣдняго времени.

Почти одновременно съ этимъ немаловажнымъ для Россіи событіемъ, Берингъ открылъ знаменитый проливъ, окрещенный его именемъ. Какъ по своему замыслу, такъ и потому, кто ей положилъ начало, эта экспедиція была дѣломъ Великаго Петра и являлась, такъ сказать, его наслѣдіемъ; экспедиція покинула Петербургъ въ январѣ 1725 г. и весной 1726 г. прибыла въ Якутскъ, а въ январѣ 1727 въ Охотскъ, послѣ немалыхъ лишеній и затрудненій. Отсюда путешественники отправились водою на Камчатку, гдѣ снарядили себѣ судно и узнали отъ туземцевъ объ одномъ путешественникѣ, заѣзжавшемъ сюда въ 1648 г. моремъ. Такимъ образомъ былъ выясненъ вопросъ о существованіи Пролива. Изслѣдованіе американскаго берега Берингу пришлось отложить до слѣдующаго лѣта.

Хотя въ главѣ этой экспедиціи стоялъ Датчанинъ, тѣмъ не менѣе она была Русская, безъ чего въ исторіи той эпохи не было бы рѣшительно ничего русскаго.

III.

Конечно, такіе успѣхи не могли искупить всеобщаго ретроградного направленія, преобладавшаго въ царствованіе Петра II. Уже одно пребываніе правительственнаго центра въ Москвѣ грозило цѣлости и будущему великаго наслѣдія Петра Великаго, основы котораго были заложены на берегахъ Невы. Въ 1728 г. на углахъ улицъ древней столицы были расклеены извѣщенія, что всякій, кто осмѣлиться говорить о возвращеніи двора въ

Петербургъ, будетъ бить кнутомъ нещадно *). Изъ пассивной опозиція реформамъ Петра, находившая себѣ выраженіе въ общемъ бѣгствѣ крестьянъ „въ мать тихую пустыню“, т. е. въ глубь глухой провинціи, и въ возвращеніи прежнихъ бояръ къ воспоминаніямъ прошлаго, становились мало по малу активной. Но, вставъ во главѣ этого ретроградного движенія, родословные люди, т. е. старая знать, оказались не въ состояніи не только осуществить, но даже формулировать какую бы то ни было программу. Пошла все таже старая исторія, борьба разрозненныхъ партій, какія то туманныя формулы на подобіе призраковъ носились въ воздухѣ безъ всякихъ прочныхъ основаній.

Вотъ что говорятъ о современномъ положеніи Россіи иностранные резиденты:

„Когда видишь, какимъ образомъ управляется это государство,—пишетъ Саксонецъ Лефортъ,—то начинаешь думать, что царствованіе дѣда былъ сонъ, или что происходящее теперь есть сонъ. Человѣческій разумъ не можетъ постичь, какъ такая громадная машина можетъ устоять безъ поддержки и труда. Каждый здѣсь старается сбросить съ себя бремя государственныхъ заботъ; никто не хочетъ ничего взять на себя и таитъ даже свои мысли про себя. Россію въ настоящее время можно сравнить съ судномъ, гонимымъ бурей, кормчій и экипажъ котораго перепились или спятъ крѣпкимъ сномъ. Громада эта носится по волнамъ мелкихъ личныхъ интересовъ и честолюбій, ничуть не не соображаясь съ тѣмъ, что ждетъ ее въ будущемъ, а этотъ экипажъ какъ будто только того и ждетъ, что разразившаяся буря разбила судно а они могли растаскать по клочкамъ его богатый грузъ“.

„Все идетъ скверно, такъ скверно, что хуже трудно быть. Императоръ ничѣмъ рѣшительно не занимается и даже не интересуется“,—пишетъ испанскій посолъ Лиріа,—и одинъ Богъ знаетъ, что изъ всего этого выйдетъ и съ финансами страны. Каждый грабитъ и воруетъ, сколько хочетъ и сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта больны, и потому этотъ Верховный Совѣтъ, душа современнаго русскаго правительства, теперь вовсе не собирается. Всѣ низшія учрежденія также пріостано-

---

*) *Лефортъ* 4-го марта 1728, Дрезденскій Архивъ.

вили свою дѣятельность; жалобы сыплются безъ конца, но никто ихъ не принимаетъ, и всѣ онѣ остаются безъ послѣдствій. Каждый дѣлаетъ только то, что ему вздумается, и никто, никто не думаетъ помочь этому горю, кромѣ одного барона Остермана, который не въ состояніи все сдѣлать одинъ. Мнѣ кажется, что почва здѣсь вполнѣ созрѣла для революціи". *)

Но пусть эти иностранцы не справедливы, пусть они слишкомъ сгущаютъ краски; послушаемъ, что говоритъ туземецъ, одинъ казакъ, пріѣзжавшій въ это время въ Москву по дѣлу, которое ему прекрасно удалось устроить. Слѣдовательно, у этого человѣка не было причины все бранить и клеветать на Москву и ея правительство; мы находимъ въ его запискахъ интересныя подробности объ условіяхъ современной жизни въ Москвѣ. Авторъ этихъ записокъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ Китай-городѣ, одномъ изъ лучшихъ кварталовъ старой Москвы, состоящее изъ 3 домовъ, склада, ледника,—и все это за 3 р. въ мѣсяцъ; далѣе онъ купилъ себѣ парчи или сукна на кунтушъ по 60 к. за аршинъ, купилъ цѣлый бѣличій мѣхъ за 2 р. 60 к. и восемнадцать паръ соболей за 140 руб. Изъ съѣдобныхъ предметовъ, какъ какъ видно изъ дневника, его владѣлецъ покупалъ икру за 5 к. фунтъ,—а двухъ лососей и 10 стерлядей пріобрѣлъ за 3 руб., но за то за 1 ф. чая онъ платилъ 5 руб., а за 1 ф. кофе 60 к. Кромѣ этого, пріѣзжій пріобрѣлъ себѣ еще нѣсколько книгъ польскаго изданія напр., Speculum Saxonum и Политику Аристотеля за 7 руб. 10 к., русскій синопсисъ и два календаря за 1 р. Въ лавкѣ нѣмца Морица, онъ купилъ барометръ за 1 руб. Затѣмъ онъ посѣтилъ царскаго лекаря, т. е. лейбмедика Бидло, который приписалъ ему какой-то цекотъ и потребовалъ за то 4 червонца вознагражденія.

Дѣла его состояли прежде всего въ томъ, чтобы вывести изъ бѣды отца полковника, командовавшаго полкомъ и вызвавшаго своимъ поведеніемъ сильное недовольство и многочисленныя жалобы. Это, конечно, не легко было устроить. Прежде всего пріѣзжій обратился за содѣйствіемъ къ архіепископу Феофану Прокоповичу и игуменьѣ Олимпіадѣ Коковской, приходившимися ему земляками, но отъ нихъ немногаго добился, такъ какъ

*) Лиріа—15 ноября 1728, „Восемнадцатый вѣкъ"—II, 111.

дѣло это отъ нихъ не зависило. Несравненно большую услугу оказалъ ему секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, послѣ того, какъ соблаговолилъ выиграть у просителя извѣстную сумму въ карты, а затѣмъ принять сверхъ этой суммы другіе 30 червонцевъ за хлопоты по его дѣлу. Но особенно хорошо, можно сказать, прямо чудесно, подѣйствовали другіе 40 червонцевъ, врученныхъ секретарю Верховнаго Совѣта. Благодаря этимъ повсемѣстнымъ даваяніямъ, или смазкамъ, дѣло такъ хорошо уладилось, что обвиняемый въ различныхъ преступленіяхъ и впавшій въ немилость полковникъ сдѣланъ былъ главнымъ Казначеемъ Украйны. *)

Изъ этого маленькаго эпизода не трудно вывести заключеніе о томъ, что называлось правительствомъ, и какъ велись дѣла при этихъ сторонникахъ стараго режима, въ царствованіе Петра II-го.

Однако, нашлись историки, въ томъ числѣ и Соловьевъ, которые увѣряли, что выше приведенные иностранцы были лишь поверхностными наблюдателями событій, происходившихъ тогда въ Россіи, что они судили по впечатлѣніямъ придворной жизни, что въ сущности въ царствованіе Петра народу жилось прекрасно. Эти иностранцы не „ходили въ народъ", какъ говорятъ современные славянофилы. Но если дворъ, переселенный изъ Петербурга, имѣлъ основаніе жаловаться на олигархическое правительство, то народъ, увѣряютъ они, имѣлъ полное основаніе быть имъ довольнымъ: народъ не поставлялъ рекрутовъ, потому-что въ солдатахъ не было надобности, не платилъ подушныхъ и др. податей, потому что новой администраціи нѣкогда было собирать ихъ или распорядиться сборомъ ихъ въ опредѣленное время; кромѣ того, у нея было меньше расходовъ, такъ какъ ничего не предпринималось, и даже то, что существовало, приходило въ упадокъ и не поддерживалось, а потому, естественно, и денегъ расходовалось меньше, чѣмъ при Петрѣ I-мъ. Въ силу всего этого, нельзя, конечно, спорить, что правительственные порядки при Петрѣ II-мъ имѣли своихъ сторонниковъ, особенно то время, когда въ сущности не стало совершенно никакого правительства, и это не удивительно: темный народъ и народ-

*) Яковъ Марковичъ—(журналъ за 1717—1767 г.) 1895 II, 207.

ная масса въ громадномъ своемъ большинствѣ почти вездѣ— тотъ же ребенокъ, и самый простой способъ, хотя и не вполнѣ похвальный и честный, удовлетворитъ его,—это не требовать отъ него никакихъ усилій, не налагать на него никакой узды, предоставлять ему дѣлать, что онъ хочетъ, и поступать, какъ ему вздумается, давъ полную волю его природной лѣни и небрежности. Правда, за все это ему впослѣдствіи придется поплатиться и все зло этого попущенія онъ долженъ будетъ почувствовать потомъ на своей шкурѣ,—но въ то время, пока онъ еще не видитъ результатовъ, онъ будетъ чувствовать себя совершенно довольнымъ и счастливымъ. Такое-то довольство и создавали народу Верховники. Никто ничего не дѣлалъ и ни отъ кого ничего не требовалъ.

Но это было возможно, пока денегъ еще хватало на свои личные расходы, государственныхъ же расходовъ почти вовсе не существовало въ это время; механизмъ, который не дѣйствуетъ конечно, ничего не потребляетъ и въ смазкѣ не нуждается. Въ этомъ отношеніи олигархія почти граничила съ анархій въ полномъ смыслѣ этого слова. Организмы низшихъ существъ несравненно легче переносятъ утрату извѣстныхъ жизненныхъ элементовъ и даже извѣстныхъ органовъ, отсутствіе которыхъ для существъ, стоящихъ на высшей степени развитія, является причиной смерти.

Въ этомъ-то и заключался секретъ той загадки, которая такъ озадачивала иностранцевъ, жившихъ въ Россіи съ 1727 по 1729 г. —секретъ того, какъ могло уцѣлѣть государство, которое было лишено самыхъ существенныхъ жизненныхъ органовъ, которое не имѣло ни сердца, ни души, ни желудка. Оно существовало и продолжало еще существовать, но это не могло долго продолжаться. Хотя вся страна и не успѣла еще въ достаточной мѣрѣ усвоить себѣ и сродниться съ тѣми новыми элементами цивилизованной общественной и политической жизни, которые привилъ ей Петръ I, для того, чтобы теперь уже не имѣть возможности обходиться безъ нихъ нѣкоторое время, тѣмъ не менѣе государство не могло болѣе или менѣе продолжительное время существовать совершенно въ пустую, въ какомъ-то туманномъ пространствѣ, а такъ такъ полное возвращеніе къ старымъ укладамъ теперь уже оказалось неосуществимымъ, то всему госу-

дарству грозила неминуемая гибель, если бы только другая катастрофа, которой никто никто не предвидѣлъ, не случилась какъ разъ во время, чтобы спасти наслѣдіе Великаго Петра отъ полнаго распаденія и гибели.

Глава VI.

Неожиданная трагедія. Екатерина Долгорукая.

Обрученіе Петра II съ Екатериной Долгорукой.—Въ Лефортовскомъ дворцѣ.—Недобрыя предзнаменованія.—Нежелательная встрѣча.—Графъ Миллессимо.—Рѣчь Василія Долгорукаго.—Свадебные проекты Ивана Алексѣевича.—Отказъ Елизаветы.—Наталія Шереметева.—Еще обрученіе.—Загадочное поведеніе Государя.—Тайное свиданіе съ Остерманомъ и Елизаветой.—Ужасъ и ссора Долгорукихъ.—Болѣзнь Государя.—Смертельная опасность.—Составленіе завѣщанія.—Рука Государя.—Препятствіе.—Роль гвардіи.—Беременность Екатерины.—Послѣдняя попытка.—Евдокія.—Остерманъ насторожѣ.—Безсиліе фаворита.—Смерть Петра II.

I.

Обрученіе Петра II съ Екатериною Долгорукой состоялось 30-го ноября; семья невѣсты сильно спѣшила обрученіемъ. Торжество было отпраздновано въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ обыкновенно жилъ государь во время своихъ кратковременныхъ заѣздовъ въ Москву. На немъ присутствовала Елизавета Петровна, а также герцогиня Мекленбургская со своей дочерью, которой суждено было на одно мгновеніе стать Правительницей Россіи подъ именемъ Анны Леопольдовны. Даже старая царица бабка, Евдокія, согласилась покинуть свое уединеніе, чтобы присутствовать на обрученіи внука. Она казалась на этотъ разъ очень довольной, почти счастливой тѣмъ, что наконецъ ея завѣтное желаніе исполнится, да еще именно такъ, какъ она того желала,— т. е. согласно древнему русскому обычаю, требовавшему, чтобы государь избиралъ себѣ жену непремѣнно изъ своего народа. Члены верховнаго совѣта и весь генералитетъ, иностранные дипломаты и вся высшая московская знать присутствовали тутъ же. Невѣста государя, именуемая уже императорскимъ высочествомъ, жила со своими родными въ Головинскомъ дворцѣ. Братъ

ея Иванъ Долгорукій привезъ ее во дворецъ государя вмѣстѣ съ матерью и двумя младшими сестрами, въ золотой, парадной каретѣ, сопровождаемой придворными чинами, гофъ-фурьерами, и конными гренадерами. Гайдуки и скороходы бѣжали впереди; длинный рядъ экипажей тянулся за каретой царской невѣсты. 1,200 человѣкъ конныхъ солдатъ конвоировали поѣздъ,—предосторожность быть можетъ не лишняя, такъ какъ Долгорукіе всегда были ненавистны всему дворянству, а теперь, т. е. въ послѣднее время возбудили къ себѣ еще большую зависть и ненависть своей непомѣрной заносчивостью и чванливостью. Но народъ видѣлъ въ этомъ бракѣ залогъ того, что государь останется вѣренъ „матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной", и, какъ царица Евдокія, радовался этому браку. При въѣздѣ въ ворота дворца, императорская корона, украшавшая верхъ золотой кареты, гдѣ сидѣла нареченная невѣста, вдругъ почему-то сорвалась и съ страшнымъ шумомъ скатилась на землю, по другимъ источникамъ, императорскій двухглавый орелъ, украшавшій тріумфальную арку, при въѣздѣ, сорвавшись съ арки, упалъ на землю *). Это было сочтено за дурное предзнаменованіе, но Екатерину Долгорукую оно, повидимому, не смутило; подъ руку съ братомъ, она вошла гордая, сіяющая и самодовольная во дворецъ государя, который вскорѣ долженъ былъ стать и ея дворцомъ.

Въ одной изъ залъ на богатомъ персидскомъ коврѣ стоялъ аналой, накрытый золотой парчей, на которомъ лежалъ крестъ и два золотыхъ блюдца, съ приготовленными на нихъ обручальными кольцами. По лѣвую сторону отъ аналоя были приготовлены два кресла для царицы Евдокіи и для невѣсты государя, и студья для принцессъ Мекленбургскихъ и Елизаветы. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ взглянула на эти стулья дочь Петра Великаго! По правую руку было приготовлено кресло для государя!

Феофанъ Прокоповичъ совершилъ обычный въ этихъ случаяхъ обрядъ, два генерала держали надъ обручающимися балдахинъ изъ серебряной парчи, богато изукрашенный кистями и бахромами и вышитый золотомъ; затѣмъ пушечные выстрѣлы возвѣ-

---

*) *Карабановъ*, мемуары и анекдоты, Русская старина, 1876, III, стр. 689.

стили, что теперь могутъ начаться поздравленія и цѣлованіе руки. Елизавета одна изъ первыхъ должна была поцѣловать руку Екатеринѣ Долгорукой!

Графъ Миллесимо подошелъ также въ свою очередь къ рукѣ царской невѣсты; лэди Рондо, въ своемъ знаменитомъ письмѣ объ обрученіи Петра II, конечно, нѣсколько исказила факты, сопровождавшіе этотъ маленькій инцидентъ съ молодымъ графомъ, но вотъ какъ она передаетъ его въ своемъ письмѣ: „На недовольный и досадливый жестъ государя, которымъ онъ будто бы отстранилъ руку своей невѣсты, которую онъ держалъ въ своей, отъ наклонившагося къ ея рукѣ графа Миллесимо, Екатерина рѣзкимъ жестомъ выхватила руку изъ руки государя и поднесла ее къ губамъ графа". Это несомнѣнно невѣрно, такъ какъ по этикету того времени государь не могъ держать руки своей невѣсты въ то время, какъ происходило цѣлованіе руки. Тѣмъ не менѣе при этой церемоніи произошелъ подобнаго рода инцидентъ; это подтверждаютъ и другіе свидѣтели, только, вѣроятно, нѣсколько иначе. Весьма возможно, что въ этотъ торжественный въ ея жизни моментъ молодая дѣвушка не въ состояніи была совладать и совершенно скрыть овладѣвшее ею естественное волненіе при свиданіи съ молодымъ графомъ, а государь, никогда не дававшій себѣ труда сдерживаться, позволилъ себѣ какую-нибудь рѣзкость. Достовѣрно только то, что произошло что-то, вынудившее друзей Миллесимо тотчасъ-же увезти и скрыть его, а спустя нѣсколько дней помочь ему навсегда покинуть Россію.

Между тѣмъ Екатеринѣ Долгорукой предстояло новое испытаніе. Василій Владиміровичъ Долгорукій, ея дядя, человѣкъ, отличавшійся особенной откровенностью и прямодушіемъ, пожелалъ обратиться къ ней съ рѣчью. Носился слухъ, что онъ не одобряетъ брака государя съ его племянницей и не предсказывалъ ничего хорошаго въ будущемъ для своего рода. Въ рѣчи своей онъ высказался такъ: „Вчера еще я былъ твой дядя, теперь ты стала моей государыней, а я—твоимъ вѣрнымъ слугой. Тѣмъ не менѣе я хочу въ послѣдній разъ воспользоваться моими вчерашними правами и дать тебѣ добрый совѣтъ: не смотри на того, женой котораго ты вскорѣ должна стать, какъ только на мужа, но и какъ на твоего господина и государя, и

думай только о томъ, чтобы угождать ему. Твой родъ великъ, но благодаря Богу онъ ни въ чемъ не нуждается, а потому, если бы кто изъ его членовъ вздумалъ испрашивать у тебя милости, то ты должна пренебрегать узами родства и помнить, что только добродѣтель и заслуги достойны вознагражденія. И это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить тебѣ то счастье, котораго я тебѣ отъ души желаю".

Будущая царица ничего не отвѣтила на эту рѣчь и вслѣдствіе-ли смущенія, вызваннаго въ ея душѣ появленіемъ графа Миллесимо, или вслѣдствіе неудовольствія по поводу рѣзкаго поведенія государя, высоконареченная невѣста весь вечеръ была, видимо, не въ духѣ. Петръ II съ своей стороны тоже былъ угрюмъ и озабоченъ: онъ не только не былъ предупредителенъ и внимателенъ къ своей невѣстѣ, а, напротивъ, видимо, избѣгалъ ея общества. Среди всѣхъ этихъ смущенныхъ, озабоченныхъ и недовольныхъ лицъ—сіяла радостью и довольствомъ одна только старая царица Евдокія. Въ честь обрученія былъ данъ блестящій балъ и фейерверкъ, но ужина не было, и повидимому всѣ были рады, что все это торжество поскорѣе окончилось. Невѣста возвратилась въ Головинскій дворецъ съ тѣмъ-же парадомъ, съ какимъ привезена была въ Лефортовскій дворецъ, и, повидимому, совершенно забыла разумный совѣтъ своего дяди. На слѣдующій день графъ Вратиславъ, австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ, писалъ въ Вѣну, испрашивая у императора для Ивана Долгорукаго, брата невѣсты,—титулъ князя римской имперіи и герцогство Кассель, обѣщанные Меншикову, и одновременно съ этимъ распространился слухъ, что Иванъ Долгорукій будетъ назначенъ генералъ-адмираломъ, тогда какъ отецъ его назначался генералиссимусомъ; Василій Лукичъ—статсъ-секретаремъ, Сергѣй Григорьевичъ—оберъ-шталмейстеромъ, а сестра его, бывшая замужемъ за Салтыковымъ, — гофмейстериной при будущей императрицѣ.

Теперь Иванъ Долгорукій какъ будто собирался остепениться и, слѣдуя примѣру государя, вздумалъ тоже жениться. Это былъ удивительный типъ человѣка, какой можно и въ настоящее время еще встрѣтить только въ Россіи: какая-то необработанная, непосредственная натура, въ которой самыя лучшія и благородныя качества сталкиваются и борются съ самыми дикими не-

обузданными страстями, съ самыми низкими инстинктами. Развратный и развратитель, этотъ молодой человѣкъ способенъ былъ къ искреннему раскаянію, которые, будь болѣе продолжительнымъ, могло бы имѣть весьма благотворное вліяніе на Петра II. Разсказываютъ, что однажды, заставъ государя надъ смертнымъ приговоромъ, который тотъ собирался подписать, молодой фаворитъ быстро нагнулся и больно укусилъ ухо государя. Петръ вскрикнулъ отъ боли и вскочилъ на ноги.—„Суди-же, государь,—сказалъ ему тогда Долгорукій,—что долженъ будетъ почувствовать тотъ, кому будутъ голову рубить“, и это заставило государя отказаться подписать приговоръ. Обаяніе, какое этотъ человѣкъ имѣлъ на всѣхъ, не смотря на свои пороки и свой порою бѣшеный нравъ, то вліяніе, какое онъ во всякое время имѣлъ на государя, быть можетъ, объяснялось именно этими удивительными контрастами въ его характерѣ и той всегдашней искренностью и непосредственностью его натуры, которыя проявлялись у него во всемъ. Во время одной тяжкой болѣзни, которую перенесъ Иванъ Долгорукій, въ іюлѣ 1728 г. Петръ II нѣсколько ночей къ ряду проспалъ на полу у его кровати *).

И вотъ теперь Долгорукій затѣялъ стать нужнымъ человѣкомъ и на этотъ разъ серьезно принялся ухаживать за Елизаветой. Но дочь Петра Великаго возмутилась этой смѣлостью: она, царевна, никогда не возьметъ себѣ въ мужья своего подданнаго! Впрочемъ, къ этому времени она уже приняла рѣшеніе отвергать всѣ предложенія такого рода, потому что вошла во вкусъ вполнѣ независимой жизни, въ которой она до безконечности разнообразила свои наслажденія, переходя съ одного на другого, такъ что въ это время уже перестали даже считать ея избранниковъ: до того ихъ было много и до того они часто мѣнялись.

Въ половинѣ зимы Елизавета вдругъ уѣхала въ деревню, явно пренебрегая всесильной семьей Долгорукихъ и смѣло и холодно относясь къ самому царю. Но Иванъ Долгорукій не хотѣлъ успокоиться: ему во что бы то ни стало нужна была жена, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль чуть не весь дипломатическій корпусъ

*) *Лефортъ*—26 іюня 1728 г. Дрезденскій архивъ.

былъ озабоченъ пріисканіемъ ему невѣсты; ему предлагали то дочь Ягужинскаго, то дочь Мюниха, то дочь Остермана. Наконецъ, стало извѣстно, что молодой фаворитъ остановилъ свой выборъ на богатѣйшей наслѣдницѣ въ государствѣ и на красивѣйшей изъ дѣвушекъ, на дочери Бориса Шереметева, Наталіи Борисовнѣ, прелестной, милой дѣвушкѣ, дочери сподвижника Петра. Обрученіе ихъ состоялось 14-го Декабря 1729 г. въ присутствіи государя, съ большимъ торжествомъ и невѣроятной роскошью. Обручальное кольцо жениха было оцѣнено въ 12,000 р., а кольцо невѣсты въ 6,000 руб. Рѣшено было отпраздновать бракосочетаніе фаворита въ одинъ день съ бракосочетаніемъ государя съ его сестрой, а въ ожиданіи этого великаго событія балы и пиры почти безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ— Москва переполнялась пріѣзжими; дворянство со всѣхъ концовъ Россіи спѣшило въ Бѣлокаменную со своими семьями и дочерьми. Люди не помнили такого времени, когда бы въ Москвѣ все такъ кипѣло жизнью, веселіемъ и оживленіемъ.

II.

Между тѣмъ Петръ II становился со дня на день болѣе хмурымъ, мрачнымъ и недовольнымъ. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше принималъ въ кругу близкихъ видъ птицы, пойманной въ ловушку или силокъ, что, повидимому, такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Памятуя поговорку, что „слово царево измѣнчиво", Долгорукіе желали бы поспѣшить бракомъ и старались сдѣлать для для этого все, отъ нихъ зависящее. Къ несчастію, на дворѣ стоялъ постъ, кромѣ того, и другія обстоятельства заставляли отложить бракосочетаніе Государя съ Екатериной Алексѣевной до 19-го Января. Верховный Совѣтъ ассигновалъ на расходы по бракосочетанію государя 50,000 руб. и надо было не мало времени, чтобы истратить такую уйму денегъ. Между тѣмъ семьѣ Долгорукихъ пришлось пережить не мало серьезныхъ волненій и перепуга. Въ ночь на первое января государь, безъ вѣдома Ивана Долгорукаго, вдругъ совершенно неожиданно для всѣхъ, покинулъ свой дворецъ и посѣтилъ Остермана, у котораго въ это время находились еще двое изъ членовъ Верховнаго

Совѣта. Остерманъ все еще выдавалъ себя за больного и уже болѣе 10 дней не выходилъ изъ дома, что уже само по себѣ могло внушать опасеніе тѣмъ, которые знали хитраго нѣмца: онъ или замышлялъ что-либо, или уже предвидѣлъ какую-нибудь катастрофу, которой желалъ избѣжать, оставаясь совершенно въ сторонѣ. Мало того, вскорѣ Долгорукимъ стало извѣстно, что государь тайно видался съ Елизаветой, которая ему горько жаловалась на Долгорукихъ: захвативъ все въ свои загребистыя лапы, и власть, и капиталы казны, они заставляли ее положительно бѣдствовать. Елизавета уже издавна привыкла черпать средства изъ государевой казны въ неограниченныхъ размѣрахъ на всѣ свои многоразличныя потребности, которыя у нея и теперь не уменьшались,—и вдругъ, по приказанію Алексѣя Григорьевича, ея посланные возвращались теперь съ пустыми руками. У нея не хватало даже соли на кухни! Долгорукіе мстили ей за ея пренебрежительный отказъ Ивану, который съ своей стороны, какъ онъ впослѣдствіи признался, замышлялъ запереть Елизавету въ монастырь. На жалобы Елизаветы государь будтобы отвѣчалъ: „Это не моя вина, меня не слушаютъ; но я скоро найду средство порвать эти путы". Слова эти были тотчасъ же доведены до слуха Долгорукихъ и, быть можетъ, даже нѣсколько дополнены. Въ нихъ уже слышалась угроза. Долгорукіе же встрѣтили эту грозящую имъ опасность, вмѣсто дружнаго отпора, тѣмъ, что всѣ между собою перессорились.

Владиміровичи стали упрекать Григорьевичей, что тѣ слишкомъ далеко зашли, слишкомъ рано начали распоряжаться, какъ хозяева. Иванъ поссорился съ сестрой, которая требовала отъ него брилліанты покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны, увѣряя, что Петръ Алексѣевичъ обѣщалъ ихъ ей. Въ этомъ отношеніи она брала примѣръ съ отца, матери и двоюродныхъ братьевъ, которые, какъ впослѣдствіи показало слѣдствіе, устраивали настоящее разграбленіе казны и коронныхъ драгоцѣнностей, оспаривая ихъ другъ у друга. А катастрофа уже была близка, и общее несчастье должно было примирить ихъ всѣхъ между собою, разрушивъ разомъ всѣ ихъ честолюбивые замыслы и ихъ алчные аппетиты.

---

*) *Дѣло Доргорукихъ* въ Государственномъ Архивѣ, въ Москвѣ.

6-го Яннаря 1730 г. какъ всегда, совершалось обычное освященіе воды. Какъ всегда, врагъ всякаго стѣсненія, Петръ II прибылъ слишкомъ поздно, когда обрядъ водосвятія уже былъ оконченъ, но присутствовалъ при парадѣ войскъ, не смотря на страшно сильный морозъ, а затѣмъ возвратился во дворецъ вмѣстѣ со своей невѣстой, стоя на запяткахъ позади ея саней.

Быть можетъ, очарованный какимъ-нибудь ловкимъ пріемомъ молодой дѣвушки, или же уступивъ настояніямъ Долгорукихъ, государь желалъ этой очевидной для всѣхъ рыцарской любезностью положить конецъ уже носившимся по Москвѣ толкамъ о разрывѣ предстоящаго брака его съ Екатериной Долгорукой. Но, вернувшись домой, онъ почувствовалъ легкое недомоганіе, его начало лихорадить, а на слѣдующій день у государя открылась оспа.

Долгорукіе были въ отчаяніи. Дипломатическій корпусъ взволновался. Датскій резидентъ уже вообразилъ Елизавету или племянника ея, герцога Голштинскаго, на русскомъ престолѣ и забилъ тревогу потому, что тогда надо было проститься съ Шлезвигомъ! Онъ поспѣшилъ къ Василію Лукичу и сталъ высказывать ему необходимость что-либо предпринять, допуская возможность фатальнаго исхода болѣзни. Что же слѣдовало сдѣлать?

А то, что было сдѣлано при кончинѣ Петра Великаго. Между женой и невѣстой разница не велика, и новая Екатерина Алексѣевна могла-бы такъ же прекрасно царствовать, какъ и та. По этому поводу братья и двоюродные братья совѣщались, но никакъ не могли придти къ соглашенію. Ставка была на этотъ разъ ужъ слишкомъ велика и рискованна, какъ казалось Владиміровичамъ, которые выставляли на видъ все новыя и новыя возраженія. Но вотъ 12-го Января государю стало лучше, и всѣ вздохнули свободно. Пять дней спустя—Петръ Алексѣевичъ имѣлъ неосторожность приказать открыть окно въ своей комнатѣ; оспа открылась,—и на этотъ разъ государь былъ безвозвратно осужденъ на смерть.

Теперь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій взялъ на себя иниціативу тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять на всякій случай. Онъ разослалъ по всему городу гонцовъ, приглашавшихъ всѣхъ членовъ семьи Долгорукихъ въ Головинскій дворецъ. Проведя всю ночь у изголовья государя, хозяинъ дома лежалъ въ

постели, и всѣмъ пришлось собраться въ его спальнѣ. „Государь при смерти,—заявилъ онъ,—надо избрать ему наслѣдника“.

— „Кого же вы думаете избрать“?—спросилъ Василій Лукичъ.

„Алексѣй Григорьевичъ указалъ пальцемъ въ потолокъ.

„Она тамъ“!

Екатерина Алексѣевна занимала комнаты во второмъ этажѣ надъ спальней отца. Владиміровичи на это только головой покачали. Но Сергѣй Григорьевичъ продолжалъ настаивать, формулируя мысль, родившуюся въ головѣ его брата. „Завѣщаніе государя рѣшило-бы дѣло безъ всякихъ хлопотъ. Вѣдь, законъ, установленный Петромъ Великимъ и предоставляющій царствующему государю право назначать себѣ преемника, существовалъ еще, и кого же другого могъ-бы избрать себѣ въ наслѣдники молодой государь, какъ не ту, съ которой онъ хотѣлъ раздѣлить и брачное ложе, и тронъ?..

При данныхъ условіяхъ, эта мысль сама по себѣ не имѣла ничего дурного или чудовищнаго. Даже иностранные дипломаты, обсуждая возможность подобнаго оборота дѣла; считали его вѣроятнымъ и возможнымъ, но Василій Владиміровичъ Долгорукій протестовалъ.

„Ни я, ни кто либо изъ моихъ кровныхъ не хотимъ быть ея подданными: она еще не вѣнчана!

„Но она уже обручена“!—возражалъ Алексѣй Григорьевичъ.

„Это не одно и то же, Марія Меншикова тоже была обручена“...

Ссора возгорѣлась; Григорьевичи заговорили даже о томъ, что могутъ справиться силою оружія.

„Василій Владиміровичъ!—воскликнулъ Сергѣй Долгорукій,—ты поручикъ преображенскаго полка, а Иванъ Алексѣевичъ капитанъ Преображенцевъ; вы двое можете распорядиться вашими людьми, какъ вздумаете“...

„Насъ перебьютъ!—заявилъ Василій Григорьевичъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ покинулъ родственный совѣтъ.

Тогда Василій Лукичъ всталъ, присѣлъ къ камину, въ которомъ ярко пылали дубовые стволы, и сталъ писать. Онъ составлялъ завѣщаніе, которое предполагалось дать подписать государю, но вскорѣ отбросилъ въ сторону перо; его неповоротли-

вый умъ и непослушные пальцы съ трудомъ чертили однообразныя фразы и слова; тогда всѣ остальные члены семьи принялись помогать ему, кто подсказывалъ ему мысль, кто предлагалъ извѣстный оборотъ фразы, кто старался воспроизвести эту фразу на бумагѣ; наконецъ, документъ, призывавшій Екатерину Долгорукую принять отъ своего жениха въ наслѣдіе его престолъ, былъ оконченъ. Но подпишетъ-ли его Петръ Алексѣевичъ? Въ этомъ можно было сомнѣваться до извѣстной степени,—и лица присутствующихъ при этомъ замѣтно стали омрачаться. Вдругъ Иванъ Алексѣевичъ громко и радостно воскликнулъ и, доставъ изъ кармана какія-то бумаги, разложилъ ихъ передъ собравшимися родственниками:

„Смотрите!—воскликнулъ онъ,—вотъ это писано рукой государя, а это моей. Вы ни за что не отличите, какая изъ этихъ бумагъ написана имъ и какая мной... Я умѣю также воспроизводить его подпись; десятки разъ я это дѣлывалъ шутя.

И взявъ перо, онъ не задумываясь написалъ на клочкѣ бумаги „*Петръ*“, у всѣхъ присутствующихъ вырвался невольный крикъ удивленія и восторга: „Да, это рука Государя!“

Затѣмъ наступило молчаніе. Только одни глаза говорили безъ словъ, и всѣ понимали другъ друга. Безъ дальнѣйшихъ объясненій было рѣшено, что фаворитъ предложитъ завѣщаніе для подписи Государю, а если оно по какой-либо причинѣ не будетъ имъ подписано, то необходимое будетъ сдѣлано самимъ фаворитомъ *).

III.

Не смотря на то, что все, повидимому, такъ хорошо улаживалось, необходимо было заручиться нѣкоторымъ содѣйствіемъ и сочувствіемъ со стороны. Въ этомъ отношеніи возраженія Василія Владиміровича были весьма основательны. Въ Верховномъ Совѣтѣ Голицынъ и Головкинъ назвали самое предположеніе о передачѣ престола Екатеринѣ Долгорукой безуміемъ. Гвардія ока-

*) Всѣ эти подробности взяты нами изъ слѣдствія и дѣла Долгорукихъ, въ Государственномъ Московскомъ Архивѣ, и изъ Костомарова Монографіи, XIV, 359—485.

залась враждебной этому плану, даже самъ Иванъ испугался того, что онъ осмѣлился задумать. Заставить Государя подписать завѣщаніе казалось невозможнымъ; онъ уже былъ въ безпамятствѣ, и Остерманъ, внезапно выздоровѣвшій, ни на шагъ не отходилъ отъ его кровати. Даже самая безподобная подложная подпись Государя могла при такихъ условіяхъ возбудить подозрѣніе и во всякомъ случаѣ оспариваться. Утративъ увѣренность въ успѣхѣ задуманнаго плана, Долгорукіе стали измышлять новые, еще болѣе неосуществимые планы: думали поспѣшить бракосочетаніемъ, не смотря на тяжкую болѣзнь Государя; или, въ случаѣ, если-бы это не могло состояться, уложить невѣсту, даже безъ церковнаго благословенія, на брачное ложе умирающаго *). Эта послѣдняя мысль, повидимому, внушена была Долгорукимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время Екатерина была уже беременна, по однимъ источникамъ отъ Петра II, что и заставило Государя не порвать этого брака, которымъ онъ, видимо, тяготился и который ему въ сущности претилъ.

По свидѣтельству Щербатова **), въ завѣщаніи составленномъ Долгорукими, этотъ фактъ подтверждался, и Государь, какъ будто основываясь на немъ, хотѣлъ передать престолъ будущей матери своего ребенка, и въ семьѣ Долгорукихъ сохранилось по настоящее время преданіе объ этомъ ***). По другимъ же источникамъ большаго вниманія заслуживаютъ иного рода предположенія, нашедшія себѣ впослѣдствіи также подтвержденіе. Между прочимъ, мы читаемъ въ отчетѣ Лефорта своему правительству слѣдующія строки: „Цѣломудренная и непорочная невѣста покойнаго Государя въ среду благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью, несомнѣннымъ продуктомъ юнаго кавалергарда, по фамиліи Нестерова“ ****). Собственно говоря, весьма мало вѣроятно, чтобы эта честолюбивая дѣвушка, хотя ея будущій супругъ дѣйствительно никогда не внушалъ никакого чувства любви, позволила себѣ такое увлеченіе, которое могло навсегда погубить обѣщанную ей блестящую будущность, и потому больше вѣроя-

---

*) Записки *Мардефельда* 25 янв. 1730 г. Сборникъ XV, 401.

**) *Щербатовъ*, томъ II, стр. 190.

***) *Долгоруковъ*, Мемуары, I, стр. 293.

****) *Лефортъ* 17 апрѣля 1730 г. Дрезденскій Архивъ, Сборникъ V, 377.

тій на сторонѣ перваго предположенія. Но какъ бы то ни было, самый фактъ ея беременности не подлежитъ сомнѣнію и въ то время ни для кого въ Москвѣ не былъ тайной. Впослѣдствіи на ея пути въ ссылку, это постыдное въ сущности материнство вызвало, однако, чувство благоговѣйнаго уваженія со стороны крестьянъ и др. простого населенія къ этой несчастной, которую Государь такъ почтилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ.

Во всякомъ случаѣ у постели умирающаго разыгралась отчаянная схватка честолюбивыхъ замысловъ; отдѣльныя лица боролись за обладаніе властью, какъ дикіе звѣри, дерущіеся за добычу. Даже старая Царица Евдокія оказалась затронутою въ этой борьбѣ. Ей предложено было принять на себя управленіе страной или, вѣрнѣе, регентство, въ ожиданіи рожденія ребенка у Екатерины Долгорукой, но Евдокія отказалась, ссылаясь на свой преклонный возрастъ и свои немощи. 18-го Января вечеромъ, когда врачи не подавали уже болѣе никакой надежды на выздоровленіе Государя, престарѣлая Царица удалилась въ смежную комнату и, ставъ на молитву, готовилась принять послѣдній вздохъ своего царственнаго внука. Иванъ Долгорукій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ умирающаго, выжидая удобную минуту, съ напряженнымъ вниманіе слѣдя за лицами присутствующихъ, окаменѣлыми отъ страха и напряженнаго ожиданія. Неподвижное, безстрастное лицо Остермана, стоявшее все время между нимъ и умирающимъ Государемъ, приводило его въ отчаяніе. На всякій случай онъ уже подписалъ одинъ экземпляръ завѣщанія, а другой держалъ наготовѣ, рѣшивъ воспользоваться первой удобной минутой, чтобы дать его подписать Государю. Но Остерманъ былъ на сторожѣ, а Петръ продолжалъ метаться въ безпамятствѣ. Въ часъ по-полуночи Государь, очевидно, въ въ бреду потребовалъ лошадей, чтобы ѣхать къ сестрѣ, покойной Наталіи Алексѣевнѣ, и спустя нѣсколько минутъ скончался. Манштейнъ утверждаетъ, будто Иванъ Долгорукій сталъ бѣгать по дворцу съ шпагою на голо и восклицать: „Да здравствуетъ Императрица Екатерина“! но, не встрѣчая нигдѣ отклика, вернулся къ себѣ и сжегъ завѣщаніе. Самое тщательное слѣдствіе о томъ, что въ эти минуты дѣлалъ и гдѣ находился фаворитъ, пріобщенное къ общему дѣлу Долгорукихъ, ничего не говоритъ о подобной попыткѣ съ его стороны, которая даже для такого

безумца, какимъ былъ Иванъ Долгорукій, кажется мало вѣроятной. Несмотря на всю свою легкомысленность, все же онъ долженъ былъ сознавать, что для того, чтобы превозгласить новую власть—новую главу государства въ такой моментъ, какъ этотъ, когда государство, со смертью Петра II, еще разъ очутилось надъ пропастью, его одинокій голосъ былъ слишкомъ ничтоженъ, слишкомъ безсиленъ.

Конецъ I-ой части.